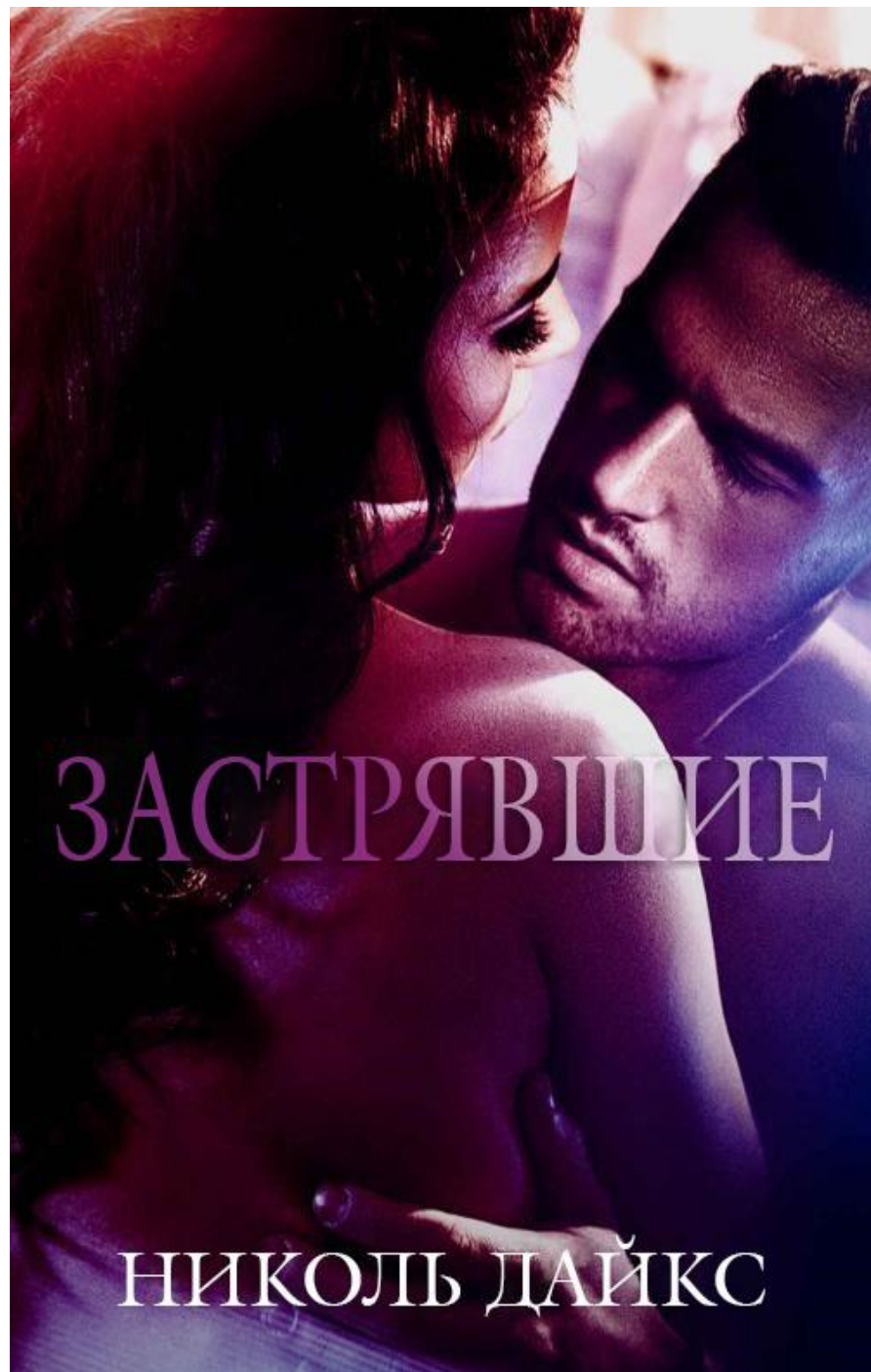

Переведено для группы: <https://vk.com/bookhours>

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

«Застрявшие» Николь Дайкс

Название: Николь Дайкс, «Застрявшие»

Серия: Вне серии

Переводчик: Светлана П

Редактор: Виктория К

Вычитка: Екатерина Л

Обложка: Виктория К

Переведено для группы: <https://vk.com/bookhours>

Аннотация

Четверо студентов решают провести зимние каникулы в глуши, без сотовой связи и интернета. Звучит как отличная идея, не так ли?

В смысле, что может пойти не так?

Ответ — всё.

Веселый отдых вдали от всего превращается в борьбу за выживание вдали от дома.

+18

(в книге присутствует нецензурная лексика и сцены сексуального характера)

Любое копирование без ссылки
на переводчика и группу ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд!

Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцать
Глава двадцатая
Глава двадцать первая
Глава двадцать вторая
Глава двадцать третья
Глава двадцать четвертая
Глава двадцать пятая
Глава двадцать шестая
Глава двадцать седьмая
Глава двадцать восьмая
Глава двадцать девятая
Глава тридцатая
Глава тридцать первая
Глава тридцать вторая
Глава тридцать третья
Глава тридцать четвертая
Глава тридцать пятая
Глава тридцать шестая
Глава тридцать седьмая
Глава тридцать восьмая
Глава тридцать девятая
Глава сорок
Глава сорок первая
Глава сорок вторая
Глава сорок третья
Глава сорок четвертая
Глава сорок пятая
Глава сорок шестая

Глава первая

ЭВЕРЛИ

— Я не уверена в этом, Ария.

Моя младшая сестра дуется, пыхтит и садится на кровать в моей квартире. Я живу за пределами кампуса, а она — первокурсница и застряла в общежитии. Поэтому, естественно, сестра проводит здесь большую часть своего времени.

— Эв, мы должны поехать. Будет весело.

— Весело? — Бросаю пару ботинок в чемодан, лежащий рядом с ней на кровати. — С Купером?

Сестра закатывает свои красивые голубые глаза, доставшиеся ей от мамы. А у меня странное сочетание цвета глаз мамы и папы. Они представляют собой странную смесь серого, зеленого и голубого. Все шутят, что мои глаза меняют цвет в зависимости от настроения.

— Да, с Купером и Лиамом. Знаешь, тот парень, с которым ты встречаешься почти три года.

Я улыбаюсь, думая о своем парне Лиаме. Высокий, умный, милый, настоящий американец. Мы познакомились на первом курсе колледжа и с тех пор почти неразлучны. Он и его лучший друг Купер родом отсюда и знают друг друга с пеленок. К сожалению, это означает, что они идут в комплекте.

Мы не так уж много времени провели наедине без этого засранца. Он самодовольный, высокомерный придурок, который с самого первого дня ясно дал понять, что не хочет, чтобы я встречалась с его лучшим другом. А теперь... теперь он встречается с моей младшей сестрой.

— Я в восторге от того, что проведу рождественские каникулы с Лиамом и тобой. Но Купер, — стону и бросаю в чемодан одежду, потому что все уже решено. Мы выезжаем сегодня, но я все еще дуюсь.

— Так уж случилось, что мне нравится Купер.

Качаю головой и проклиная себя за то, что привела Арию на барбекю в дом Лиамы и Купера пару месяцев назад. Она застенчивая и не так легко заводила друзей, поэтому моя тупая задница решила, что затащить ее на вечеринку будет хорошей идеей.

Большая. Ошибка.

Конечно, Купер Кингстон ухаживал за моей сестрой, как он делает с любой другой девушкой, но с моей сестрой нелегко. Она заставила его потрудиться, и теперь они встречаются уже больше месяца.

— Я не понимаю этого, Ария. Как он может тебе нравиться? Он же свинья. — Великолепная, уверенная в себе свинья, но все же.

Сестра хихикает, убирая светлые волосы от лица.

— Он не свинья. Купер действительно милый со мной.

— Правда? — Я сажусь рядом с ней. — Ты прекрасна, Ария. И можешь найти хорошего горячего парня, который не трахает все, что движется.

— Он этого не делает. Думаю, Купер не был ни с кем другим с тех пор, как мы встретились.

— Ты так думаешь? — Моя сестра такая наивная. Она всего на три года младше меня, но кажется, что гораздо больше. Я люблю ее, но Ария смотрит на мир широко раскрытыми глазами и во всем видит добро.

— Он так сказал.

— И ты ему веришь?

Ария не колеблется ни секунды.

— Верю. Всем нужно во что-то верить, Эв.

— Да, но я не собираюсь доверять Купу.

Она смеется.

— Ты не могла бы поторопиться? Я уже готова отправиться в путь.

Четырех с половиной часовая поездка в глухомань, штат Канзас, где у семьи Купера есть хижина. Это очень плохая идея.

— Не волнуйся, Ария. Подождет эта куча небытия.

Она улыбается и падает спиной на мою кровать.

— Думаю, будет очень романтично. Хижина у черта на куличках. Там даже нет Wi-Fi или сотовой связи.

Я стону:

— Звучит, как будто это место в аду.

Сестра хихикает, хватая одну из моих подушек и садится, скрестив ноги и глядя на меня снизу-вверх.

— Это здорово. Купер сказал, что там есть гидромассажная ванна и камин. Мы сможем выпить горячего какао и посидеть у огня. Можешь себе представить? Будет так весело. Я упаковала карты и всевозможные закуски. Только мы. На целый месяц. Никакого давления со стороны мамы и папы. Никакой учебы.

Я смотрю на нее, зная, как суровы к нам наши родители. Нас четверо детей. Мы дети закоренелых, одержимых хирургов. Ария — самая младшая. И они нянчатся с ней, ожидая, что та станет великой личностью. Совсем как они.

— Я все еще думаю, что мы должны сказать им, куда едем.

Она качает головой.

— И после этого ты говоришь, что это я правильная?

Ария такая и есть. Безусловно.

— Что, если что-то случится? — Мы едем в глушь, где на многие мили вокруг нет ни одного города, нет сотовой связи и в пределах видимости только пшеничные поля.

А наши родители будут думать, что мы здесь, в кампусе.

— Ничего не произойдет. Маму и папу не волнуют праздники. Я даже не могу вспомнить последнее Рождество, которое мы провели все вместе.

Это правда. Наши родители всегда были готовы выехать на вызов. Праздники не имели большого значения в нашей семье, и на самом деле я помню, как однажды проснулась рождественским утром с кучей наличных на комод и запиской, в которой говорилось, что они вернутся через несколько дней.

Они любят нас, просто не знают, как это показать.

Когда мы сказали родителям, что собираемся ходить на зимние занятия и остаемся в кампусе, ни один из них и глазом не моргнул. Они изредка проверяют нас, а когда проверяют, обычно это короткое электронное письмо или простое текстовое сообщение.

Вздыхаю и застегиваю свой чемодан.

— Хорошо, но месяц — это действительно долгий срок. И я имею в виду, что у тебя еще даже не было секса с Купером.

Она прикусывает нижнюю губу, и у меня сводит живот.

«Фу, нет».

Я не хочу знать, но все равно должна спросить. Нездоровое любопытство берет надо мной верх.

— Так ведь?

Ария хихикает, ее щеки слегка розовеют.

— Нет. Пока нет.

— Пока? — Я сажусь рядом с ней, желая знать, что значит это «пока». — Итак, эта поездка?

Ария кивает, выглядя невинной и милой, и еще больше краснеет.

— Да. Думаю, что пришло время. Он мне действительно нравится, и, боже мой, Эв, Купер целуется лучше всех.

— Фу, это мерзко, — стону я и откидываюсь на спинку кровати. — Не хочу слушать, как Купер оскверняет мою младшую сестру.

Она смеется, когда я прикрываю глаза, и убирает мои руки, глядя на меня снизу-вверх.

— Я не такая уж маленькая. И устала от того, что со мной обращаются, как с ребенком. А Купер так со мной не обращается.

— Это потому, что он хочет тебя трахнуть.

— Мило. — Она хватает подушку и бьет меня ею.

Мы смеемся, когда я бросаю ее обратно в нее.

— Ты не обязана, ты же понимаешь. Если он давит на тебя...

— Он не давит, — быстро перебивает меня Ария. — Я уже не маленький ребенок, и Куп, кажется, действительно видит меня. Он подталкивает меня выйти и повеселиться, но не заставляет делать то, чего мне не хочется.

— Кто-нибудь другой. — Я выпрямляюсь, когда она поднимается с кровати. — Ты могла бы встречаться с кем угодно другим.

Сестра смеется, ее смех так же мил, как и она сама.

— Я знаю. Прости, но ты его видела?

Я притворяюсь, что меня тошнит, и она смеется еще громче, хватая меня за руку и тянет вверх.

— Давай же. Они ждут, а я не хочу опаздывать.

— Не могу этого допустить.

Сестра хихикает, когда я хватаю свой чемодан и тащу его к своей машине.

Не могу избавиться от ноющего чувства внутри. Конечно, я рада провести месяц со своим парнем, запертая вдали от остального мира, но просто что-то не так.

И все же я никогда не могла отказать своей младшей сестре.

Глава вторая

КУПЕР

— Да, мам. Знаю. Мы будем в безопасности.

Я улыбаюсь, слушая, как Лиам разговаривает по телефону со своей мамой. Миссис Андерсон — воплощение Мамы. По выходным она готовит блины и шьет костюмы для нас с Лиамом каждый Хэллоуин. Она самая лучшая.

— Да, но не забывай, что в коттедже нет связи. Так что пройдет месяц, прежде чем ты получишь от меня весточку. Не посылай поисковую группу.

Мой лучший друг весело смеется над тем, что говорит ему мама, и это заставляет меня улыбнуться. Лиам также является воплощением идеального ребенка. Он всегда был таким — не попадал в беду, получал одни пятерки и играл в футбол и баскетбол. Парень хорош во всем. У этого ублюдка даже есть ямочки на щеках, которые сводят девушек с ума.

Но его интересует только одна девушка, причем с самого первого курса.

Эверли.

Самоуверенная, сильная, красивая, потрясающая Эверли.

Она ненавидит меня до глубины души с того самого дня, как мы встретились. На той же вечеринке, где они познакомились. В тот вечер я пытался уговорить Лиаму быть моим ведомым с близняшками. Откуда мне было знать, что девушка, с которой он тусовался, станет той, с кем друг будет проводить каждое мгновение бодрствования в течение следующих трех лет?

— Хорошо, мам. Знаю. Я тоже буду скучать по тебе, но мы отпразднуем Рождество, когда вернемся.

Лиам вешает трубку и бросает свой телефон на мою кровать, пока я заканчиваю собирать вещи для поездки.

— Ты не смог соврать, да?

Он смеется тем легким раскатистым смехом, который был у него всегда.

— Черт возьми, нет. Я никогда не лгу своей маме. И ты ее знаешь, если бы она думала, что я в кампусе и игнорирую ее, то уже колотила бы в нашу дверь. И устроила бы полномасштабный розыск по всему штату.

Я хихикаю и бросаю пачку презервативов в сумку.

— Наверное, ты прав.

Его родители заботятся, действительно заботятся о нем. Они из тех родителей, которые собирают и дают нам остатки приготовленной еды каждый раз, когда мы приезжаем.

Лиам берет презервативы, приподнимая бровь.

— Серьезно?

Я пожимаю плечами.

— Что?

— Ты собираешься трахнуть сестру моей девушки? Эв точно отрежет тебе яйца.

Я скрещиваю руки на груди, думая о его девушке.

— Я не останусь на месяц в хижине у черта на куличках без секса. Когда Ария будет готова к этому, это произойдет.

Друг бросает презервативы обратно в сумку, качая головой с широкой ухмылкой на губах.

— Она убьет тебя.

— Арии восемнадцать. Она великолепна и умна. И способна сама принять это решение. И не говори мне, черт возьми, что ты не будешь трахать Эверли.

На мгновение парень выглядит почти страдающим, а затем пытается стереть это выражение, но я замечаю.

— Точно.

— Что не так?

— Ничего.

Лиам начинает уходить, но я хватаю его за руку.

— Я знаю тебя с тех пор, как ты мочился в штаны. Что, черт возьми, не так?

Он тяжело вздыхает. Парень сам на себя не похож.

— Я облажался.

Это определенно не мой лучший друг.

— Что ты имеешь в виду?

Лиам выглядит расстроенным, как будто его сейчас вырвет, и прислоняется к моему комоду.

— Я... — Он качает головой. — Я облажался. Сильно.

— Насколько сильно?

Раздается звонок в дверь нашего дома. На лице друга появляется затравленное выражение, прежде чем он направляется к двери.

— Лиам. — Я следую за ним по пятам. — Что случилось? Скажи мне.

Мы останавливаемся перед входной дверью, и он выглядит так, будто его сейчас стошнит.

— Я изменил ей.

У меня отвисает челюсть. Он, должно быть, издевается надо мной. Лиам бы так не поступил. Он самый преданный ублюдок, которого я знаю.

— С кем?

Он качает головой.

— Это неважно. Это было всего один раз, но это убьет ее, Эверли. Не могу поверить, что сделал это.

— Мы собираемся ехать в машине с ней и ее сестрой в течение четырех часов. Ты собираешься ей сказать сейчас?

Его плечи опускаются.

— Я не знаю.

Снова звонит дверной звонок, и я слышу хихиканье Арии с другой стороны прочной двери.

— Это было всего один раз?

Он кивает.

— Да. Я сказал ей, что это не может повториться. Это была просто глупая ошибка.

Иисус. Никогда не думал, что это может произойти. Я знаю, как сильно Лиам заботится об Эверли, и безоговорочно доверяю своему лучшему другу. Если он говорит, что это было всего один раз, значит, так оно и было. Я хватаю его за плечи и смотрю в его измученные глаза.

— Твой секрет со мной в безопасности.

Лиам пытается растянуть губы в улыбке, но у него плохо получается.

— Не могу в это поверить. И я не хотел, чтобы это случилось.

Я ненавижу то, как его это мучает, и крепче сжимаю плечи друга.

— Тогда этого не произошло. Этого не было. Ты использовал резинку?

Лиам кивает, широко раскрыв глаза.

— Конечно.

— Значит, этого не было.

Он судорожно сглатывает, в его глазах читается вина.

— Не знаю, смогу ли сохранить это в секрете от нее.

— Что хорошего может быть в том, чтобы рассказать ей? А? Это лишь причинит боль вам обоим. Ты не будешь с той таинственной девушкой. Тебе нужна Эв. А если ты ей расскажешь, она уйдет. В чем смысл? Вы оба будете несчастны.

Эверли ни за что его не простит. Она навсегда спишет его со счетов, если не убьет.

Лиам кивает, похлопывает меня по плечу и отходит от меня, чтобы открыть дверь. Я пытаюсь восстановить самообладание, когда Ария врывается внутрь, обнимая меня за шею.

— Привет, Купер! Я так взволнована, что едва могу это вынести. Вам, ребята, потребовалось реально много времени, чтобы открыть дверь.

Лиам выглядит виноватым, хватаясь за шею сзади, не глядя на свою девушку или сестру Арии, а вместо этого отводя взгляд в пол.

— Э-э, да, извини. Мы заканчивали собирать вещи.

Эверли изучает его, ее глаза словно затягивает грозное серое облако. Нельзя отрицать, что девушка великолепа. За гранью великолепия. Ее длинные черные волосы прямые, а красные губы пухлые. На ней шапка, перчатки и пуховое пальто, и она совсем не выглядит довольной тем, что находится здесь. Эверли целует Лиам в губы, все еще хмурясь.

— Ты в порядке?

Наконец парень отрывает взгляд от пола и кивает ей, целуя в нос.

— В порядке. Вы, девчонки, готовы?

Она качает головой, когда Ария энергично кивает и подталкивает сестру локтем

— Эв скоро придет в восторг.

Я обнимаю Арию за талию, притягивая ее маленькое тело к своему. Она — свет в темноте Эверли. Блондинка, задорная. Совсем не в моем вкусе, но в этой милой девушке было что-то такое, что привлекло мое внимание и удержало. Не помню, чтобы когда-либо так усердно работал, добиваясь первого поцелуя, и это было все, что я получил за две недели.

Однако потом девушка начала все больше и больше поддаваться желанию и исследовать то, что ей нравится. Она сказала мне, что готова к следующему шагу. Тем не менее, несмотря на то, что у меня в сумке есть презервативы, я не уверен, что это произойдет.

— Мне нужно упаковать выпивку, — говорю я, закрывая дверь за девушками, чтобы больше не впускать обжигающий ветер.

Эверли скрещивает руки на груди.

— Всенепременно, давай затаримся на целый месяц.

Я игнорирую ее сарказм и ослепительно улыбаюсь.

— Черт возьми, да. Может быть, мы заставим тебя расслабиться. Может быть, даже сможем вытащить эту палку из твоей задницы.

Она пристально смотрит на меня, а Лиам притягивает ее ближе к себе, шепча что-то ей на ухо, что, кажется, успокаивает ее.

О да, это будет отличное путешествие. Мой лучший друг, моя новая подруга и цыпочка, которая ненавидит меня до глубины души.

Глава третья

ЭВЕРЛИ

Да, это мое определение ада. Моя младшая сестра свернулась калачиком на переднем сиденье рядом с Купером, хихикая и держа его за руку, пока он везет нас сквозь чертову метель.

И я имею в виду настоящую гребаную метель. Мы ехали два часа без проблем с погодой, но сейчас снегопад стал такой сильный, что почти ничего невидно. Купер говорит, что видел и похуже, и его внедорожник прекрасно справится со снегом, но тошнотворное чувство у меня в животе только усиливалось.

И что еще хуже, Лиам, кажется, отключился. К тому же, не похож на себя с тех пор, как мы приехали к ним домой сегодня утром. Честно говоря, он сам не свой уже пару недель. Парень едва смотрит на меня, и я не понимаю, что с ним происходит.

— Так красиво. — Моя младшая сестра смотрит на снегопад, как на чудо.

Ненавижу снег. Я определенно летняя девушка.

Купер берет ее руку в свою и подносит к губам, прижимаясь к ней поцелуем. Я закатываю глаза и стараюсь не подавиться. Потому что видела, как этот парень снимал полуголых девиц, трахал девушку в джакузи, и не раз видела, как он занимался сексом втроем. Он не тот милый парень, каким притворяется с Арией. Купер ни к чему не относится серьезно.

Но она выглядит такой чертовски счастливой с ним. Полностью захваченная его обаянием.

Бесит, что он такой красивый. Парень был благословлен непослушными черными волосами, лицом, обещающее грех и хорошее времяпрепровождение, которое заставит вас забыть и не думать ни о чем, одухотворенными глазами и полными красными губами. Шикарная линия подбородка. Высокий. Стройный. Великолепный.

В нем есть все, перед чем не может устоять такая милая девушка, как моя сестра.

Плохое для нее хорошо.

Я провожу ладонью по бедру Лиамы, обтянутому джинсами, и поворачиваюсь к нему, понизив голос:

— Ты в порядке?

Его милая улыбка такая печальная, когда он смотрит на меня и кивает, накрывая мою руку своей, гораздо большей.

— Ненавижу поездки в машине. Меня укачивает.

Его действительно укачивает в машине.

— Куп, — зову я его с заднего сиденья.

— Что?

— Съезжай на обочину. Поменяйтесь с нами местами.

— Ни за что, блядь. Я не остановлюсь. Мы хорошо проводим время.

Я сжимаю челюсти, потому что парень все время обо всем со мной спорит.

— Зачем именно ты так спешишь? — Пристально смотрю на его отражение в зеркале заднего вида, и, клянусь, если Купер скажет что-нибудь о том, чтобы трахнуть мою сестру, я убью его.

Он держит рот на замке и обращается к Лиаме:

— Хочешь сесть за руль?

Уже начинает темнеть, но я хорошо вижу красивое лицо Лиамы, когда он кивает.

— Да. Может быть, мне станет лучше.

— Я хочу ехать впереди, — дуется Ария.

Я вздыхаю.

— Ладно. Ты можешь остаться впереди.

Купер съезжает на обочину, и Лиам смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

— Серьезно?

Я смеюсь, потому что ни для кого не секрет, как я отношусь к Куперу. Бедный Лиам годами вмешивался в наши споры.

— Все в порядке. Правда. Я просто хочу, чтобы ты почувствовал себя лучше.

Купер вылезает, и Лиам прижимается поцелуем к моим губам.

— Спасибо.

Он вылезает и запрыгивает за руль, пока Купер усаживает свое большое тело на сиденье позади него.

— Еще два часа, — говорит себе под нос.

Я складываю руки на груди и вздыхаю.

— Еще два часа.

Ненавижу, что его запах завладел запахом Лиам за считанные секунды. Лиам пахнет более клинически, а запах Купера более древесный, как сосна и виски.

Этому мудаку лучше не быть пьяным.

— Ты что, пил? — спрашиваю я.

Ария поворачивается, чтобы посмотреть на меня.

— Конечно, не пил.

— Пахнет виски.

Она хихикает.

— Это его одеколон. Бурбон с дубом. Это сексуально.

Купер подмигивает ей, и я снова скрещиваю руки на груди, ненавидя себя за то, что согласна с ней, но никогда не признаюсь в этом.

— Ты что, искупался в нем?

На самом деле запах не такой сильный, но почему-то я никогда не могу прикусить язык или скрыть свое раздражение на него.

— Лиам, твоя девушка снова ведет себя стервозно. Не мог бы ты, пожалуйста, получше ублажать ее? Приручи ее уже.

Я свирепо смотрю на него.

— Да пошел ты.

— Ни единого шанса, милая.

Я хочу убить его, но Лиам просто смеется, отмахиваясь, пока едет по заснеженному шоссе. Мы уже давно не видели ни одной машины. Это безумие, насколько пустынна эта часть штата.

— Вау. Снегопад действительно сильный. Не думаю, что дорогу чистили. — Теперь голос Арии звучит обеспокоенно, и я делаю то, что делала с тех пор, как себя помню.

— Он падает слишком быстро. Очищать пока не имело смысла. Они это сделают. Все в порядке.

Сестра улыбается мне в ответ, а затем обращает свое внимание на Купера.

— Расскажи еще об этой хижине.

Он ухмыляется.

— Не могу дождаться, чтобы затащить тебя в ту горячую ванну. Ты не забыла бикини?

Ария кивает. Я не могу видеть ее сейчас, когда стемнело, но знаю, что она покраснела.

— Не забыла. Я тоже не могу дождаться.

— Фу, мне действительно не хочется этого слышать, — стону и встречаюсь глазами с Лиамом в зеркале. Он подмигивает мне, и я не могу сдержать улыбку. С ним я всегда чувствовала себя в безопасности.

— Скоро поворот, чувак, — говорит Купер Лиаму, который уже включил сигнал поворота.

— Да, я был там всего лишь сто раз. — Он издевается над Купером со счастливой ноткой в голосе.

Думаю, может быть, его просто укачало в машине. Чем ближе мы подъезжаем к хижине, тем больше парень становится похож на себя.

— Да, да. Ты самоуверенный ублюдок.

— Ты знаешь это, — шутит Лиам, и я закатываю глаза, но на самом деле мне не терпится добраться до хижины и остаться с ним наедине. Прошло уже несколько дней с тех пор, как мы оставались наедине из-за выпускных экзаменов и окончания семестра.

Ария отстегивается и поворачивается, потянувшись за чем-то на полу у моих ног. Я тут же ругаю ее:

— Эй, пристегнись. Что ты делаешь?

— Я умираю с голоду, а у меня собрана куча закусок.

— Я подам. Чего ты хочешь?

— Я сама найду. — Она продолжает рыться в сумке, но я отталкиваю ее руку.

— Повернись.

Ария фыркает, поворачивается на своем сиденье и надувает губы, но затем вытягивает руку и указывает на что-то впереди.

— Лиам, берегись! — Я слышу визг моей сестры как раз в тот момент, когда тот нажимает на педаль тормоза, скользя по льду и снегу на дороге.

— О, черт, держитесь, — слышу я голос Лиамы, когда моя сестра кричит. Машина выходит из-под контроля.

Должно быть, на дороге было какое-то животное или что-то в этом роде, но из-за снега было так чертовски трудно это разглядеть. Внедорожник переворачивается, и мы катимся. Я закрываю глаза, молясь, чтобы мы справились с каждым поворотом, с каждым звуком бьющегося стекла и дробящегося металла.

Мое сердце колотится в груди, и я чувствую боль. Но также чувствую оцепенение.

Дороги здесь извилистые, и, несмотря на то, что многие могут подумать, они не совсем ровные. Там есть холмы, и нам случилось взобраться на особенно коварный извилистый холм, когда мы попали в аварию.

Открываю глаза и оглядываю машину. Затем протягиваю руку, чтобы коснуться своего лба, которым явно на что-то наткнулась, но я не уверена, на что именно. Чувствую липкую густую жидкостью и понимаю, что это кровь, даже в темноте.

Я оглядываюсь и вижу Купа, который шевелится и держится за левое плечо.

— Черт.

Каким-то образом машина приземлилась на колеса, но все стекла разбиты. И холодно, очень холодно. Затем я замечаю, что лобовое стекло разбито, его просто нет.

— Ария? — ахаю я.

Ответа нет.

Почему нет ответа?

Глава четвертая

КУПЕР

«Какого черта? Это плохо».

Плечо болит, оно явно вывихнуто.

Эверли, кажется, в порядке, но продолжает звать сестру. У меня звенит в ушах. Кажется, ударился головой, но я тоже вроде в порядке.

— Ария! Ответь мне.

Я отстегиваюсь и двигаюсь вперед, уставившись на пустое пассажирское сиденье.

— Черт.

— Что? — в отчаянье спрашивает Эверли.

— Ее там нет.

— Что? Что значит «ее там нет», черт возьми? — Девушка отстегивает ремень безопасности, ее движения медленные и неуверенные.

— Ее там нет.

— Ария? — кричит Эверли, а затем кладет руку на лоб, как будто ей больно.

— Лиам? — зову я, поворачиваюсь и вижу, что друг ссутулился на переднем сиденье. Черт, он не двигается. Хватаю его за плечо и трясусь. — Лиам?

— Нет! — Я чувствую, что Эверли тоже пытается встряхнуть его. — Лиам, очнись!

— О, черт. — Провожу пальцами по волосам, пытаюсь понять, что, черт возьми, произошло. Только что мы все смеялись и подкалывали друг друга, а в следующее мгновение вот это. Ария куда-то пропала, а Лиам не двигается.

— Лиам, очнись, пожалуйста, — умоляет Эверли.

Задерживаю дыхание и подношу пальцы к его горлу, нащупываю пульс. Он слабый, но есть.

— Он жив.

Эверли задыхается от паники, в ужасе смотрит на меня и опускает взгляд на грудь Лиамы. Мой взгляд следует за ее, а затем и у меня перехватывает дыхание, когда вижу, что кусок металла вонзился ему в грудь.

— О, черт.

Девушка пристально смотрит на меня.

— Перестань так говорить.

— Прости, что, черт возьми, я должен сказать? Это нехорошо?

— Да, блин.

Эверли лезет в сумку, хватается рубашку и перебирается вперед, прижимая свернутую ткань к ране. Но мы оба знаем, что это бесполезно.

— Так много крови. — Ее голос звучит ошеломленно и отчаянно, пока она пытается остановить кровь, вытекающую из его раны.

— Лиам, ты меня слышишь? — спрашиваю я, но ответа нет. — Мы поможем тебе. Только держись.

Достаю свой телефон из кармана, и хотя я знал, что так и будет, меня убивает, когда вижу, что сигнала нет. Нет ни единой палочки.

Даже для вызова экстренных служб.

— Черт возьми.

— Ничего? — спрашивает Эверли.

Качаю головой и смотрю в окно на темное небо, с которого все еще сыплется снег.

— Нет.

Девушка достает свой телефон и чертыхается, прежде чем бросить его на пол.

— Ничего. Я знала, что это плохая идея.

— Не время, — рычу я.

— Нет? — Ее пылающий взгляд встречается с моим. — Мы все замерзнем насмерть на обочине пустынной дороги только потому, что ты хотел в течение месяца где-нибудь трахать мою младшую сестру.

— Я мог бы трахнуть твою сестру в любом чертовом месте, где захочу. Мне не нужно было для этого привозить ее сюда. Это была ее... — Я останавливаюсь и отчаянно оглядываюсь. — Где она? — спрашиваю я.

Глаза Эверли расширяются, когда она смотрит сквозь теперь уже несуществующее лобовое стекло.

— О боже, она не была пристегнута.

Мое сердце замирает.

«Нет, она не могла. Но лобовое стекло исчезло».

Лиам стонет, шевелясь, а затем открывает глаза, кряхтя от боли, когда смотрит вниз на металл, торчащий из его груди.

— Что, черт возьми, случилось?

Эверли целует его в губы и всхлипывает:

— Ты очнулся. Просто оставайся с нами.

Лиам снова стонет.

— Черт, — выдыхает он, глядя вниз и прикасаясь к торчащему из его груди металлу. — Это нехорошо.

— Все в порядке, — говорит Эверли, и я почти уверен, что она скорее пытается убедить себя. — Ты сильный, самый сильный мужчина, которого я знаю.

Он усмехается, качая головой.

— Это не так.

— Так и есть. С тобой все будет в порядке. — Эверли поворачивается ко мне, когда я смотрю на кровь, хлещущую из его тела. — Купер!

Я смотрю, как кровь пропитывает рубашку друга, а затем смотрю на Лиам, который выглядит обезумевшим. Мы оба знаем — он не выберется из этой машины. Я застываю, глядя, как мой лучший друг истекает кровью. Мы оба студенты-медики, но я, блядь, не могу ни двигаться, ни мыслить здраво.

— Купер!

Мой взгляд устремляется на Эверли.

— Что?

— Иди поищи Арию. Пожалуйста. Я останусь с ним. — Девушка выглядит отчаявшейся, как будто ей нужно сказать себе, что все в порядке. Что с нами все будет хорошо.

Оцепенев, пытаюсь открыть дверь, но она не поддается.

— Черт.

— Попробуй другую. — Она кивает на другую сторону машины.

Киваю и скользя на другую сторону, моя раненая рука пульсирует и бесполезна, и мне приходится поддерживать ее. Толкаю дверь и, спотыкаясь, вылезая на снег, который доходит мне до колен.

«Это плохо».

Уже темно. Нахожу свой телефон и использую свет фонарика, пока осматриваюсь, зная, что не найду ничего хорошего.

Здесь, в снежной бездне, царит жуткое ощущение.

Ненавижу, когда прав мой инстинкт, потому что сначала вижу кровь на снегу, а потом вижу ее. От открывшегося передо мной зрелища сжимается желудок, и я тут же наклоняюсь, когда меня тошнит в белый снег.

«Нет, пожалуйста, пусть это не будет реально».

Ария мертва.

Милая девушка, которую я едва успел узнать, мертва. Это очевидно.

Возвращаясь к машине, мои внутренности скручиваются в узел, и открываю переднюю пассажирскую дверь, теперь еще больше оцепенев.

— Ты нашел ее? — Эверли смотрит на меня с надеждой и ужасом в глазах. Я медленно киваю и встречаюсь взглядом с Лиамом. Он понимающе опускает голову, но Эверли требует ответа. — Где она?

Я качаю головой, и Лиам чертыхается себе под нос.

— Купер? — Руки Эверли лежат у него на груди, пока она изо всех сил пытается остановить кровотечение. — Где моя сестра?

У меня нет слов. Горло саднит, я сглатываю и пытаюсь что-то сказать. Вспоминаю искалеченное тело Арии, и меня снова тошнит.

— Скажи мне.

— Она... — Господи, это действительно происходит? — Она мертва.

Эверли сердито смотрит на меня.

— Чушь собачья. Ты лжешь.

— Нет.

— Ты такой придурок. Это несмешно.

Я думаю, что она в шоке. Девушка смотрит на меня с презрением и недоверием, но не убирает руки с груди Лиама.

— Я не лгу.

Она задыхается от ярости и качает головой.

— Возьми это на себя. Я сама ее найду.

— Нет, — одновременно произносим мы с Лиамом.

— Не смей говорить мне «нет». — Эверли направляет всю свою ярость на меня. — Она моя сестра. Думаешь, я тебе просто поверю?

— Она мертва, Эв. Нет никаких вариантов. Тебе ненужно это видеть.

Девушка, приоткрыв рот, в ужасе смотрит на меня.

— Нет. Ты ошибаешься.

— Эв. — Я слышу напряженный голос Лиама, он дышит слишком тяжело, почти хватая ртом воздух. Эверли поворачивается к нему, и тот проводит рукой по ее щеке. — Поверь ему. Пожалуйста.

Она качает головой.

— Нет. Ты же знаешь, что я ему не доверяю.

Его рука остается на ее лице.

— Ты должна. Он не лжет. Я знаю. — Лиам дышит хрипло. Ясно, что каждый его вдох — это борьба. — Я знаю, когда он лжет. Тебе ненужно этого видеть.

Он кашляет, и изо рта брызжет кровь.

Черт.

— Лиам, прекрати болтать, чувак, — говорю я, зная, что это не поможет.

Он заставляет себя улыбнуться, но это больше похоже на гримасу.

— Вы двое не поубивайте друг друга, хорошо?

— Не будем, — говорю я, встречаясь с ним взглядом. — Мы позаботимся о тебе.

Друг смеется, качая головой, а затем морщится от боли.

— Просто води себя хорошо, ладно?

Качаю головой, надежда полностью покидает меня, когда его глаза закрываются. Я всю свою жизнь старался быть таким же хорошим, как он.

— Лиам! — визжит Эверли, пытаюсь разбудить его, но он не приходит в сознание.

Мой лучший друг один раз судорожно вздыхает, а потом я вижу, как жизнь покидает его тело. И ничего не могу для него сделать.

— Нет. Нет. Нет! — Эверли трясет его, и когда он не отвечает, колотит того по плечам, но его безжизненное тело едва двигается.

Я хватаю ее за руку и пытаюсь оттащить, но Эверли отпихивает меня.

— Не надо.

— Эв, он ушел.

— Пошел ты. Он жив.

Я смотрю на его бледное лицо, на его тело, покрытое кровью. Никакого движения. Он не дышит. Лиам мертв.

— Он умер.

— Черт. Он не умер.

— Эв, давай. Мы должны попытаться найти помощь.

Я снова пытаюсь схватить ее за руку, но девушка отмахивается.

— Нет. Я их не оставлю.

— Они мертвы. Если мы останемся здесь, то тоже умрем.

— Мне все равно.

«Упрямая женщина».

— Эверли, нам нужно идти. — Я не могу позволить ей тоже умереть.

Она смотрит на меня, ее широко раскрытые глаза полны слез, а лицо залито кровью.

— Нет. Я не могу их оставить.

Открываю заднюю дверь и собираю сумки, зная, что нам понадобится все, что мы сможем унести, чтобы выжить.

Мы, по меньшей мере, в тридцати милях от города. Вероятно, ближе к шестидесяти.

— Нам нужно попытаться найти дом. Телефон.

Девушка качает головой.

— Идет снег.

— И не прекратится. Здесь нет окон, мы замерзнем насмерть, если останемся.

Я пытаюсь донести это до нее, и девушка поворачивается к Лиаму, уставившись на его тело. Ее маленькие плечи сотрясаются от рыданий.

— Прости.

Не знаю, за что она извиняется, но не спрашиваю.

Она целует его в щеку, а затем вылезает из внедорожника, падая в снег, но не упоминает о холоде или о том, что он почти доходит ей до талии.

Я перекидываю столько сумок через здоровое плечо, сколько могу, и Эверли берет оставшиеся две, задумчиво глядя на холм.

— Мы не сможем пережить это.

«Я знаю».

Нет никакого способа. Здесь чертовски холодно, снег глубокий. У нас нет мобильных телефонов, и я не помню, чтобы здесь были какие-то дома.

— Но мы попытаемся.

— Я хочу увидеть свою сестру.

— Нет, — говорю я решительно, потому что никто не должен этого видеть.

Эверли, смирившись, смотрит на меня.

— Ты уверен, что она умерла?

Я отрывисто киваю.

— Да.

Ее маленькие плечи поникают.

— Что ж, тогда давай начнем наше путешествие к смерти.

Я не спорю.

В этом нет смысла.

Это безнадежно.

Глава пятая

ЭВЕРЛИ

Ария мертва.

Лиам мертв.

И мы тоже скоро умрем.

Мы ни за что не сможем пережить это. Мы тащимся по снегу в темноте, кажется, целую вечность. По близости не видно ни одного дома. Ни одной машины. Ничего.

Мы совершенно одни в метели.

Я промокла насквозь. В большинстве своем сугробы мне по пояс. Ноги так устали и онемели, что не думаю, что смогу сделать еще один шаг.

— Мы замерзнем до смерти. Как думаешь, на что это похоже? — бормочу я, заставляя ноги двигаться вперед по холодному снегу.

— Мы не умрем.

Смотрю прямо перед собой.

— Ты учишься на медицинском. Ты сам это знаешь.

Лиам и Купер оба были на медицинском.

— Да, это принесло мне много пользы. Я не смог спасти ни одного из них.

Купер знал это с того момента, как увидел металлический стержень, торчащий из груди Лиамы, что тот умрет. Я могла это видеть в его глазах, но отказывалась верить. Мои руки были покрыты кровью от попыток остановить кровотечение Лиамы.

— Сколько времени пройдет, прежде чем нас настигнет переохлаждение?

Купер останавливается и поворачивается ко мне.

— Ты в шоке. Болтаешь без остановки, но я не собираюсь думать о том, что может случиться. Я собираюсь вытащить нас отсюда.

Я усмехаюсь, злая и такая чертовски оцепенелая, потому что все, чего мне хочется — это вернуться назад во времени, когда мы все четверо были живы в той машине. Однако замолкаю, пока мы продолжаем наш безнадежный спуск в заснеженную пустошь.

— Эверли.

— Что? — едва выдыхаю я.

— Я вижу дом.

Смотрю вперед, щурясь в темноте, словно это поможет.

— Я ничего не вижу.

— Я вижу. Пошли.

Парень ускоряет шаг, но мое тело вот-вот выдохнется. Мне так чертовски холодно.

— Нет.

Купер останавливается, но не тратит энергию впустую, отступая, чтобы добраться до меня.

— Эверли. Пошли. Я вижу дом. Ты не сдашься сейчас.

— Там нет никакого дома. Ты бредишь, и тебе мерещится. С меня хватит. Я просто хочу вернуться к ним.

Купер злится, когда подходит ко мне, наклоняется, чтобы заглянуть мне в лицо, и кладет руку на мое плечо.

— У меня плечо болит, похоже, вывихнуто. Так что я реально не хочу тащить твою задницу на себе туда, — он указывает за спину сквозь густые деревья, — где есть дом. Это наша единственная надежда, и они, — указывает в сторону обломков, — возненавидят нас обоих, если мы сдадимся.

По какой-то причине я игнорирую все остальное, и мой взгляд падает на его плечо.

— Ты повредил плечо?

Купер фыркает, глядя на меня так, словно я сошла с ума.

— Пойдем.

Требуется вся моя сила воли и невероятное количество усилий, чтобы последовать за ним, но я думаю о Лиаме и своей сестре. Ария никогда бы не сдалась. Она всегда верила в

лучшее. Поэтому я протискиваюсь вслед за ним, и как только мы проходим через группу деревьев, мои глаза удивленно расширяются.

— О, боже мой.

Удивительно, но Купер не говорит: «Что я тебе говорил?» Мы оба продолжаем идти к старому белому дому посреди нигде. Дом покрыт снегом и светится в темноте, несмотря на то, что продолжает валить снег.

Мы добираемся до парадного крыльца и поднимаемся по лестнице. Я дрожу, но стараюсь держать себя в руках, когда Купер стучит в дверь.

«Пожалуйста, откройте».

Купер снова стучит, колотя в старую дверь.

— Черт.

— Дай им минуту.

Парень смотрит в окно рядом с дверью.

— Света нет.

Думаю об Арии и пытаюсь сохранить надежду.

— Метель, вероятно, вырубил электричество.

Парень поворачивается и смотрит вокруг дома.

— Машины нет.

— Может быть, она припаркована где-нибудь в другом месте.

Парень выглядит раздраженным, а затем снова колотит в дверь. Нам не видна большая часть дома. Здесь слишком темно и слишком много снега, но, похоже, он заброшен. Купер снова колотит, а потом начинаю и я тоже, умоляя воображаемых домовладельцев открыть чертову дверь.

— Пожалуйста, — умоляю, не узнавая свой собственный голос. Я ощущаю слабость, близость к смерти, и мне приходится бороться, чтобы продолжать стоять и не опуститься на колени.

Парень поворачивает ручку, пытаясь открыть дверь, но она не поддается.

— Черт.

— Купер, что нам теперь делать?

Он оглядывается вокруг.

— Будем надеяться, что окно легко разобьется.

— Что? — Я в шоке смотрю на него. — Мы не будем вламываться в чужой дом.

— У нас нет выбора. — Купер начинает осматриваться на крыльце, которое, к счастью, накрыто навесом, так что не завалено снегом. Находит большой камень с нарисованной буквой «X» на лицевой стороне.

— Куп, — предупреждаю я, но уже слишком поздно.

Используя камень, парень разбивает окно рядом с замком, протягивает руку и отпирает его. Видимо здешние люди не слишком беспокоятся о незваных гостях.

Купер поднимает окно и поворачивается ко мне.

— Залезай внутрь.

— Черт возьми, нет. — Я складываю руки на груди. — Я не собираюсь вламываться в чужой дом.

— Предпочитаешь замерзнуть до смерти?

— Что, если они дома, но не отвечают?

Он забрасывает наши сумки внутрь, прежде чем залезает сам, быстро встает и поворачивается, чтобы посмотреть на меня.

— Тогда мы попросим их о помощи. Нам нужна помощь.

Делаю глубокий вдох и бросаю внутрь сумки, которые несла, прежде чем неловко забраюсь вслед за ним. Парень использует одну руку, чтобы помочь мне, и с его губ срывается стон, когда мы оба пошатываемся, и он ударяется о стену.

Купер делает глубокий вдох и хватается за плечо. Я нахожу опору и действительно чувствую себя виноватой за то, что причинила ему боль.

— Прости.

Он пожимает плечами.

— Все в порядке.

Оглядываю полутемную комнату, в которой мы находимся. Думаю, что это гостиная, потому что могу разглядеть старый диван и, возможно, стол.

— Эй? — окликает Куп, когда мы останавливаемся у входной двери.

— Что, если здесь живет семья серийных убийц?

Купер игнорирует меня, находит выключатель и щелкает им, но ничего не происходит, что неудивительно.

Электричества нет.

Парень достает свой мобильный телефон и включает фонарик, светя им вокруг. Ага. Один пыльный старый диван и прикроватный столик — это все, что есть в этой гостиной. Пол старый, но, похоже, его поддерживали в порядке.

Есть камин с полкой, но на ней нет никаких фотографий.

— Не похоже, что здесь кто-то живет, — говорит он, освещая все вокруг светом.

Оставляем сумки у двери, обходим дом и заходим на кухню, где есть только счетчики, но нет бытовой техники. Купер пытается включить свет, но ничего не получается. Дом определенно заброшен.

— Это нехорошо, — повторяю я, не узнавая собственного голоса.

Мы исследуем остальную часть дома, в которой оказывается одна спальня и ванная комната на первом этаже, а также две спальни и еще одна ванная комната наверху. Все пусто.

Возвращаемся вниз. Я вижу страдание на лице Купа, даже если он не высказывает, насколько безнадежно наше положение.

— Хорошо. — Он делает глубокий вдох, и я не уверена, что когда-либо видела его таким серьезным. — Это заброшенный дом в глуши.

Я хочу отметить, что он только что заявил очевидное, но слишком устала, чтобы препираться.

— Здесь холодно.

Парень кивает в сторону камина.

— Мы можем развести огонь. Это сохранит нам жизнь.

— Сомневаюсь, что там есть дрова.

Купер направляет фонарь на небольшую кучку дров.

— Завтра, когда рассветет, я постараюсь найти еще немного и принесу внутрь, чтобы высушить.

Киваю головой, не чувствуя надежды, как до того, как мы нашли дом. Но, по крайней мере, я не по пояс в снегу.

— Нам нужно раздеться.

Хмурю брови.

— Ни за что.

Купер закатывает глаза и хватается свою сумку.

— Отлично. Умирай от переохлаждения, но я, черт возьми, переодеваюсь. Оставаться в мокрой одежде глупо.

Ненавижу, что он прав. Расстегиваю молнию на пальто и бросаю его на диван, поворачиваясь к парню, когда он делает то же самое со своим пальто и перчатками. Купер снимает свитер, морщась, когда вытаскивает поврежденную руку из рукава.

Мне нужно отвести взгляд.

Парень кладет свой телефон на диван, направляя свет вверх, но отсюда я могу разглядеть его точеный и татуированный торс.

Раньше я уже видела его без рубашки. В этом нет ничего особенного. Я знаю, что у парня есть четко очерченный пресс с восемью кубиками и татуировка на ребрах в виде стетоскопа и бьющегося человеческого сердца. Знаю, что на его бицепсах и правой половине грудной клетки тоже есть татуировки. Может быть, это из-за шока, но, кажется, я не в состоянии отвести взгляд.

Купер, должно быть, чувствует мой взгляд, потому что его глаза встречаются с моими.

— Эв?

Смотрю ему в лицо и ожидаю, что парень отпустит какую-нибудь дурацкую шутку о том, что я пялюсь на него, но вижу только беспокойство.

— Что?

— Пожалуйста, переоденься.

Голос парня звучит отчаянно и смущенно. Я снимаю рубашку, оставаясь в черном кружевном лифчике, который надела специально для Лиамы. Потом поворачиваюсь к Купу спиной.

— Не смотри.

Он что-то ворчит, но мне все равно. Скидываю ботинки и подхожу к сумкам. Расстегиваю джинсы и стягиваю влажную тяжелую ткань с задницы и бедер. Наконец, сняв их, отбрасываю в сторону и встаю на колени, расстегивая черную сумку передо мной.

Всхлипываю, когда вытаскиваю первую попавшуюся вещь. Это поношенная серая футболка, о которой я столько дерьма наговорила Лиаме, сказав, что он должен ее выбросить, потому что она уже практически прозрачная. Достаяю ее из его сумки и подношу к носу, вдыхая его запах, и снова всхлипываю.

«Это не может быть реально».

Глава шестая

КУПЕР

«Держи себя в руках».

Я надеваю спортивные штаны, избавляясь от всей своей мокрой одежды, и изо всех сил пытаюсь согреться. Нахожу пару носков и натягиваю их, безуспешно пытаюсь не смотреть на Эверли, стоящую на коленях у сумки Лиамы, почти голую и держащую в руках его футболку.

Не хочу замечать изгиб ее бедер или круглую попку, едва ли прикрытую кружевными черными стрингами в тон лифчику.

«Она надела это для него. А теперь он мертв. Твой лучший друг».

Мы оба определенно в шоке от аварии и потери Лиамы и Арии, но она не может долго так сидеть.

— Эв, одевайся. — Мой голос представляет собой грубое рычание. Я знаю, что должен смягчить свой тон, но с трудом держусь на волоске.

Ее руки, все еще держащие его футболку, падают вперед, и я стараюсь не замечать чернил, выглядывающих из-под края лифчика. Я задаюсь вопросом, что это такое, но затем заставляю себя поднять взгляд на ее лицо.

— Тебе что, все равно? Вообще?

— О чем, черт возьми, ты говоришь?

Ее глаза сверкают, когда она оборачивается на меня.

— Они мертвы. Тебе что, все равно?

— Конечно, мне, блядь, не все равно. Но я ничего не могу с этим поделать. А теперь прикрой свою задницу.

У меня болит в груди от того, насколько сильно меня это волнует. Я не могу закрыть глаза, потому что каждый раз, когда это делаю, вижу безжизненное тело Арии, лежащее на снегу, и Лиамы, пока жизнь уходит из его тела. А я ни черта не мог сделать.

Эверли натягивает футболку Лиамы на свой торс, а затем находит его спортивные штаны, подтягивает их и туго стягивает в талии. Они велики ей, но, по крайней мере, теперь она прикрыта.

Смотрю на камин и бросаю ей пару своих носков, когда подхожу к нему. Эв ловит их с раздражением, но, к счастью, не сопротивляется и натягивает их. Затем подходит, чтобы встать рядом со мной, глядя на скудную кучу дров.

— Этого хватит хотя бы на одну ночь?

— Думаю, этого должно быть достаточно на две.

— Две. — Она смотрит на них безжизненным, пустым взглядом. Это выражение остается на ее лице весь вечер, нет даже проблеска надежды.

Смотрю на ее лицо, позволяя себе хорошенько рассмотреть ее. У нее руки все еще в крови Лиамы, вот почему я подумал, что на ее лице тоже была его кровь. Но теперь вижу глубокую рану.

— Черт возьми, Эверли. Ты не подумала рассказать мне об этом? — Я указываю на рану над ее правым глазом.

Она выглядит смущенной, а затем прикасается к месту, морщась.

— Я... я не знала.

Девушка совершенно оцепенела. Я пытаюсь подойти осторожно к ней. Но сначала направляюсь к своей сумке, хватаю футболку и прикладываю ту к ее ране.

— Нам нужно остановить кровотечение.

— Я в порядке. — Ее голос звучит тихо.

Эверли совсем не тихая.

— Это не так. Тебе, наверное, нужно наложить швы.

Она отмахивается от моей руки, но прижимает ткань к голове.

— Я сама.

— Ты со студентом-медиком, знаешь ли.

Девушка фыркает, и меня совсем не удивляет, что она не воспринимает меня всерьез. На самом деле я не излучаю серьезность. Если только не сдаю тесты или лабораторные в классе.

Но Эверли об этом не знает.

— Я рискну.

— И истечешь кровью до смерти?

Девушка пристально смотрит на меня. Ох, этот пылающий взгляд Эверли. Я так и не смог к нему привыкнуть.

— Я не подпущу тебя к себе с иглой. — Она пожимает своими маленькими плечиками. — Не то чтобы у нас вообще была игла.

— Если найду, мы зашьем рану, если понадобится. Или, может быть, я смогу найти какой-нибудь супер-клей.

Это вызывает ее свирепый взгляд, но мне все равно. Я приступаю к следующему заданию — ищу спички или зажигалку.

— Нам нужно что-нибудь, чтобы разжечь огонь.

— У тебя наверняка есть зажигалка.

Я подхожу к своей сумке и ухмыляюсь от того, что она почувствовала необходимость поднажить меня из-за того, что большую часть времени у меня под рукой травка. Достая зажигалку из бокового кармана своей спортивной сумки, а затем беру газету, которую заметил у двери.

Быстро разжигаю костер, в то время как Эверли стоит рядом, не двигаясь, прижимая мою рубашку к голове. Я пытаюсь незаметно проследить, сколько крови просачивается сквозь материал, когда заканчиваю разжигать огонь. Он пылает, проливая в комнату больше света и, к счастью, тепла. Впервые за сегодняшний вечер я чувствую легкое облегчение и плюхаюсь на пол рядом с камином.

Эверли присоединяется ко мне, и, рискуя вызвать ее гнев, я убираю ее руку, чтобы получше осмотреть рану. Рана глубокая, и хотя из нее не хлещет кровь, она определенно все еще кровоточит. Как мы этого не заметили, пока бродили по окрестностям? Нехорошо, что кровь до сих пор не остановилась.

— Голова кружится?

Эверли закатывает глаза, и я сдерживаю свою реакцию, хотя она сводит меня с ума. Ей больно, сегодня вечером она потеряла своего парня и сестру.

Я продолжаю напоминать себе об этом, когда встаю, хватая свой телефон.

— Поищу иголку с ниткой.

— Нет. — Девушка встает, но шатается, цепляясь за стену. — Ты не будешь меня зашивать.

Я снова прижимаю ткань к ее ране и наклоняюсь, чтобы посмотреть ей в глаза.

— Надави. Я скоро вернусь.

Она фыркает, но меня это не беспокоит. Я привык к ее высокомерному отношению. Поднимаюсь по лестнице в ванную, надеясь, что найду что-нибудь, что поможет. Должно же быть что-то.

Открываю аптечку и обнаруживаю, что она совершенно пуста. Проверяю все спальни наверху, а затем спускаюсь к тому, что, как я предполагаю, является хозяйской спальней. В ванной нахожу два лейкопластыря и немного марли, но иглы нет.

На данный момент придется довольствоваться этим.

Возвращаюсь в гостиную и нахожу Эверли, прислонившейся к стене рядом с камином, с закрытыми глазами.

На мгновение я паникую, мне не нравится, что не вижу ее глаз.

— Эверли. — Задерживаю дыхание, пока ее глаза не открываются, сначала встречаясь с моими, а затем глядя на вещи в моих руках. — Спасибо, черт возьми.

Опускаюсь на колени рядом с ней, мое плечо пульсирует, но я стараюсь не обращать внимания на боль, когда убираю ткань. — Я не смог найти никакого антисептика.

— Только посмотри на себя, играешь в доктора.

— Я очень хорошо играю в доктора. — Я шевелю бровями, глядя на нее, и она закатывает глаза в ответ на намек, но на самом деле улыбается.

Я изо всех сил стараюсь смыть с нее кровь, а затем обматываю ее голову марлей, надеясь, что этого будет достаточно, чтобы остановить кровотечение. Завязываю не, а затем смотрю на девушку, почти смеясь над белой марлей, которой обматывал вокруг ее головы столько раз, сколько смог.

— Ты реально смеешься над моей болью?

О, черт. Наверное, я действительно немного посмеялся.

— Ты выглядишь как персонаж из фильма ужасов.

— Ты и сам выглядишь не таким сексуальным. — Она кивает на мое плечо. — Насколько все плохо?

— Просто вывих. Все будет хорошо. — Мне нужно вставить плечо на место, но я не могу переварить эту мысль прямо сейчас. Хотя беспокоюсь о нем.

Поднимаю здоровую руку и удерживаю ее лицо на месте, глядя девушке прямо в глаза.

— Какого хрена ты делаешь?

Эверли не отстраняется, так что я бы не сказал, что она так уж раздражена.

— Оцениваю тебя на предмет сотрясения мозга, — фыркает Эв, но все же не отталкивает меня. Оценив реакцию ее зрачков, я плюхаюсь рядом с ней у стены. — Думаю, с тобой все в порядке.

— Я знаю. — Она складывает руки на груди, все еще прикрытой только футболкой Лиамы. — Столько всего произошло, а я получила лишь порез.

— Ну, у тебя может быть внутреннее кровотечение, — пытаюсь пошутить я, но это только наполняет меня ужасом.

Эверли, однако, не разочаровывает.

— Скрестим пальцы, чтобы у тебя, а не у меня.

Ее лицо выглядит так, словно она почти удивлена, что эти слова сорвались с ее губ, и я не могу удержаться от смеха.

— Это черный юмор, Эв.

Она усмехается и качает головой.

— Прости. По правде, мне бы этого не хотелось.

— Да, я знаю. Ты тайно тосковала по мне все это время.

Теперь девушка закатывает глаза и поворачивается ко мне.

— Конечно. Говори себе, что хочешь.

Я снова смеюсь, но останавливаюсь, когда чувствую боль в плече.

— Нужно проверить, что мы имеем.

— Здесь слишком темно. И холодно. И этот дом какой-то жуткий.

— Господи. Я знал, что ты та еще заноза в заднице, но не думал, что ты — ребенок.

Еще больше свирепых взглядов со стороны Эверли.

— Я не ребенок.

Заставляю себя встать и подтащить сумки к огню.

— Я имел в виду наши припасы. Мы можем осмотреть дом, когда будет светло.

Девушка кивает.

— Я взяла с собой не так уж много, кроме одежды и косметики. Бикини, которое сомневаюсь, что буду использовать.

— Да уж.

«Не представляй ее в бикини. Она девушка твоего мертвого лучшего друга и сестра твоей мертвой девушки. Господи, я теряю рассудок».

Не то чтобы я редко видел ее в бикини за эти годы. И это не первый раз, когда мне приходится упрекать себя за то, что представляю ее снова и снова.

Эверли расстегивает молнию на сумке и роется в ней, находит толстовку и натягивает ее поверх футболки Лиамы.

— Похоже, у меня нет ничего, кроме одежды и косметики.

Мы оба смотрим на сумки Арии. У нее две большие, тяжелые сумки, понятия не имею, как мне удалось протащить их по снегу, но когда Эверли открывает их, я рад, что сделал это. Девушка подготовилась. Она упаковала много закусок, карты и аптечку первой помощи.

— Господи, она была девушкой-скаутом?

Эверли качает головой, продолжая перебирать одежду, но делая это медленно, останавливаясь, чтобы посмотреть на каждый предмет одежды. Я ненавижу боль, которую вижу в ее глазах. Они были сестрами и явно близки. Это должно быть убивает ее.

Эверли хватает большую коробку презервативов и поднимает ее, пристально глядя на меня. Вот дерьмо.

— Что?

— Что? Фу. — Она бросает их в меня, и я ловлю здоровой рукой. — Сколько секса вы, ребята, планировали?

— Я не знал, что она их возьмет. — Не то чтобы это ее касалось. Но по какой-то причине я чувствую себя виноватым.

Девушка останавливается, когда находит кружевное белье и отодвигает сумку. Я не осмеливаюсь взглянуть на него. Мне не нужно, чтобы Эверли отрезала мне яйца за то, что я почти переспал с ее младшей сестрой.

— Закуски и аптечка первой помощи пригодятся.

Она кивает и снова открывает сумку Лиамы, роясь в ней.

— Нет ничего, кроме одежды.

— О, даже не планировали заниматься сексом? Это просто грустно, — пытаюсь пошутить я, но девушка не смеется.

— Мы были преданной парой, придурок. У меня спираль. Нет необходимости в презервативах. Не то что бы тебя это касалось.

Твою ж мать. Такое чувство, что моя грудь разрывается надвое от ее слов. Хотел бы, чтобы меня просто заводила мысль о том, чтобы трахаться без резинки, но все, о чем я могу думать, это о том, что Лиам не был так уж предан ей.

— Что? Никаких забавных комментариев от Купера по этому поводу? — Она изучает меня.

«Дерьмо. Скажи что-нибудь».

Я пожимаю плечами.

— Что тут можно сказать? Ты уела меня.

Да, она на это не покупается.

— Ты странно себя ведешь.

Я мгновенно начинаю защищаться, потому что ни за что не выдам Лиамы.

— Возможно, это из-за аварии с опрокидыванием машины и двух мертвых тел.

Эверли морщится, и я съеживаюсь.

«Ух ты, я такой мудак».

— Мне больно. Я злюсь. Прости.

Она пожимает плечами.

— Все в порядке. Что у тебя есть?

«Ей это не понравится».

Я достаю презервативы и две бутылки виски:

— Похоже, у меня есть антисептик.

Она широко раскрывает глаза.

— Тебе пятнадцать? Вот так ты собираешь вещи на целый месяц?

— Я взял одежду, мисс Я-Взяла-Только-Одежду-И-Косметику.

Эверли что-то бормочет, доставая одеяло из другой сумки Арии. Встает и смотрит на диван, потом снова на меня.

— Думаю, мы оба сможем поместиться.

— Хочешь спать вместе?

Она качает головой.

— Последнее, чего мне хочется, это спать с тобой, но еще я не хочу умирать. А этого огня будет недостаточно.

— Иди ты, этот огонь идеален.

Девушка закатывает глаза, но я ложусь на диван на спину и подаю ей знак лечь между моих ног. Это совсем небольшой диван. Она не спорит, а просто устраивает свою задницу между моих ног, откидывается мне на грудь и натягивает на нас одеяло.

— Не подумай ничего лишнего.

— Поверь мне, последнее, о чем я сейчас думаю — это секс. В основном я думаю о твоём гребаном костлявом локте в моем бедре.

Она слегка поворачивается к спинке дивана, убирая локоть, но вызывая слишком сильное трение между моими ногами.

Из всех сил стараюсь не думать о близком контакте, надеясь, что у меня не встанет, пока тело девушки будет прижиматься к моему.

Это нетрудно, когда я закрываю глаза и вижу ночной кошмар.

Этого более чем достаточно, чтобы убить любой стояк.

Глава седьмая

ЭВЕРЛИ

Просыпаюсь от того, что что-то твердое упирается мне в спину, и стону, точно зная, что это такое.

«Он что, издевается?»

Как, черт возьми, парень может быть возбужден прямо сейчас? Толкаю его локтем в бок, заставляя хрюкнуть и слегка пошевелиться, только для того, чтобы он прижался ко мне еще сильнее.

— Что?

— Ты... — Я оборачиваюсь, злясь, и замечаю, что в доме и снаружи все еще темно, но огонь в камине еще горит. Его глаза все еще закрыты, и он держится за больное плечо. — У тебя стояк.

Купер медленно открывает один глаз и наклоняет голову набок.

— Серьезно? Поэтому ты меня будишь?

— Ты, блядь, издеваешься надо мной?

Парень закатывает глаза, потому что Купер Кингстон — самый бесящий человек на планете.

— Что ты хочешь, чтобы я с этим сделал, Эверли? Ты лежишь у меня между ног и, черт возьми, трешься об меня.

— Я не трусь о тебя.

Куп делает глубокий вдох, и я наблюдаю, как его грудь поднимается и опускается.

— Неважно. Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Просто... — Опускаю взгляд, прежде чем ловлю себя на том, что сосредотачиваюсь на впечатляющей выпуклости в его штанах, прежде чем снова перевожу взгляд на его лицо. — Подумай о чем-нибудь другом.

— Поверь мне, так и делал. Должно быть, я заснул.

Что-то в том, как Купер это говорит, вместе с болью в его голосе, заставляет меня чувствовать себя полной идиоткой. Он видел Арию. Видел ее мертвое тело. Вздыхаю и поворачиваюсь, прислоняясь спиной к дивану.

— Мы не выживем, не так ли?

— У нас есть убежище. И огонь.

— Дом заброшен и почти пуст. У нас нет электричества.

Его взгляд встречается с моим, и могу сказать, что он не будет пытаться подбодрить меня, как это сделали бы Лиам и Ария. Они были яркими и веселыми людьми. Остались только мы с Купером, и все, что у нас есть — это темнота и уныние.

— У нас есть огонь.

Мои губы слегка приподнимаются в ответ на его слабую попытку оставаться позитивным.

— Дерьмовый, — ухмыляюсь ему, и парень смеется, зная, что я издеваюсь над ним.

— Ага. Ну, твоя задница была довольно теплой на мне.

— Ни на секунду не думай о моей заднице.

Купер снова хихикает, а затем морщится. Я знаю, что его плечо болит сильнее, чем парень показывает. И он действительно позаботился о кровоточащей ране на моей голове. Встаю с дивана и подхожу к сумке Арии, той, что полна одежды.

Нахожу одну из ее простых футболок, нюхаю ее, а затем рву.

Купер садится, широко раскрыв глаза.

— Что ты делаешь?

Я подхожу к нему.

— Делаю тебе поддерживающую повязку, потому что ты упрямая задница, и я сомневаюсь, что мы сможем сами вправить тебе плечо.

— Я здесь студент-медик.

Я улыбаюсь, но занята тем, что делаю ему перевязь, прижимаюсь к нему и ненавижу то, что даже после всего, через что мы прошли, я чувствую его знакомый запах.

— Мои родители — хирурги. Я читала медицинские книги для развлечения.

Парень приподнимает бровь, оценивая меня, но улыбается.

— И они научили тебя делать самодельный бандаж для руки?

Я качаю головой, завязывая перевязь у него на шее.

— Нет. Видела это в «Анатомии страсти».

Купер смеется, а затем стонет от боли от движения, но, кажется, восхищается моей работой, когда смотрит на свою руку. Затем смотрит мне в глаза.

— Спасибо.

— Не за что. Спасибо, что позаботился о моей ране.

Его взгляд скользит по марле.

— Не думаю, что она все еще кровоточит. По крайней мере, не настолько, чтобы пропитать повязку насквозь.

— Это хорошо. — Я сажусь и откидываюсь на спинку дивана, все еще опустошенная. Почти уверена, что мы проспали не очень долго. — Мне нужно в туалет.

— Ну, черт возьми.

Я откидываю голову назад, не делая никаких попыток встать.

— Да уж.

— Пойдем. — Купер встает, хватая свой мобильный телефон, который, уверена, долго не прослужит в качестве нашего фонарика, но сейчас я рада, что он у нас есть. Парень протягивает мне руку. Я так устала, что беру ее без колебаний.

Он ведет меня в ванную в задней части дома.

— По крайней мере, здесь есть туалет.

— Но, вероятно, нет проточной воды, — рассеянно говорю я, мой мочевой пузырь вот-вот лопнет, так что в данный момент мне все равно.

Куп подходит к раковине и поворачивает кран. Мы оба застываем в шоке, когда льется вода.

— Ух ты. Вода есть.

— Seriously? Не думала, что здесь кто-то живет. Почему вода все еще включена?

Парень пожимает здоровым плечом.

— Должно быть колодец. Это хорошая новость, Эв.

Я улыбаюсь, на самом деле чувствуя искру надежды.

— Да. Хорошая. А теперь убирайся. Мне нужно в туалет.

Он усмехается и оставляет мобильный телефон на стойке, прежде чем закрыть за собой дверь. Занимаюсь делами и мою руки ледяной водой, прежде чем выхожу из ванной.

— Можешь забрать телефон, если нужно. Мне тоже нужно в туалет.

— Я подожду. — После того, как он заходит в ванную и закрывает дверь, я иду в спальню, желая, чтобы там оказалась кровать или нечто подобное, что-нибудь, что могло бы предложить домашний уют.

Когда Куп выходит, я смотрю на него.

— Ты не смысл.

— Да, подумал, что нам следует подождать, пока не найдем колодец. Посмотрим, с чем имеем дело.

Теперь я чувствую себя полной идиоткой из-за того, что смыла за собой, но ничего не говорю и следую за ним обратно в гостиную.

Парень потирает затылок и смотрит на диван.

— Как насчет того, чтобы лечь валетом? Не могу обещать, что мой член не отреагирует на то, что ты будешь тереть его ногами, но это все, что я могу придумать.

— Придурок, — ворчу я и кладу голову на противоположную сторону от того места, где он стоит. — Мы должны были сделать это раньше.

Он ложится, его длинные ноги вытянуты вдоль моего тела.

— Просто было холодно.

Я смотрю на огонь.

— Да, огонь довольно хорошо помогает нам согреться.

— Осторожно, Эв. Это было близко к комплименту.

Закатываю глаза, но слегка улыбаюсь, прежде чем смотрю на другой конец дивана.

— Я боюсь.

Лицо Купера становится серьезным, и он кивает.

— Я тоже. Давай спать.

Киваю и пытаюсь устроиться поудобнее, но диван узкий, а Купер большой. Ворочаюсь сбоку набок, пока не слышу, как он рычит: — Спи.

— Не могу. Неудобно.

Парень тяжело вздыхает.

— Хочешь снова лечь на меня?

Ненавижу то, как легко было заснуть, лежа на нем раньше. Вместо того, чтобы угрожать ему по поводу его эрекции или вообще делать какие-либо заявления, я безмолвно поворачиваюсь и ложусь на него всем телом.

Не хочу думать о реальности. Не хочу вдыхать запах затхлого дивана.

На сегодняшний вечер я просто хочу расслабиться и вдыхать запах Купера.

Неважно, насколько это запутанно.

Глава восьмая

КУПЕР

Плечо чертовски болит, но поддерживающая повязка помогает. Приоткрываю глаза и стону, видя, как солнце струится сквозь окна. Оно отражается от снега снаружи, поэтому кажется слишком ярким для такого раннего утра.

Эверли все еще лежит на мне в отключке, но ночью девушка переместилась, и теперь ее лицо уткнуто прямо в мою промежность.

Она точно проснется в ярости от того, что мой твердый член прижимается к ее лицу. Решив на этот раз избежать ее гнева, здоровой рукой приподнимаю девушку и выбираюсь из-под нее. Она что-то ворчит и откидывается на спинку дивана. Сдерживаю смех, не желая пока ее будить.

Огонь погас ночью, но, что примечательно, дом по большей части сохранил тепло, так что вполне терпимо.

Решаю поберечь дрова и, сходя в ванную, как можно тише натягиваю свое почти сухое пальто и ботинки. Эверли все еще спит, и я предпочитаю, чтобы так и оставалось. Во сне она выглядит умиротворенной.

Надеваю шапку и выхожу на улицу, встречая обжигающий холод, но радуясь, что снегопад прекратился. Закрываю за собой дверь и спускаюсь с веранды, осматривая бесплодную землю. Я не вижу дороги, но она может быть погребена под снегом.

Замечаю старый сарай и направляюсь в его направлении. На то, чтобы открыть дверь, уходит вся моя энергия. И боль в плече усиливается, но когда захожу внутрь, я вижу, что это того стоило.

Там есть сено и много дров, которые уже нарублены. Подхожу к поленицам, понимая, что нам снова улыбнулась удача. Оглядевшись вокруг, нахожу много инструментов, но больше ничего. Тем не менее, дрова — это огромный куш.

Хватаю одной рукой как можно больше дров и направляюсь обратно к дому, складываю их на крыльце, а затем делаю еще несколько ходок. Теперь дров на крыльце хватит на несколько дней. Должно быть, я поднял шум, потому что Эверли рывком открывает дверь, стоя на пороге со скрещенными руками и хмурым выражением лица.

— Что ты делаешь? — Ее взгляд устремляется на дрова и комично расширяются. — Где ты их нашел?

Указываю на сарай.

— Там их полным-полно. Они подготовились к зиме, кем бы «они» ни были.

— Они нарубили кучу дров, а затем покинули свой дом?

Я пожимаю плечами.

— Или умерли.

Девушка становится серьезной, кивает, и, наклоняясь, собирает немного дров в руки и заносит их внутрь. Следую ее примеру и приношу свою собственную охапку, складывая у камина.

— Тебе холодно?

Она смотрит на меня так, будто я глупый. Типичная Эв.

— Здесь довольно холодно.

— Ну, теперь, когда знаю, что у нас есть запасы, я развею огонь.

Девушка улыбается, и я не могу не заметить, какая она хорошенькая, когда улыбается, а не хмурится на меня.

— Спасибо.

— Мы стали друзьями? — саркастически спрашиваю я, начиная разжигать огонь, и она фыркает, качает головой и плюхается на диван с сумкой Арии.

— Давай не будем сходить с ума, — говорит она, что вызывает у меня смех, пока я ворошу дрова металлической кочергой. Наблюдаю за ней боковым зрением, когда девушка собирает импровизированный завтрак из батончиков мюсли и крекеров. — А как насчет воды?

— Я не видел колодца, но был там недолго. Хотя у Арии были бутылки с водой.
Девушка кивает, вытаскивая одну. Я заканчиваю с огнем и сажусь рядом с ней. Эверли предлагает мне упаковку крекеров.
— Итак, насколько мы влипли, Купер?
Ее голос серьезен, но не так мрачен, как прошлой ночью. Вздыхаю и жую крекер, откидывая голову на потрепанный диван.
— Наверняка твои родители скоро забеспокоятся и начнут тебя искать. — Она ничего не говорит, и я, поворачиваясь, наклоняюсь, чтобы посмотреть на нее. Девушка выглядит виноватой. — Что?
— Они думают, что мы с Арией остались на занятия во время каникул. Думают, что мы в кампусе.
— Ты солгала своим родителям?
Эверли кивает, покусывая нижнюю губу.
— Ария знала, что они будут не в восторге, если та отправится в хижину с парнем, которого они даже не знают. Она очень хотела этого и умоляла меня.
Не упоминаю, что Ария хотела, чтобы я познакомился с ними, но они всегда были слишком заняты. Не то чтобы я был в восторге от встречи с родителями всего через месяц после того, как встретил ее, но я бы сделал это для нее. Она была слишком мила, чтобы сказать ей «нет». Медленно киваю головой, зная, как взволнована была Ария.
— Ну, может быть, так будет лучше. Я имею в виду, когда они узнают, что тебя нет в кампусе, они начнут искать.
Эверли криво усмехается, чего я не понимаю.
— Нет. Они не будут проверять, как у нас дела. Поверь мне. Пока думают, что мы ведем себя хорошо, они этого не сделают.
— Они отказали бы ей в том, чтобы поехать в хижину с незнакомым мальчиком, но не волнуются и не проверяют?
Эверли грызет батончик мюсли и смотрит на огонь.
— Все дело в имидже Скоттов. Это все, что их волнует.
Откусываю еще кусочек крекера и глотаю.
— Ясно.
— А как насчет твоего отца?
— Он знает, что мы будем в коттедже, но не будет выходить на связь.
Эверли хмурится, когда реальность того, насколько мы облажались, настигает ее.
— А как насчет Андерсонов?
Вспоминаю телефонный разговор Лиам с его мамой перед нашим отъездом.
— Он сказал им правду, но также напомнил, что там нет связи, и она не получит от него вестей в течение месяца.
Я вижу, как Эверли заметно сглатывает и борется со слезами.
— Значит, мы застряли здесь по крайней мере на месяц, прежде чем кто-нибудь вообще начнет нас искать?
Я киваю.
— Похоже на то.
— Как мы собираемся выжить?
Лиам был позитивным человеком. И Ария тоже. Но я? Не думаю, что во мне это есть.
— Не знаю. У нас есть огонь. Вода. С нами все должно быть в порядке.
Девушка смотрит на сумку Арии.
— Этой еды не хватит на месяц.
— Нам придется ее нормировать. — Я пожимаю плечами. — А когда еда закончится, я убью тебя и съем.
Эверли закатывает глаза в ответ на мою шутку, но я не пропускаю ее легкую улыбку.
— Да ладно. Я могу вырубить тебя.
— Посмотрим. — Доедаю последний крекер и встаю. — Нам нужно использовать дневной свет, чтобы осмотреться. Соберем как можно больше припасов.
— Припасы? — Она делает глоток воды и, к моему удивлению, протягивает мне бутылку. Делаю небольшой глоток и ставлю бутылку на стол.

— Да. Все, что мы можем использовать, чтобы выжить. Дом выглядит пустым, но люди всегда оставляют какие-то вещи.

Девушка кивает, ее встревоженный взгляд мечется по пустой гостиной.

— Надеюсь, что ты прав.

— Я иду в спальню. А ты на кухню.

— Это что, сексизм?

Я закатываю глаза, слишком уставший, чтобы спорить.

— Давай просто сделаем это. Потом поговорим о других плохих новостях.

— Каких? — Нахмурившись, она кладет одну руку на бедро. — Скажи сейчас.

Качаю головой, уже направляясь в спальню.

— Позже.

Она что-то ворчит, но я уже в коридоре.

Это определенно может подождать до более позднего времени.

Глава девятая

ЭВЕРЛИ

Не уверена, сколько еще может быть плохих новостей, но стараюсь не думать об этом, роясь в кухонных шкафах.

Я не нахожу никакой еды, но там есть две большие кастрюли.

Не знаю, как это поможет без еды, но неважно. Еще нахожу две пачки спичек в ящике стола. Они могут пригодиться.

Голова раскалывается, но я почти уверена, что кровотечение остановилось. Поднимаюсь наверх и оглядываюсь, благодарная за свет, льющийся через окна, потому что в этом доме чертовски жутко в темноте.

Нахожу шкаф, в котором есть коробка со свечами и несколько старинных ламп. Несу ее вниз как раз в тот момент, когда Купер возвращается в дом.

— Ходил на улицу?

Он кивает, снимает пальто и перчатки и оставляет их сушиться у огня.

— Да. Я нашел колодец. Он не слишком глубокий, но есть ручной насос, и это хорошо.

— Хорошо. — Ставлю коробку на диван. — Я нашла несколько полезных вещей.

Парень подходит, заглядывает в коробку. Замечаю, как его губы растягиваются в довольной усмешке. Ненавижу, что он хорош собой, особенно с этой уверенной улыбкой.

— Ты хорошо справилась. — Его взгляд встречается с моим. — Керосиновые лампы и свечи? Как будто этот дом был создан для того, чтобы в нем не было электричества.

— Круто.

Купер снова ухмыляется и начинает распаковывать коробку.

— Сейчас ты можешь ерничать, но когда снова стемнеет, ты будешь благодарна. В них даже есть керосин.

— Прости. — Я сажусь рядом с коробкой на диван и чувствую на себе его взгляд.

— За что?

Пожимаю плечами.

— За то, что веду себя как стерва. Ты на самом деле хорошо справляешься.

Я не могу смотреть ему в глаза, но чувствую, что парень улыбается.

— Что ж круто. Не думаю, что знал бы, что делать, если бы я вдруг начал тебе нравиться.

Поднимаю на него взгляд.

— Еще раз, давай не будем сходить с ума. Но я постараюсь охладить свое отношение. Даже несмотря на то, что ты сам все это начал.

— Прошу прощения? — Он сидит с другой стороны ящика, выглядя искренне непонимающим. — Я это начал?

— О, да ладно тебе. Ты сам знаешь.

Купер постоянно пытался уговорить Лиам ходить с ним на вечеринки, когда мы только начали встречаться, и раздражался всякий раз, когда Лиам брал меня с собой. Ненависть была взаимной с самого начала.

— Я был милым.

Я усмехаюсь.

— О, пожалуйста. Ты ненавидел, когда я уводила твоего второго пилота.

Купер выглядит огорченным и вздрагивает, что заставляет меня съежиться, зная, что он думает о Лиаме. И теперь я тоже. Парень сглатывает, движение затрудненное.

— Да. Мы были лучшими друзьями с детства. Потом появилась ты, и вдруг... — Он замолкает.

Опускаю подбородок, чувствуя себя виноватой.

— Прости. Я об этом не подумала. Возможно, это было бы немного... раздражающе.

Купер пожимает плечами.

— Просто никогда не думал, что он заведет серьезные отношения на первом курсе колледжа.

Я улыбаюсь.

— Я тоже этого не ожидала.

— Наверняка.

— Но ты не должен был быть таким придурком, пытаюсь заставить его трахаться с другими девушками. — Купер снова морщится. — Что? Будешь отрицать?

У него страдальческое выражение лица, и я не уверена, какие мысли вертятся у него в голове.

— Нет. — Парень резко встает. — Что еще ты нашла?

Я тоже встаю, прежде чем он успевает выйти на кухню, и хватаю его за бицепс здоровой руки, нисколько не удивляясь тому, насколько крепкие у него мышцы. Купер поворачивается ко мне с вопросительным взглядом.

— Ты чего-то избегаешь.

— Нет. Ничего подобного. Зимой рано темнеет. Скоро зайдет солнце, и нам нужно кое о чем позаботиться.

— Кое о чем?

Он кивает.

— Покажи мне, что еще ты нашла.

Изучаю его, тревожные морщинки на лице парня говорят мне, что он что-то скрывает, но я понятия не имею, что именно. Решаю не выпытывать и, отпустив его руку, иду на кухню. Купер следует за мной, когда я указываю на стойку.

— Две большие кастрюли и две коробки спичек.

— О, это действительно хорошо.

— Да? Не то чтобы нам было что готовить в кастрюлях. Или есть печка.

Куп качает головой, а затем подходит ближе ко мне. Рукой касается моей щеки, и я глубоко вдыхаю от близкого контакта. И быстро понимаю, что он изучает марлю на моем лбу.

— Она не кровоточит.

— Это хорошо.

Купер кивает, снимая повязку с моей головы, и я чувствую легкое головокружение. Думаю, что когда-нибудь он станет хорошим врачом. Я даже не знала, что в парне есть серьезность.

— Выглядит хорошо, но нам нужно ее очистить.

— Хорошо, что у нас есть вода.

Он кивает.

— Да, вот где пригодятся кастрюли. — Он отпускает меня и отступает назад. — И плохие новости.

— Насколько плохие?

Купер выдыхает.

— Я не знаю, сколько у нас воды. У нас нет водонагревателя, поэтому мы сможем использовать кастрюли, чтобы вскипятить воду на огне, но... — Парень действительно выглядит нервным. — Но тебе не понравится следующая часть.

— Что?

— Ты вся в крови. Я тоже грязный. Мы могли бы принять ванну. — Я поднимаю бровь и складываю руки на груди, не уверенная, к чему он клонит. — Потребуется много времени, чтобы наполнить ванну хотя бы немного, и вода довольно быстро остынет. Так что, чтобы сэкономить воду...

— Нет. — Я знаю, к чему он клонит. Опускаю руки и качаю головой. — Ни за что. Это такой дрянной подкат. «О, привет, детка, давай вместе примем душ, чтобы сэкономить воду». Ни за что, черт возьми.

Купер позволяет мне продолжить мою тираду, а затем прислоняется спиной к стойке.

— Во-первых, я бы никогда не назвал тебя «детка». — Я закатываю глаза, и парень продолжает: — Во-вторых, поверь мне, я прошел через весь этот ад не для того, чтобы увидеть тебя голой.

Я фыркаю.

— Этому не бывать.

— Надень свой гребаный купальник, мне все равно, но другого варианта нет. Тебе нужно привести себя в порядок, пока рана... — он показывает на мой лоб, — не заразились. Мы оба грязные, на нас кровь других людей. И ни за что на свете я не стану купаться в холодной кровавой воде только для того, чтобы ты могла сохранить свою скромность. — Купер отталкивается от стойки и подходит ближе ко мне. — Похоже, мы застрянем здесь на некоторое время, может быть, нам стоит привыкнуть друг к другу.

Я в ужасе смотрю на него.

Купаться в ванной с парнем моей сестры/несносным лучшим другом моего парня?

Я точно попала в ад.

Глава десятая

КУПЕР

Эверли в бешенстве. Но мне плевать. Нам нужно смыть с себя кровь Лиама и нашу собственную. И я не знаю, сколько у нас воды. Пока девушка дуется, разжигая огонь, прежде чем взять одну из кастрюль с кухни и направиться к выходу.

Не обращая внимания на яростный взгляд Эверли, выхожу на улицу к колодцу, который мне удалось найти в сарае. К счастью, вода не замерзла. Как? Понятия не имею, но называю это победой. Делаю глубокий вдох после того, как ставлю кастрюлю на землю под кран и здоровой рукой качаю воду.

Раненое плечо пульсирует, когда я использую всю свою энергию, но не сдаюсь. Я в шоке, когда слышу, как открывается дверь сарая, и вижу, как Эверли входит с другой кастрюлей в руке. Распахнутыми глазами девушка оглядывают сарай.

— Вау. — Ее взгляд останавливается на запасе дров. — Так много дров.

Киваю и продолжаю качать ручной насос, желая, чтобы вода наконец вышла.

— Да. Может быть, они когда-то продавали их.

Она кивает, ставя кастрюлю рядом с той, которую я наполняю.

— Плечо болит?

— Я им не пользуюсь.

— Ты безумно упрям.

Я фыркаю, и, наконец, струя воды вырывается и попадает в кастрюлю.

— Да, как будто ты нет.

Продолжаю качать, пока кастрюля не наполняется, и киваю Эверли, чтобы она передвинула пустую на место наполненной. Она отодвигает тяжелую, полную в сторону, а затем толкает пустую. Я наполняю ее и стону, думая о том, как придется тащить ее внутрь.

Девушка, должно быть, почувствовала мою нерешительность.

— Мы оба могли бы схватиться за ручку и нести вместе.

Не хочу принимать ее помощь, но не знаю, как иначе запихнуть кастрюлю с водой внутрь.

— Хорошо, — ворчу я и хватаюсь за одну ручку.

Эверли качает головой в ответ на мое явное раздражение и хватается за другую сторону. Вместе мы переносим одну кастрюлю внутрь, а затем другую, как можно тщательнее размещая их над огнем.

Девушка падает на пол рядом с камином.

— Это займет целую вечность.

— Воды определенно не хватит на полную ванну, но будет достаточно, чтобы вымыться. Там было еще два ведра. Мы доведем воду почти до кипения, а затем сможем разбавить холодной водой.

Ее темная бровь приподнимается, когда Эверли смотрит на меня.

— Как у тебя это так хорошо получается?

Ухмыляюсь и вижу, что девушка уже сожалеет о своем полу-комплименте.

— Я хорош во всем, Эв. Разве ты еще не поняла?

— И такой скромный, — ворчит она, когда я протягиваю руку, чтобы помочь ей встать.

Затем мы возвращаемся в сарай, чтобы наполнить ведра водой. Сложнее затащить эти ведра внутрь, потому что у них только одна ручка, но мы это делаем.

Вода, наконец, начинает закипать, и я киваю в сторону сумки Арии.

— Скажи мне, что она взяла мыло.

Эверли подходит к сумке. Замечаю, как медленно она снова перебирает вещи своей сестры, как дорожит над каждой вещью, принадлежавшей Арии. Девушка достает пакет, в котором много маленьких бутылочек.

— Она подумала обо всем.

— Хорошо, — сочувственно улыбаюсь, потому что, возможно, я встречался с Арией, но только в течение месяца. И знал ее не намного дольше. Ария была младшей сестрой Эверли,

той, кого она любила и защищала большую часть своей жизни. — Тебе лучше переодеться в купальник. Вода не будет теплой долго.

Девушка фыркает, хватая в руку какую-то черную материю и направляется в ванную. Я пытаюсь унять учащенное сердцебиение. Раньше я уже видел ее в купальнике. Нам с Лиамом повезло снять дом с бассейном. У нас было много вечеринок у бассейна. А также у нас есть гидромассажная ванна.

Но мы с Эверли никогда раньше не были так скудно одеты наедине.

«Ты можешь это сделать».

Сбрасываю ботинки и носки, прежде чем расстегнуть пуговицу на джинсах, расстегнуть ширинку и стянуть их вниз.

«Нет, я не могу. Черт».

Эверли возвращается в гостиную в черном бикини, которое мгновенно делает меня идиотом. Оно едва прикрывает ее полные груди, и я знаю, что если посмотрю чуть ниже, то увижу, что оно никак не скрывает ее идеально округлую попку.

Девушка ничего не говорит, складывает руки на животе и смотрит на меня с нетерпением.

— Что теперь? Здесь слишком холодно, чтобы стоять почти раздетой.

Киваю головой в сторону ведер.

— Давай выльем их в ванну.

Девушка кивает, хватая одно, и я следую за ней в своей футболке и боксерах, видя, что был прав насчет бикини, не скрывающего ее красивую задницу от моих извращенных глаз. Закрепив пробку, наливаем воду в старую ванну на ножках.

— Это будет отстойно.

Медленно киваю, глядя на холодную воду, едва покрывающую четверть ванны.

— Хватит для того, чтобы очиститься. Чтобы убедиться, что, — я киваю на ее все еще забинтованную голову, — нет заражения.

Эверли кивает, глядя на свою руку, засохшая кровь Лиамы все еще покрывает ее плоть.

— Давай сделаем это.

Идем в гостиную, и я касаюсь ручки кастрюли, прежде чем отдернуть руку. Металлическая ручка чертовски горячая. Эверли хватается две рубашки и протягивает одну мне. Используя их, мы относим кастрюлю в ванну, выливаем в холодную воду, а затем проделываем то же самое с другой кастрюлей.

Мы оба стоим рядом с ванной, слишком долго глядя на воду, прежде чем Эверли осторожно опускает руку в воду.

— Не так уж ужасно.

Наблюдаю, как она медленно входит в ванну, опуская свое гибкое тело в воду. У нее с собой мочалка и мыло.

Мне удастся оторвать взгляд от девушки и без всякой грации снять бандаж, а затем медленно стянуть футболку через больное плечо. Когда хватаюсь за резинку своих боксеров, я слышу:

— Нет.

Мой взгляд устремляется к Эверли.

— Что?

— Мне не нужно видеть твое барахло. Я прикрыта, и ты тоже должен оставаться в трусах.

Я не указываю на то, что надеть купальник это был ее выбор, определенно не мой.

— Послушай, у меня нет проблем с моим телом, и я хочу полностью помыться.

Девушка непреклонно качает головой из стороны в сторону.

— Купер, мы и так раздвинули достаточно границ.

Стискиваю зубы, меня тошнит от ее отношения ко мне в последние три года, и я так измучен за последний день, что мне плевать.

— Прикрой глаза, принцесса. Это происходит. — Стягиваю трусы, и она отводит взгляд, прежде чем я залезаю в теплую воду.

Я встречаюсь с ледяным взглядом, который Эверли старается держать намного выше моей талии, но мне все равно. Вода едва теплая и едва покрывает мои колени, но я намерен

извлечь из этого максимум пользы. Она хватает мочалку и мыло, намыливает их. Мои глаза прикованы к ее движениям, когда она моет руки, а затем скользит мочалкой по груди.

«Черт возьми, у нее классные сиськи».

Полные и торчащие, почти вылезающие из верха бикини.

Стоп.

Заставляю себя отвести взгляд и схватить мыло, которое она оставила на выступе у ванны. Намыливаю им в руке и скольжу по своей груди.

Поднимаю взгляд, когда чувствую на себе пристальный взгляд Эверли. Она быстро отводит глаза, но я не упоминаю об этом. Потому что не могу.

Я провел три года в постоянном отрицании. Мне не впервой.

Девушка начинает умываться, а я сажусь на колени, не обращая внимания на полуэрекцию от близости ее почти обнаженного тела, и придвигаюсь к ней ближе.

— Позволь мне снять повязку.

Могу сказать, что Эверли заставляет себя не смотреть вниз, и я почти улыбаюсь.

— Нет. Я сама. Убери эту штуку.

— Штуку?

Она закатывает глаза, а потом делает это. Ее взгляд скользит ниже пояса, заставляя мой член переходить от полу к полностью чертовски твердому и ноющему состоянию. Ее глаза расширяются, но Эверли смотрит слишком долго. Мы оба застыли, пока я не решаю покончить с этим, став придурком.

— Хорошо рассмотрела? Хочешь посмотреть под другим углом?

Ее глаза возвращаются к моим, в них пылает гнев, но я также вижу в них жар. Желание, которое мы оба подавляли годами.

— Ты такой мудака, это не я чертовски возбуждена.

Я фыркаю от смеха.

— Возбужден?

— Ты твердый. — Ее глаза не отрываются от моих.

— Не уверен на сто процентов, но не думаю, что у тебя есть член. Ты можешь скрывать свое... — Мой взгляд медленно скользит вниз по ее телу, а затем возвращается к ее лицу. Улыбаюсь, когда вижу, что щеки девушки покраснелись. — ...Возбуждение.

— Ты такой придурок. Серьезно. Мы находимся в худшей ситуации в жизни, а ты уже дважды был твердым, насколько я знаю.

Она не так зла, как хочет, чтобы я поверил, по крайней мере, не на меня.

— Слушай, просто не смотри на мой член и позволь мне снять повязку и очистить рану.

— Не приближайся ко мне с этой штукой.

Закатываю глаза и игнорирую ее. Вода быстро остывает, и у нас нет времени на это дерьмо. Медленно разворачиваю повязку и осматриваю ее рану.

— Выглядит хорошо. — Смотрю на мочалку в ее руке, изо всех сил пытаюсь обойти ее пышную грудь. Это зрелище лишь усугубляет положение для моего бушующего стояка. — Дай мне это.

Я слышу, как девушка фыркает, но кладет мочалку в мою здоровую руку. Трачу время на то, чтобы окунуть ее в воду, а затем промыть ей лоб, уделяя особое внимание ране, которая, к счастью, перестала кровоточить.

— Мы должны держать ее в чистоте, но рана выглядит хорошо.

Ее глаза сосредоточены на моем лице, но я не упускаю из виду, что дыхание девушки участилось с тех пор, как я приблизился. Мне хотелось прикоснуться к Эверли в течение трех долгих лет, и вот теперь мы оказались в самой хреновой ситуации, какую только можно себе представить.

Почему-то я представлял это совсем не так.

Не то чтобы я когда-нибудь позволил бы этому случиться по-другому.

Я очищаю ее щеки, стирая каждое пятнышко крови, потом споласкиваю ткань в воде и возвращаю мочалку ей, прежде чем снова опуститься в воду на своей стороне. Эверли, кажется, находится в каком-то трансе, когда быстро моет остальную часть своего тела.

— Спасибо, — тихо говорит она, и я просто киваю, пока мою волосы шампунем из крошечной бутылочки, используя как можно меньше, и погружая голову под воду. Стараюсь не прикасаться к девушке, но мои ноги задевают ее бедра под водой.

Когда сажусь обратно и вытираю воду с глаз, я почти стону вслух, когда вижу, что Эверли, подняв одну ногу из воды и намылившись, проводит бритвой по своей гладкой коже. Ее глаза встречаются с моими, словно призывая меня что-то сказать, но я решаю не принимать вызов.

— Черт, у нас нет полотенец.

Она выглядит слегка разочарованной.

— Это действительно будет отстойно.

Эверли двигается, чтобы побрить другую ногу, и мой взгляд скользит по внутренней стороне ее бедра и ловит татуировку в виде молнии. Почему она должна быть такой горячей?

Девушка опускает ногу в воду.

— Что?

Я качаю головой.

— Ничего.

Она кивает, и я вылезаю из ванны, хватаю рубашку, которая была до этого на мне, и использую ее, чтобы вытереться, не утруждая себя тем, чтобы защитить девушку от моей наготы.

— Пойду посмотрю, смогу ли найти что-нибудь для тебя, чтобы вытереться.

Эверли ничего не говорит, и я голышом вхожу в гостиную, натягиваю свежую одежду, а затем нахожу халат, который упаковала Ария. Не уверен, поможет ли это ей высохнуть, но он пушистый и сделан из материала, похожего на полотенце.

Приношу его в ванную, а затем ухожу, чтобы дать Эверли немного уединения.

Сажусь на диван и откидываю голову назад.

Три года.

Три гребаных года пыток и стараний, изо всех сил подавить тайное влечение, которое сделало бы меня предателем в глазах лучшего друга.

Но теперь... Как, черт возьми, я собираюсь пережить это?

Глава одиннадцатая

ЭВЕРЛИ

Боже. Это только что произошло?

Я посмотрела на его член. Не просто смотрела, я таращилась на него.

«Что, черт возьми, со мной не так? У меня же есть парень».

Волна тошноты накатывает на меня, и желудок сжимается, когда я понимаю, что у меня был парень. Не *есть*.

Я ненавижу себя.

Заканчиваю ополаскиваться и вылезаю из ванны, завернувшись халат Арии.

Ария.

Смотрю в зеркало над раковиной. Оно старое, но я ясно вижу свое отражение, и ненависть к себе только растет.

«Да. Твоя младшая сестра, которая быстро влюбилась в Купера».

Совершенно голого парня, на которого я только что палилась в ванной.

Я знала, что она влюбляется в него. Но это не останавливало меня от безумно неуместных фантазий о нем. Его глупая, великолепная улыбка и впечатляющее твердое тело время от времени проникали в мои сны в течение последних трех лет.

А теперь я увидела его член.

Его очень толстый, длинный, с разбухшими венами, твердый член, который совсем не был маленьким, сморщенным коротышкой, на что я втайне надеялась.

«Нет, все в Купере Кингстоне просто должно быть раздражающе идеальным».

Снова ругаю себя, говоря, насколько чертовски глупо я себя веду, прежде чем выйти из ванной и повернуться лицом к Купу, который закрыл глаза и откинулся на спинку дивана.

Парень, должно быть, слышит, как я вхожу, потому что он наклоняет голову вперед, и мы смотрим друг другу в глаза.

— Не плохо, да?

— Далеко не спа.

«Боже, почему я должна быть такой стервой?»

«Потому что чувствую себя чертовски виноватой. Вот почему».

Я отвечаю на свой собственный вопрос, прежде чем подойти к своей сумке в поисках одежды.

— Но все же спасибо за ванную. Я чувствую себя немного лучше, не покрытая кровью.

Даже если часть меня думает, что я заслужила оставаться в крови, как напоминание о том, кому должна оставаться верной.

Я вижу, как кадык парня скользит вверх и вниз, когда он смотрит на меня с таким количеством невысказанных слов. Что это? Понятия не имею. Но могу сказать, что Куп хочет что-то сказать.

«Пожалуйста, не надо».

— Давай оденемся потеплее и отправимся на разведку, пока еще не стемнело.

— Думаешь, там есть что-нибудь еще?

— Не знаю, но мы не можем терять дневной свет. — Купер пожимает здоровым плечом, и я замечаю, что он придерживает больную руку.

— Хочешь, я помогу надеть повязку?

Он улыбается своей дерзкой полуулыбкой и качает головой.

— Нет, с ней хреново надевать пальто.

— Знаешь, тебе, наверное, не стоит так часто двигать рукой. Верно, мистер Студент-медик?

Купер ухмыляется и хватается свое пальто, морщась, когда засовывает руку, вот упрямый осел. Я качаю головой, но бросаю ему улыбку, возвращаясь в ванную, чтобы переодеться в свитер и черные леггинсы.

Когда выхожу обратно, нахожу пару носков Лиама, натягиваю их, прежде чем влезть в пару ботинок.

— Зима — отстой.

Купер посмеивается над этим, надевая свои собственные ботинки.

— Поддерживаю. Если мы выберемся отсюда, я перееду куда-нибудь в теплое место.

Я улыбаюсь, но эта мысль причиняет боль.

«Если мы выберемся отсюда...»

Мы выходим на улицу и бредем по плотному снегу. Осматриваем все вокруг, как вдруг моя нога проваливается вниз. Я думаю, что это яма, но неожиданно нахожу опору на чем-то твердом. Купер обхватывает мой бицепс, поддерживая меня. Потом мы оба опускаем взгляд. Лестница.

— Лестница? Снаружи?

Он смотрит вниз по лестнице, припорошенной снегом, но каждая ступенька различима.

— Это погреб.

— Что?

— Погреб. Что-то вроде подвала, но не под домом. Это просто маленькая комнатка под землей.

— Мы должны проверить что там.

Купер отступает.

— Ни за что. Там могут быть похоронены мертвые тела.

Я смеюсь над его нелепым комментарием.

— Кто знал, что ты такой ребенок?

— Я не ребенок.

— Неважно. — Я начинаю спускаться по ступенькам и чувствую, как парень неохотно следует за мной, пока мы не спеша шагаем по снегу и добираемся до деревянной двери.

Мы оба останавливаемся, и он кивает в сторону двери.

— Что ж, вперед.

Я закатываю глаза и открываю дверь. Сначала меня поражает запах, но, к счастью, это не разлагающиеся тела, а скорее затхлый запах земли. Мы заходим внутрь, и я оглядываюсь вокруг. Мои глаза расширяются, когда я вижу кучу стеклянных банок, все полные.

— Боже мой, это что, еда? — ахаю я.

Купер подходит к полкам и достает одну из банок.

— Да. Соленые огурцы.

— Вкуснятина.

Купер хихикает и копается среди других банок.

— Сальса¹. Персики. Помидоры. Салаты. Варенье.

Я смотрю на банки и беру одну в руки, рассматривая ее.

— Этого года.

— Черт. Нам все время везет во всем. — Он выглядит виноватым, опуская плечо. — Я имею в виду... кроме всей этой ужасной истории с аварией.

У меня пересыхает в горле, когда я сглатываю и киваю головой.

— Давай перенесем немного в дом.

Купер соглашается, и мы тащим несколько банок в дом. Я счастлива, что меня окутывает тепло от огня, когда мы входим в дверь. Снимаем верхнюю одежду и перчатки, прежде чем занять место на диване. Открыв банку с вареньем, я нахожу несколько крекеров и пальцами готовлю приличную закуску.

Я ожидаю, что Купер скажет что-нибудь о том, что это отвратительно, но парень просто молча ест, уставившись в огонь.

— Может быть, мы сможем продержаться месяц или два, — говорю я, пытаюсь хоть раз быть позитивной.

Куп откусывает кусочек, его глаза пугающе пусты, когда он смотрит на пламя.

— Да. Может быть.

— Ты в порядке?

¹ Традиционная овощная закуска мексиканской кухни, состоящая из мелко нарезанных овощей в различных сочетаниях.

— Я чувствую себя полным придурком. На минуту... — Я наблюдаю за его горлом, когда он проглатывает болезненные слова, но затем, кажется, заставляет себя продолжать: — На минуту я забыл, что Лиам и Ария мертвы.

Эти слова пронзают меня насквозь, но я знаю, что он имеет в виду.

— Это почти невероятно.

Куп кивает и берет еще один крекер, покрытый джемом.

— Я был ужасным гребаным другом.

Мне не нравится эта серьезная сторона Купера. Она вызывает неловкость. Мне хочется, чтобы парень отпустил какую-нибудь глупую шутку, но он этого не делает.

— Нет, это не так. Он любил тебя. Мне все время приходилось соревноваться с тобой, — улыбаюсь я, молясь, чтобы он повеселел.

Его глаза встречаются с моими, стальной взгляд пронзает мою душу, заставляя меня дрожать.

— Он бы выбрал тебя. Бесспорно.

Я тяжело сглатываю, почти задыхаясь от его пристального взгляда.

— Я не так уверена.

Купер не колеблется, оставаясь серьезным.

— Он любил тебя, Эверли.

«Почему ему так больно от этой мысли? Что происходит?»

— Я тоже его любила.

— Я знаю. — Его губы плотно сжаты, а глаза пристально смотрят на меня.

— Он и тебя тоже любил. — Они были очень близки, как братья.

— Я любил его. — Купер откидывает голову на спинку дивана и тяжело вздыхает. — Боже, я так чертовски сильно любил его.

Я поджимаю ноги под себя.

— Что происходит? Ты любил его больше, чем друга?

Купер улыбается на это и поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня.

— Нет. Лиам был мне как брат. Я бы сделал для него все, что угодно.

Я киваю, ни секунды не сомневаясь в этом.

— Я знаю. Он чувствовал то же самое. — Я сопротивляюсь желанию прикоснуться к нему, хотя бы для утешения, но не хочу переходить эту черту. — Ты не смог бы спасти его, Куп. Мы ничего не могли сделать.

— Мне следовало сесть за руль.

— Ты действительно думаешь, что все закончилось бы по-другому, если бы ты был за рулем?

Боль, пляшущая в его глазах, говорит мне все, что мне нужно знать.

— Возможно. Может быть, вместо этого там было бы мое замерзшее тело. Он был хорошим парнем, Эверли. Он должен был быть здесь.

Мой желудок скручивается в узел, когда я думаю о Лиаме и Арии, их телах, вероятно, похороненных в снегу.

— Не говори так. Он бы этого не хотел.

Его губы изгибаются в улыбке, которая далека от счастливой или дразнящей.

— Скажи мне, что ты бы не хотела такого исхода.

Я пристально смотрю ему в глаза, пытаюсь понять, откуда это взялось.

— Что? Я этого не говорила.

Купер усмехается и встает.

— Да, верно.

— Куп... — Я не знаю, что сказать, и он обращает свой сердитый взгляд на меня.

— Просто забудь об этом. Я просто устал. Пойду принесу еще дров.

У нас их много, но я чувствую, что парню просто нужно побыть подальше от меня, и не спорю, когда он надевает пальто и выходит на улицу.

Что, черт возьми, происходит?

Переведено для группы: <https://vk.com/bookhours>

Глава двенадцатая

КУПЕР

Мне нужно собраться с мыслями, иначе чувство вины съест меня заживо. Лиам был моим лучшим другом. Всегда был рядом. Когда моя мама умерла, он был рядом со мной. Когда отец стал полным придурком и женился на ком-то менее чем через три месяца после ее смерти, мой лучший друг был рядом. Когда отец развелся с ней и через год снова женился, Лиам снова поддерживал меня.

Мой лучший друг всегда был рядом со мной, а теперь он мертв. А я, черт возьми, вожделею его чертову подружку.

Мне нужно остановить это. Нужно сделать все, что в моих силах, чтобы держать свои гребаные глаза и руки при себе. Но то, как глаза Эверли загорелись надеждой, когда она увидела эти банки?

Черт, не думаю, что когда-либо видел что-то настолько прекрасное.

Возвращаюсь в подвал, оглядываюсь, но на самом деле мне просто нужно на минутку уйти от Эверли. Последние три года мы ни разу не позволили себе остаться наедине, и сейчас это почти удушающе. Сидим и разговариваем, как настоящие человеческие существа.

Просматриваю консервированные и упакованные продукты, нахожу вяленую говядину и много сухофруктов и ореховых смесей. Эти люди были готовы к апокалипсису.

Когда выхожу из подвала, вижу, что солнце начинает садиться за горизонт. Возвращаюсь в дом. Эверли сидит на диване с мобильным телефоном в руке, и ее красивые глаза встречаются с моими.

— Все еще нет сигнала. — Девушка выключает его и кладет рядом с собой на диван. — Подумала, что не помешает проверить.

Обычно я бы сделал саркастический комментарий, но во мне больше нет этого. Сажусь рядом с ней, складывая найденные припасы между нами.

— Нашел еще.

— Отлично.

Она настороженно смотрит на меня и прикусывает нижнюю губу, желая что-то сказать. Я взглядом умоляю ее не делать этого. Не хочу об этом говорить.

— Итак, вяленая говядина, орехи и консервированные фрукты на ужин? Неплохо.

Я слегка улыбаюсь и киваю.

— Да. У меня бывало и похуже.

— Да, вы, ребята, не ели бы ничего, кроме пиццы, если бы не я.

Эверли действительно любила готовить и даже позволяла мне тоже пробовать еду.

— В пицце нет ничего плохого.

Она улыбается и открывает банку соленых огурцов, вытаскивает один и облизывает сок. Мне приходится заставить себя отвести взгляд, потому что это не должно быть эротично, но это так. Это чертов трындец. У меня не было секса почти три месяца, и я заперт в заброшенном доме с девушкой, которую сегодня видел почти голой.

«Горячая, идеальная девушка. С изгибами, татуировками и норовом, чтобы держать меня в тонусе».

— Ты в порядке? — Ее голос нежен, а я хочу, чтобы она вернулась к ярости.

— В порядке.

— Я бы не хотела, чтобы это ты умер. — Мой взгляд встречается с ее, и я наклоняю голову в сторону, умоляя ее не продолжать. — Я имею в виду... Мы ненавидели друг друга с первого дня, но я не хочу твоей смерти.

Непроизвольно закрываю глаза, а затем снова открываю.

— Это неправда, и ты это знаешь.

Эверли ставит банку с маринадами на стол и поворачивается ко мне с недоверчивым смехом.

— Я не хочу твоей смерти.

— Не в этой части. О ненависти друг к другу.

Теперь она ерзает на месте, выглядя неловко.

— О чем ты говоришь? Да, так и было.

Я качаю головой, слишком уставший для всей этой чуши.

— Нет. Ты вошла на той вечеринке, наши глаза встретились. Потом улыбнулась. Я никогда не забуду ту улыбку.

Сейчас улыбки нет на ее лице. Вместо этого девушка выглядит чертовски напуганной моими словами.

— Ты улыбнулась и оглядела меня с ног до головы, и я сделал то же самое. И мне понравилось то, что я увидел.

Эверли закатывает свои красивые глаза, в которых в вечернем свете, смешанном со светом от камина, появляется зеленый оттенок.

— Ты сумасшедший.

Я качаю головой, вспоминая тот день. Первый курс. Мы с Лиамом занимаемся своими делами на вечеринке братства и отлично проводим время. Эверли вошла с несколькими друзьями. Я их не заметил, но заметил ее. Она была одета в короткие джинсовые шорты и черную майку. Мне понравилось, что на ней не было тонны макияжа, а волосы были просто распущены и прямые. Было похоже, что она не слишком старалась, но все равно была самой красивой девушкой, которую я когда-либо видел.

А потом ее глаза встретились с моими, и она улыбнулась, осматривая меня. Я знал, что ей тоже понравилось то, что она увидела.

— Лиам подошел ко мне тем вечером. Между нами ничего не было.

Лиам позже заметил ее и поскольку был моим лучшим другом, я ничего не сказал о своей симпатии к девушке. Я сказал ему, чтобы он подошел к ней познакомиться.

— Да, подошел.

— А потом ты вел себя так, будто ненавидел меня. И всегда пытался уговорить его пойти куда-нибудь без меня. Чтобы изменить мне.

— Я не хотел, чтобы он, блядь, изменял тебе. — Мой голос слишком резок, но, черт возьми, я ненавижу, что она так думает. Мне никогда не хотелось, чтобы ей было больно.

— Тогда почему?

— Потому что я, блядь, завидовал. — Наклоняюсь к ней ближе, хотя это опасно. Я знаю, что это так. Но вместо того, чтобы отстраниться, Эверли придвигается ко мне, огонь, пылающий в ее глазах, сводит меня с ума. Всегда так было.

— Кому? — Ее глаза опухли от усталости и слез за последние двадцать четыре часа, но все еще такие красивые. Ярко-голубые, как у ее сестры. Они — грозное облако огня и эмоций, запертых внутри. — Мне? Или ему?

Рукой тянусь к ее голове, пальцами скольжу по ее шелковистым волосам. Мы сейчас невероятно близки на диване.

— Ему. Всегда ему.

Эверли задыхается, ее губы приоткрываются в шоке, и я не теряю времени даром. Спустя три года я перестаю бороться с этим и прижимаюсь губами к ее рту. Девушка не сопротивляется. Она издает тихий стон у моих губ, когда мой рот атакует ее.

Пальцами сжимаю ее волосы, удерживая ее голову на месте. Ее руки лежат на моей груди, не отталкивая меня. Вместо этого Эверли хватается за рубашку, притягивает ближе, когда целует меня в ответ с ураганом яростных эмоций, которые слишком долго сдерживались.

Мой язык скользит в ее рот, переплетаясь с ее языком. Девушка стонет, притягивает меня ближе к себе и ложится на диван. У меня болит плечо. Мы устали и расстроены, и у нее вкус соленых огурцов, но все равно это лучший поцелуй в моей жизни.

Не хочу, чтобы это заканчивалось. Моя рука остается в ее волосах, пока Эверли покусывает мою нижнюю губу, тянет ее, а затем целует, чтобы унять легкое жжение. Она сосет мой язык, и я наслаждаюсь ощущением ее мягких губ, прижатых к моим, и ее тела подо мной, заставляющего мой член твердеть. Я вжимаюсь между ее раздвинутых ног.

Было так легко продолжить, сорвать с себя одежду и поддаться желанию, которое тлело годами.

Нас больше ничто не останавливает.

Мы здесь одни. Оба одиноки. В обстоятельствах, вызванных ужасной трагедией.

Эта мысль отрезвляет. Похоже, Эверли, должно быть, думает о том же, потому что ее губы перестают двигаться, как и мои.

Она смотрит на меня со слезами на глазах, отчего они блестят и становятся еще красивее.

Отстраняюсь, и ни один из нас не произносит ни слова, когда я помогаю ей сесть, увеличивая расстояние между нашими телами.

Мы не можем этого сделать.

Даже с призраком Лиама.

Даже после смерти его счастье значит больше.

Глава тринадцатая

ЭВЕРЛИ

Не могу поверить, что это только что произошло. Я поцеловала его. Или он поцеловал меня. На самом деле не имеет значения, кто кого поцеловал.

Мы поцеловались. Страстно. Яростно. Мы оба этого хотели, и этого нельзя отрицать.

Завидую ему. Всегда ему.

Я не знаю, что делать с его признанием и с болезненным чувством, скручивающимся глубоко в животе.

Лиама больше нет, но это все равно похоже на предательство. Все равно это было неправильно.

Но в тот момент это не казалось неправильным. Это казалось очень, очень правильным.

Купер не смотрит на меня сейчас, когда грызет наш импровизированный ужин и смотрит на огонь.

Я знаю, что он чувствует то же самое, что и я. Что мы предали Лиама.

— Купер... — Мой голос звучит слабо и неуверенно. На самом деле, я понятия не имею, что сказать дальше, но это не имеет значения, потому что парень останавливает меня.

Его обезумевшие, усталые глаза встречаются с моими.

— Не надо.

Я с трудом сглатываю, наблюдая за ним, ища ответы, которых, знаю, у него нет.

— Я тоже помню тот день, когда мы встретились.

Парень откусывает кусок вяленой говядины, отворачивается от меня и жует.

Он ничего не говорит, но это нормально.

— Я помню, что увидела тебя первым. — Это правда. Мы встретились взглядами, и я подумала, что он самый потрясающе красивый мужчина, которого я когда-либо видела. Помню, как подумала, что парень выглядит великолепно. И что он, безусловно, доставляет неприятности. — Я действительно улыбнулась тебе. — Стягиваю волосы в узел на макушке, закрепляя резинкой. — И я действительно строила глазки. — Мои глаза встречаются с его, когда Купер поворачивается ко мне. — Но ты не подошел.

— Нет. Он тоже увидел тебя.

Он? Лиам?

— И?

— И он мгновенно захотел тебя.

— Так ты просто сдался? Не похоже на тебя.

Купер поворачивается ко мне лицом, слегка морщась и держась за больную руку.

— Нет? Тогда ты плохо меня знаешь, потому что, когда дело касалось Лиама... Не было ничего, от чего бы я не отказался ради него.

— Почему? — Мой вопрос едва слышен, но я не отступаю.

— Потому что Лиам был мне как брат. Он был всем, что у меня было, Эверли. С тех пор, как я себя помню, только он и его родители.

— Значит, ты просто отдал меня ему? — Я складываю руки на животе, чувствуя себя уязвимой.

Куп криво усмехается мне.

— Не веди себя так, будто у тебя не было права голоса. Ты не из тех девушек, которой можно манипулировать или передать. Ты хотела его. И сделала свой выбор.

Лиам мне сразу понравился. Он был хорош собой, с доброй улыбкой, и когда подошел ко мне вместо своего опасного на вид друга, я почувствовала облегчение, потому что Лиам был безопасным выбором. Тем, от которого мои родители не пришли бы в ужас. Тем, кто не причинил бы мне вреда. Он был безопасным.

— Да, сделала.

Я смотрю, как Купер проглатывает еще кусочек, а затем поворачивается к огню.

— Ты сделала правильный выбор, но не говори, что мы ненавидели друг друга с самого начала.

— Хорошо. — Я не спорю с ним по этому поводу, потому что полагаю, что он прав.

После этого мы оба спокойно едим, используя камин в качестве нашего единственного источника развлечений, пока я снова не открываю рот, не в силах вынести тишину и любопытство.

— Почему моя сестра?

Купер пьет из бутылки с водой и поворачивается ко мне.

— Что ты имеешь в виду?

— Почему ты начал встречаться с моей сестрой? Почему Ария? На самом деле она не в твоём вкусе. — Вздергиваю подбородок вверх. — Ты сделал это, чтобы досадить мне?

Купер хмурится, пока изучает меня.

— Ты что, шутишь?

— Нет. Я хочу знать.

Парень встает, подходит к окну и смотрит на закат. Ему не удастся уйти от этого вопроса. Мне хотелось поговорить с ним об этом с тех пор, как они начали встречаться. Но Ария была так счастлива, и я оставила эту тему в покое, хотя и вела себя с ним, как стерва.

Я встаю и подхожу к нему.

— Скажи мне.

Купер поворачивается, чтобы посмотреть на меня, волнение отражается на его красивом лице.

— Нет. Я встречался с твоей сестрой не для того, чтобы досадить тебе. Ты встречалась с Лиамом, чтобы досадить мне?

— Что? — Я удивлена его вопросом, и знаю, что это заметно. — Зачем мне это делать? Я даже не знала тебя.

— Тебе не кажется самонадеянным предполагать, что кто-то будет встречаться с кем-то только для того, чтобы досадить другому человеку?

— Это разные вещи. Когда ты встретил Арию, у нас было три года пререканий за плечами.

— Ты так хочешь это называть? — Его большое тело теснит мое, и я понимаю, что отшатнулась только для того, чтобы он заполнил пробел.

— А как бы ты это назвал?

— Три года прелюдии.

Мой рот открывается, а затем закрывается, когда я пытаюсь заставить свой мозг сотрудничать со мной. Чтобы сформировать слова.

«Боже, как хорошо от него пахнет».

Даже в глуши и без нормального душа, парень так чертовски хорошо пахнет. И чувствуется хорошо. Его тело так близко от моего, возвышающееся надо мной.

— Пфф. Все эти три года у меня был парень.

— И все же... — Купер вторгается в мое пространство. — Ты все еще смотрела на меня так же, как в ту первую ночь.

Я пристально смотрю на него сейчас, скрестив руки на груди, пытаюсь освободиться от наваждения и сосредоточиться.

— Я смотрел на тебя только с презрением.

— Презрение... возбуждение. Неважно.

Я быстро закрываю глаза, внезапно вспомнив, как сильно он меня раздражает.

— Ты встречался с моей сестрой для того, чтобы разозлить меня?

— Боже, приди в себя, Эверли. Ария была прекрасна. — Я сглатываю. Так больно вспоминать о моей прекрасной белокурой сестре. И я знаю, что чувство внутри меня — ревность, что вызывает у меня отвращение к самой себе. — Она была умной и забавной. И видела мир по-другому.

Слушать, как Купер описывает мою сестру, убивает меня по стольким причинам. Она была чудесным человеком, но, слыша, как он это говорит, я только больше завидовала ей. Чувство вины разрывает меня на части.

— Да, так и есть.

Купер изучает меня, его глаза смотрят в мои, когда он наклоняется ближе, и я знаю, что парень видит, что его слова делают со мной.

— Но я флиртовал с ней на той вечеринке, чтобы досадить тебе.

Мои глаза расширяются, а челюсть отвисает.

— Что?

Куп не отступает.

— Я хотел, чтобы ты разозлилась. Хотел, чтобы ты ревновала.

— Ты. Мудак.

Он не спорит.

— Хотел твоей злости. Знал, что тебе не понравится, если я буду рядом с твоей младшей сестрой.

Отталкиваю его и двигаюсь, чтобы пройти мимо. Но парень хватает меня за запястье, и я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него с презрением.

— Ты свинья.

— Я лишь сказал, что флиртовал с ней, чтобы разозлить тебя. Но я встречался с ней из-за всего остального. Встречался с ней не для того, чтобы досадить тебе. Я сделал это для себя.

Выдергиваю свою руку из его и пристально смотрю ему в глаза, не уверенная в том, что чувствую по этому поводу.

Купер отворачивается от меня и снова смотрит в окно.

— Ария мне нравилась. Мне нравилось, что она заставляла меня чувствовать.

Не знаю, что еще сказать. Я чувствую тошноту и сажусь на диван, обхватив себя за талию.

Думаю о своей маленькой идеальной сестренке.

Она была именно такой.

И часть меня обижалась на нее за это.

Глава четырнадцатая

КУПЕР

Прошлая ночь была полной катастрофой. За гранью. Я признался слишком во многом, и мог видеть это в ее глазах... Ее темные секреты были раскрыты для меня.

Мы не должны были делать ничего из этого.

Нам не следовало целоваться. Не следовало разговаривать. Мы должны были позволить всему этому умереть.

Прошлой ночью Эверли оставалась на своей стороне дивана. Не сказала мне ни слова. И я не пытался нарушить молчание.

Тишина безопасна. Мы шли по тонкому льду в течение трех лет, и, конечно же, одна маленькая трещина привела бы к полному провалу.

Просыпаюсь рано и надеваю новую одежду, прежде чем отправиться в сарай. Сегодня солнечно, но все еще очень холодно. Снег никуда не делся.

Дверь в сарай открывается, и я издаю громкий стон. Поворачиваюсь и вижу, что Эверли одета в пальто, с надвинутой на волосы шапочкой, и пристально смотрит на меня.

— Что ты здесь делаешь?

— Не знаю. Смена обстановки.

Она закрывает за собой дверь, оглядываясь по сторонам.

— Ты случайно не нашел здесь спрятанный грузовик, не так ли?

— Ага. И забыл сказать тебе об этом.

Девушка фыркает, но не выглядит такой раздраженной.

— Прости. Прошлой ночью я перешла черту.

Я в шоке смотрю на нее.

— Что?

Она делает глубокий вдох и садится на охапку сена.

— Я не должна была спрашивать об Арии. Конечно, тебя влекло к ней, и именно поэтому мы встречались. Я знала, что это не имеет ко мне никакого отношения.

Не совсем правда, но я не говорю этого, когда сажусь рядом с ней.

— Я действительно заботился о ней. — Это часть правды.

Девушка кивает с легкой грустной улыбкой на губах.

— Как могло быть иначе? Она была идеальна.

Эверли не смотрит на меня. Ее внимание устремлено прямо перед собой, но мои глаза прикованы к ней. К ее красивому профилю, идеальным розовым губам, прямому маленькому носу и длинным ресницам.

— Она была моей противоположностью. Все, чего, как я думал, у меня никогда не будет. Эверли... — Она поворачивается, чтобы посмотреть на меня, когда я произношу ее имя. — Я не думал, что Ария вообще обратит на меня внимание.

Девушка фыркает коротким смешком.

— Ну, да, конечно.

— Я серьезно. — Я знаю, что мое лицо отражает это чувство.

Она качает головой, ее правая рука скользит по щетине на моей щеке.

— Как она могла не обратить на тебя внимание? Она была молодой, милой и наивной... А ты... это ты.

— Что, черт возьми, это значит?

Девушка улыбается, опуская руку на сено, на котором мы сидим.

— Это значит, что ты как кошачья мята для такой девушки, как она. У нее не было ни единого шанса.

— Говоришь так, будто я большой злой волк.

Эверли улыбается.

— Она хотела тебя. Конечно, хотела. И, конечно, ты хотел ее.

— На что ты намекаешь? — Что бы это ни было, мне уже это не нравится.

Эверли встает, теперь ее глаза темно-серые.

— Плохой мальчик и хорошая девочка. Ну же. Это история стара как мир. Я имею в виду, вы, ребята, были идеальным совпадением.

Я сглатываю желчный привкус во рту. Плохой.

— Я не плохой.

Я встаю, и она, кажется, слегка озадачена.

— Я не имею в виду, что ты *плохой*. — Она хмурит брови. — Я имею в виду плохого мальчика. Неприятности.

— Я не доставляю неприятности.

Эверли смотрит на меня с удивлением.

— В этом нет ничего плохого.

— Чувшь собачья. Итак, кем это делает тебя, а? Если ты была с Лиамом? Ты плохая девочка?

Она смотрит на меня, и ее презрение возвращается в полную силу.

— Нет. Мы не были такими. Мы были просто собой... обычной парой.

Девушка понятия не имеет, что их отношения были далеко неидеальны. И я не могу ей сказать.

— Значит, вы двое были просто идеальной скромной парой. Но кем тогда были мы? Шуткой? Плохой мальчик и хорошая девочка? Почему? Потому что это я?

Она смотрит мне в глаза, и я ненавижу это.

— Боже мой, не все должно быть борьбой. — Эверли всплескивает руками. — Я имею в виду... Впрочем, с нами так постоянно происходит, не так ли? Вот почему ты прав, я действительно сделала правильный выбор. Ты и я... — Она жестикулирует между нами. — Мы были бы катастрофой.

— Не то слово. — Так бы и было. Мы и двух минут не можем обойтись без ссоры. Она сводит меня с ума.

— Вот именно. Ты и Ария, вы двое никогда не ссорились. — Это правда. — Как и мы с Лиамом. Все просто. Так, как и должно было быть.

Держу пари, они бы поссорились, если бы она узнала правду.

Однако не позволяю этой правде выскользнуть. Я не могу. Лиам ушел и не может ничего объяснить. Не мое дело говорить ей об этом.

— Отлично. Ты права. Итак, что теперь? А? Как нам сохранить хоть немного мира, пока мы застряли здесь вместе?

Эверли садится на сено.

— Я не знаю. — Она смотрит на меня снизу вверх. — Может, нам просто не говорить о прошлом. Об Арии и Лиаме.

В ее глазах печаль, когда она это говорит, и я знаю, что это причиняет ей боль. Но думаю, что она права.

— Хорошо.

Она оглядывает сарай.

— Почему бы тебе не рассказать мне, откуда ты все это знаешь.

— Это? — Я поднимаю бровь и снова сажусь рядом с ней.

— Как развести огонь. Что такое погреб. И все такое прочее. Я думала, ты городской парень, до мозга костей.

Я киваю и встаю, подхожу к куче дров и собираю их в здоровую руку. Она следует моему примеру.

— Да, но у родителей моей мамы была ферма примерно в двух часах езды к югу отсюда. Я проводил там каждое лето и большинство рождественских каникул. — Улыбка растягивает мои губы, когда я думаю о своих бабушке и дедушке.

— Они жили на ферме?

Я киваю, и мы несем дрова в дом.

— Да. И они сами себя обеспечивали. Мой отец их терпеть не мог. Им не нужно было ничего особенного. Только самое необходимое. И он определенно этого не понимал. У них были коровы для молока и масла. Они выращивали животных на мясо. У них был огород с овощами. Им ничего не было нужно. Лишь раз в месяц ездили в большой город, который находился примерно в часе езды от них, за припасами.

Я подбрасываю дрова в огонь.

— Где они сейчас?

Я тихо вздыхаю и сажусь на диван.

— Умерли несколько лет назад с разницей в несколько дней.

Эверли садится рядом со мной, поджимая под себя одну ногу, с грустной улыбкой на лице.

— Должно быть, они действительно любили друг друга.

Я улыбаюсь, думая о своих бабушке и дедушке. Как они по вечерам сидели рядом друг с другом взявшись за руки на диване и смотрели свои любимые криминальные сериалы. Как мой дедушка целовал бабушку в лоб, когда возвращался в дом после курения, потому что она ненавидела дым в доме.

— Да, любили и были неразлучны. Они были потрясающими.

— Похоже на то. — Девушка смотрит на огонь. — Значит, они научили тебя всему этому?

Я киваю.

— Да. Я даже знаю, как самому испечь хлеб.

Теперь она улыбается еще шире.

— Жаль, что у нас нет муки. Звучит неплохо.

Я киваю.

— Ага.

— Почему они не нравились твоему отцу?

Я пожимаю плечами.

— Не знаю. Никто по-настоящему не говорил об этом. Моя бабушка сказала, что, когда умерла моя мама, ему было тяжело. Что она делала его счастливым, во что я с трудом верю.

— Ты никогда не видел его счастливым?

Я сглатываю и смотрю в потолок, запрокидывая голову назад.

— Нет. Он всегда был угрюмым ублюдком.

— Мне жаль.

— Все в порядке. — Я пожимаю плечами. — А как насчет тебя? Есть бабушки и дедушки?

Она качает головой.

— Нет. Умерли. И я никогда не встречала их, когда они были живы. — Я чувствую на себе ее взгляд, но не поворачиваю головы. — Ты не говорил об этом с Арией?

Я поворачиваюсь и смотрю в ее красивые глаза.

— Это запрещено. Мы только что установили это правило.

Она кивает, мгновенно отступая.

— Ты прав. Прости.

Я улыбаюсь и снова смотрю в потолок.

— Нет. Мы не говорили об этом.

Мы о многом не говорили. Не о настоящих вещах. Не так, как сейчас.

Однако я не вдаюсь в подробности, просто надеюсь, что мы сможем сохранить мир немного дольше.

Глава пятнадцатая

ЭВЕРЛИ

Дела идут напряженно. Не обычный тип напряжения между мной и Купером. Нет, все еще хуже. Фальшивая вежливость сменила обычную неловкость.

Мне понравилось слушать о его бабушке и дедушке, но с тех пор мы почти не разговаривали.

Сегодня я просыпаюсь первой, подхожу к окну и смотрю на унылое пасмурное утро. Земля все еще покрыта снегом.

— По крайней мере, снег не идет, — сонный голос Купера не пугает меня, хотя я не слышала, как парень проснулся и подошел позади меня.

— Да. — Поворачиваюсь к нему лицом. — Ванна?

Он кивает.

— Да. Думаю, что через день нормально. Особенно если снег начнет таять. Это должно пополнить колодец.

Через день.

Я съезживаюсь, мне нравилось принимать душ ежедневно, сколько я себя помню.

— Хорошо.

Идем в сарай, наполняем две больших кастрюли и по очереди несем их на огонь. Я наблюдаю за Купером и знаю, что у него серьезно болит плечо, несмотря на то, что парень упорно не признается в этом. Мы делаем то же самое с двумя ведрами воды, добавляя их в ванну, и я хватаю принадлежности из вещей Арии.

Улыбаюсь, когда кладу клубничный шампунь на выступ рядом с ванной. Полагаю, с этого момента я могу просто оставить его здесь. Ария любила клубнику. В то время как я всегда предпочитала лаванду или ваниль, ей нравились фруктовые ароматы.

— Думаю, горячая вода готова, — говорит Куп, и я поворачиваюсь к нему лицом, киваю и прохожу мимо него.

Сейчас я чувствую себя странно уязвимой рядом с ним.

После поцелуя.

«Господи, как бы я хотела просто забыть об этом».

Мы наливаем горячую воду в ванну, и неожиданная дрожь пробегает по моему телу, когда я смотрю на воду в ванне. Куперу, похоже, сегодня нечего сказать.

Я наблюдаю, как он снимает рубашку медленными, осторожными движениями. Его глаза встречаются с моими, он хмурит брови.

— Что?

Никаких шуток о том, что я пялюсь на него.

— Тебе больно.

— Я в порядке. У нас не так много времени.

Я киваю, и мы оба скидываем обувь и снимаем носки. Я снимаю рубашку, прежде чем стянуть джинсы и снять их.

Сейчас он наблюдает за мной. Я чувствую на себе его взгляд. Хотя не упоминаю об этом. Мы перешли черту, за которую, похоже, не сможем вернуться обратно. Его взгляд отрывается от меня, когда парень расстегивает джинсы, стягивая их вместе с боксерами.

Я не смотрю. Ничего хорошего не выйдет, если смотреть на его обнаженное тело.

Купер залезает в ванну, и я расстегиваю лифчик сзади, резко вдыхая, прежде чем бросить его на пол. Я хочу вымыться полностью.

Парень не смотрит на меня. На самом деле, могу с уверенностью сказать, что он делает все возможное, чтобы не смотреть. Одним быстрым движением стягиваю и снимаю стринги, и забираюсь в воду, которая уже начинает остывать, чертовски желая, чтобы она была полна воды с роскошными пузырьками. Но спрятаться негде.

Мы оба полностью обнажены в ванне с уровнем воды, который едва прикрывает наши колени.

Что еще хуже, так это то, что я хочу посмотреть. Мне приходится активно напоминать себе, что я не могу, и это расстраивает.

— Почему на этот раз все еще более неловко? — Кажется, его это забавляет.

Я смотрю на другую сторону ванны, встречаясь с Купером взглядом.

— Потому что мы оба совершенно голые.

Его здоровое плечо подпрыгивает вверх.

— Не похоже, что бикини слишком много скрывало.

Закатываю глаза, но не могу игнорировать трепет внизу живота. Ненавижу то, что он вызывает его во мне. Так было всегда?

Хочу сказать «нет», что между нами никогда не было сексуального влечения, но знаю, что это ложь. Даже когда Купер сводил меня с ума и воровал время с моим парнем, он привлекал мое внимание. Скрытые взгляды или прикосновение рук тут и там. Игривые шутки со скрытым смыслом на протяжении многих лет.

Это всегда было.

— И мы целовались.

Его челюсть напрягается при упоминании поцелуя.

— Это было не так уж хорошо.

Мои глаза сужаются, и он ухмыляется, зная, что успешно уколол меня.

— Ты прав.

— Обычно так и есть. — Куп хватает мочалку и наливает на нее немного геля для душа, затем намыливает свое тело, медленно водя кругами по коже, и я загнипнотизировано наблюдаю за ним. Не могу перестать смотреть, как пузыри пенятся на его коже. Над каждым бугорком подтянутых мышц. На каждом дюйме чернил на его теле.

— Вода становится холодной. — Его голос хриплый и тихий, похоже, ему все равно, что я плююсь на него.

Я киваю головой, хватаю шампунь и мою волосы. Вспенив шампунь на волосах, подтягиваю колени. Мои щеки горят, когда я ныряю под воду, делая все возможное, чтобы смыть пену и не показать Куперу каждую интимную часть своего тела.

Когда вынырываю, вижу, что парень тоже подтянул колени, пытаюсь освободить мне место.

— Это так чертовски неловко. Я ни с кем не мылась с тех пор, как была маленькой.

Он смеется.

— А я-то думал, что мы купались с одним и тем же человеком. — Я собираюсь убить его за предположение, что он купался с моей сестрой, но понимаю, что это не имеет смысла. Купер ухмыляется. — Что? Вы с Лиамом не купались вместе?

Я закатываю глаза в ответ на его дурацкую шутку, но это заставляет меня улыбнуться.

— Если ты скажешь мне, что принимал ванну с моим парнем, я могу тебя убить.

Он смеется, но это немного грустно, потому что все возвращается к нашим корням и к тому, кто мы есть. Я была девушкой Лиамы. Он был его лучшим другом, почти братом. И то, что мы сейчас делаем — это полный бардак.

— Нет, ему больше нравился душ.

Я швыряю в него бутылочку с шампунем, и Куп со смехом ловит ее. Этот звучит более реально, больше похоже на Купера, которого я знаю.

— Ты засранец.

— Всегда и навсегда. Не забывай об этом. — Теперь он более серьезен, когда одной рукой намыливает свои короткие волосы и быстро погружается под воду, похоже, совершенно не заботясь о скромности.

В этом весь Купер.

Наношу на волосы кондиционер, быстро ополаскиваю, а затем бреюсь, держа ноги в воде. Нелегко бриться, сжимая ноги вместе. Потом быстро бреюсь под мышками, чувствуя взгляд парня на своей груди.

Делаю глубокий вдох и встречаюсь с ним взглядом, все это одновременно эротично и ужасно.

Парень вылезает из ванны, вытираясь вчерашней футболкой.

— Мы должны постирать одежду сегодня.

— В грязной воде?

— Думаю, мы могли бы использовать только холодную.

Я киваю головой.

— Хорошо.

Он уходит, и я заканчиваю мыться, прежде чем вылезти и вытереться своей вчерашней рубашкой, чертовски жалея, что у нас нет полотенец.

«Что за странное желание в нашей ситуации?»

Надеваю пару черных леггинсов и свитер большого размера, прежде чем выйти в гостиную, и вижу, что Купер одет только в джинсы, низко сидящие на бедрах. Его волосы все еще мокрые, и он смотрит в окно.

— Почему ты не оделся?

Ненавижу то, что сосредотачиваюсь на V-образной линии его пресса, на его татуировках и на его мышцах. Мне действительно нужно, чтобы парень оделся для моего здравомыслия. Он поворачивается ко мне, его лицо слишком бледное.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что сделала для меня.

Купер выглядит чертовски серьезным, и мне это не нравится.

Совсем.

Глава шестнадцатая

КУПЕР

Она выглядит нервной, стоя в противоположном конце комнаты от меня, ее глаза широко раскрыты, а длинные волосы распущены и все еще влажные после ванны.

— Что тебе нужно?

— Тебе это не понравится, — говорю ей, зная, что прав.

Эверли скрещивает руки на груди, с тревогой изучая меня.

— Что?

Я хватаю бутылку виски с бокового столика и делаю глоток, прежде чем посмотреть на нее.

— Мне нужно, чтобы ты вправила мне плечо.

Ее глаза расширяются еще больше, и девушка уже качает головой.

— Нет.

— Эв, ты мне очень нужна. Снимать и надевать рубашку чертовски мучительно. Я не могу полноценно помочь с дровами и ведрами.

— Ты делаешь половину, и я делаю половину. Так и должно быть.

— Мне больно. Все время. Оно пульсирует. Его нужно вправить, иначе будут последствия.

— Знаю, что она не хочет этого делать, и я тоже не хочу. И избегал этого с тех пор, как произошел несчастный случай, но больше не могу это игнорировать.

Когда минуту назад я попытался натянуть рубашку, то чуть не потерял сознание от боли. Плечо реально чертовски болит, так что с этим нужно разобраться. Эверли все еще качает головой из стороны в сторону, и было бы смешно, если бы мое сердце не колотилось так безумно быстро.

— Нет. Это должен сделать врач.

— Я учусь на медицинском и смогу провести тебя через это. Кроме того, ты — ребенок хирургов. Все будет хорошо. — Я сам себе не верю, но стараюсь казаться уверенным, потому что мне нужна ее помощь. — Я не могу сделать это сам.

— Я не врач.

— Я проведу тебя через это. — Мои глаза умоляют ее. Я не хочу просить ее о помощи. Не хочу выглядеть таким чертовски слабым, но больше не могу этого выносить.

Девушка медленно кивает, осторожно приближаясь ко мне, когда я делаю еще один глоток. Она протягивает руку за бутылкой.

— Черт, нет. — Я тяну ее назад. — Врачи не могут проводить процедуры пьяными.

— Отдай мне эту чертову бутылку, если тебе нужна моя помощь. — Я вздыхаю, сдаюсь и протягиваю ей виски. Эверли делает большой глоток, и мне приходится оторвать бутылку от ее губ.

Ее глаза встречаются с моими.

— Как мне это сделать?

Делаю еще один глоток виски, позволяя ему прогореть до конца, и ставлю бутылку на стол. Затем ложусь спиной на пол.

— Что ты делаешь?

— Я собираюсь провести тебя через это. Все будет хорошо, но ты должна меня слушаться.

— Я улыбаюсь ей, несмотря на боль, пронизывающую мое плечо и бок. — Мы оба знаем, что это не твоя сильная сторона.

— Придунок, — выпаливает она, но я слышу беспокойство в ее голосе, когда та опускается на колени рядом со мной.

Я указываю ей на место рядом со мной.

— Стой здесь. — Она перемещается. — Держи меня за запястье обеими руками. — Ее дрожащие руки обхватывают мое запястье. Эв выглядит бледной, но сохраняет невозмутимое выражение лица, глядя на меня сверху вниз. — Хорошо. — Я делаю глубокий вдох. — Теперь отведи мою руку от тела, пока она не станет примерно под углом сорок пять градусов.

Она делает это, и я стискиваю зубы.

— Вот так?

Я киваю.

— Хорошо, возьми меня за руку и тяни к себе. Не дергай, но тебе придется сильно потянуть. Если тебе нужно больше рычагов, упрись ногами мне в бок.

— Куп...

— Ты должна. Все в порядке. — Я делаю вдох и смотрю ей в глаза. — Просто сделай это.

— Я не хочу причинять тебе боль.

— Ну, это очень неожиданно. — Я улыбаюсь, и она тоже, качая головой.

— Заткнись.

Я смеюсь.

— Просто потяни сильнее. Ты должна его вставить. Это лучший способ сделать это. Ты справишься.

Эверли выглядит бледной и чертовски обезумевшей, но в то же время очень, очень сильной.

— Хорошо. — Она стряхивает с себя неуверенность. — Ты готов?

Киваю один раз, но я лгу. Мы оба это знаем.

— Сделай это.

Девушка тянет, и я чувствую это движение. Стискиваю зубы, стараясь не дать вырваться своему крику, но даже сквозь мой закрытый рот Эверли чувствует его и отступает, опуская мою руку.

— Блядь! — Я перекачиваюсь на бок, обхватываю себя за руку и изо всех сил стараюсь держать себя под контролем. — Черт!

— Купер. — Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на нее, стараясь не блевануть от боли. Последнее, что мне нужно, это выглядеть перед ней полной размазней

— Все хорошо.

— Вставили? Получилось?

Я качаю головой и пытаюсь контролировать свое учащенное дыхание. Если я не успокоюсь, она тоже не успокоится, а мне нужна ее помощь.

— Нет, но почти.

— Что? — Она выглядит испуганной.

— Эв.

— Нет. — Она встает, снова качает головой и смотрит на меня сверху вниз. — Я не буду этого делать. Ты не можешь заставить меня. Ты засранец, Купер, но я все равно не хочу причинять тебе боль. Ты бы видел свое лицо. У тебя был такой вид, будто ты сейчас упадешь в обморок или тебя стошнит.

— Вот что я чувствую каждый гребаный раз, когда мне приходится раздеваться или что-то поднимать. Мгновенная боль того стоит, Эверли.

— Нет.

— Пожалуйста?

Девушка смотрит на меня сверху вниз, опускаясь на колени.

— Ненавижу это.

— Я знаю.

— Все это несправедливо. — Я знаю, что она говорит не только о моем плече.

— Это я тоже знаю. Но не могу позволить всему этому разрушить меня. Мне нужна твоя помощь, чтобы полноценно пользоваться своим плечом.

— Хорошо.

— Не могла бы ты сделать мне еще один бандаж, потому что после того, как оно встанет на место, мне нужно какое-то время поддерживать ее. — Она кивает и хватается сумку Арии, делая еще одну поддерживающую подвязку из ярко-розовой рубашки.

Я смотрю на нее.

— Не могла выбрать более мужественный цвет?

— Разве ты не знаешь, что сильные мужчины носят розовое? — говорит она со своей вечно уверенной улыбкой.

— Я сейчас не чувствую себя слишком сильным.

— Ты сильный, Куп. — Она кладет ткань рядом с моей головой и перемещает мою руку, держа меня за запястье обеими руками и упираясь ногой мне в ребра. — Еще одна попытка.

Я киваю головой.

— Сделай это. Ты тоже сильная.

Девушка делает глубокий вдох, и я следую ее примеру. Затем Эверли использует всю свою силу и сильно тянет, ее нога упирается мне в бок. Я издаю вопль, но на этот раз девушка не колеблется и не отпускает. Она тянет, и я чувствую, как мое плечо возвращается на место.

— Эв, ты сделала это.

Она смотрит на меня сверху вниз, ее глаза широко раскрыты.

— Серьезно?

Я киваю.

— Бандаж.

Мне уже лучше, даже несмотря на тупую боль. Она хватает повязку и закрепляет ее, прижимая мою руку к животу, и я медленно сажусь.

— Спасибо.

Она остается на месте, на коленях рядом со мной и, выдыхая с облегчением, смотрит на меня.

— Не думала, что смогу это сделать.

— Ты справилась.

Вижу, как что-то мелькает в этих неистовых глазах, и узнаю это. Огонь. Прямо перед тем, как ее губы встречаются с моими с голодом, к которому я не был готов, но не борюсь с ним. Целую ее в ответ, потому что это все, о чем я думал с прошлого раза.

Эверли прижимается своими губами к моим, а я свободной рукой убираю ее волосы с лица. Поцелуй становится интенсивным, и внезапно она оказывается у меня на коленях. Мы сидим на полу, моя рука в ее волосах, а ее на моей груди.

Девушка прикусывает мою нижнюю губу, тянет ее и засовывает свой язык мне в рот. Я посасываю ее язык и пытаюсь проглотить ее. Не хочу, чтобы это когда-нибудь заканчивалось, но и не хочу замедляться.

Оттягиваю широкий ворот ее свитера в сторону и целую ее в шею.

Видеть Эверли голой раньше было чертовски тяжело. То, что она помогала мне с плечом, было уже слишком. А еще тот поцелуй прошлой ночью. Мы одни в заброшенном доме. Страх перед будущим. Все это смешалось в один безумно разрушительный, взрывной момент, который никто из нас не собирается останавливать.

Она стонет мое имя, пока я посасываю ее шею и покусываю кожу обнаженного плеча. Эверли снимает свитер и бросает его за спину. Я отодвигаюсь достаточно, чтобы посмотреть на ее полные груди с красивыми розовыми сосками и облизываю их. Втягиваю один в рот, и девушка пальцами скользит в мои волосы, ее ногти впиваются в кожу, когда я особенно сильно сосу, а затем использую зубы, чтобы подразнить затвердевшие бутоны.

— Черт возьми, Купер.

Эверли откидывает голову назад, когда я двигаюсь к ее другой груди, делая то же самое.

— Скажи мне, чего ты хочешь.

Не хочу, чтобы она пожалела об этом позже. Мне нужно знать. Девушка отодвигается, вырываясь из моих объятий, но потом я понимаю, что это просто для того, чтобы снять леггинсы и трусики, прежде чем устроиться у меня на коленях и посмотреть мне в глаза.

— Я хочу, чтобы ты трахнул меня. Хочу, чтобы стер боль.

Вместе мы освобождаем мой член из штанов, стягивая джинсы и трусы вниз.

— На самом деле я не очень нежный любовник. — Не хочу думать о Лиаме и о том, что он, скорее всего, нежно и медленно занимался с ней любовью. Я не такой.

Эверли покусывает мою челюсть, а затем мою нижнюю губу, вырывая меня из моих мыслей, которые почти поглощают меня.

— Хорошо. Мне это не нужно. Я хочу, чтобы было немного больно. Может быть, это заставит боль внутри меня прекратиться.

Я киваю, полностью понимая. Двигаюсь так, чтобы спиной прижаться к дивану, и снова целую ее, рукой нахожу ее сосок и кручу его. Я наслаждаюсь ее стонами, когда Эверли скользит своей влажной киской по моему члену, но не позволяет войти в нее.

— Черт, ты такая мокрая.

Она целует меня в губы, затем прижимается своим лбом к моему и смотрит вниз.

— Ты твердый.

Я снова кручу ее сосок.

— Очень.

Она прикусывает свою нижнюю губу, и я чувствую, как девушка становится все влажнее. Теперь Эв смотрит на мой член, тяжело дыша.

— И большой.

— Не бойся. — Я почти смеюсь. — Ты справишься.

Эверли улыбается и сжимает мой член в своей руке, медленно поглаживая его. Откидываю голову назад от ее прикосновений.

— Могу и сделаю.

Она направляет мой ноющий член к своему входу. Но когда я двигаюсь, чтобы войти в нее, девушка отстраняется, наклоняется вперед и покусывает мою нижнюю губу.

— Дразнилка.

Эверли смеется, что чертовски сексуально, когда смотрит вниз, позволяя головке моего члена скользнуть в нее, растягивая ее и заставляя нас обоихстонать от желания. Я приподнимаюсь, входя еще немного. Одной рукой она тянется к моим волосам сзади, крепко сжимая их.

Мне нравится боль, когда она тянет еще сильнее, и я погружаю член глубже. Претендуя на то, чего так долго хотел. Вскоре я полностью вхожу в нее, и девушка двигает бедрами взад-вперед. Ее тугая влажная киска крепко сжимает меня, заставляя чувствовать себя так хорошо, что я едва могу произнести слова.

— Черт возьми, Эв.

— О, боже, ты так хорошо чувствуешь внутри меня, — стонет она мне в рот, целуя меня и хватая за волосы, ногтями впиваясь в кожу моей головы.

Мы движемся вместе в безумии, оба ищем освобождения и спасения от ада, в котором оказались.

— Я скоро кончу, — говорю ей, просовывая руку между нами, нащупывая ее набухший клитор и поглаживая его. — Но только после тебя.

— Я близко, — выдыхает она, пока скачет на мне. Это немило и неэлегантно. Здесь нет стратегического ритма. Поглаживания торопливы и отчаянны, пока мы ищем экстаз, и это никогда не чувствовалось так хорошо. Никогда.

Чувствую, как ее киска сжимает мой член. Эв откидывает голову назад, продолжая двигать бедрами, с каждым движением принимая мой член все глубже. Затем она кончает, и я кончаю в нее, наши тела двигаются в унисон.

Когда все заканчивается, она все еще держит меня за волосы, и мы оба задыхаемся, когда ее глаза встречаются с моими. Мы оба неподвижны.

«Пожалуйста, только не плачь».

Ее глаза изучают мои. Я не могу сказать, о чем она думает.

— Ух ты.

«Ладно, это не слезы. Хорошо».

— Да.

Мой член все еще внутри нее. И мы просто смотрим друг на друга, не двигаясь.

Неужели это действительно только что произошло?

Глава семнадцатая

ЭВЕРЛИ

Не знаю, что на меня нашло. Я сама накинулась на Купера и хотела бы сказать, что сожалею об этом, но это было бы ложью.

Не жалею ни капли.

Я наслаждалась каждой секундой.

Держу его лицо в своих руках, сидя у него на коленях, смотрю в его глаза и чувствую смесь нашего возбуждения между бедер.

— Итак, это случилось.

И было так чертовски хорошо. Я имею в виду, что мне и раньше нравился секс, но это... это было на совершенно новом уровне. И эта мысль заставляет меня чувствовать себя такой чертовски виноватой.

Купер хихикает, его смех одновременно счастливый и грустный, но он не отводит от меня взгляда.

— Да. Случилось. — В его глазах мерцает беспокойство, когда парень смотрит на меня. — Ты в порядке?

Я пожимаю плечами.

— Вроде... хотя ты вроде как большой.

Он фыркает и качает головой, хотя я все еще держу его лицо в ладонях.

— Это не то, что я имел в виду.

— Я знаю. — Сглатываю, ненавидя его красивое лицо и тот факт, что не могу отвести взгляд, потому что он такой невероятно красивый. Купер всегда был красивым. И притягательным. Как бы мы на это ни смотрели, то, что мы только что сделали — это предательство. — Я в порядке.

Он кивает.

— Спасибо, что вправила мне плечо.

Я улыбаюсь, на самом деле не желая отдаляться от него, но зная, что должна.

— Без проблем. Думаю, нам следует одеться.

Он кивает, глядя вниз между нами.

— Это нормально, что мы не... — Он колеблется, что странно для Купера. Обычно парень говорит то, что думает. Всегда так раздражающе самоуверен.

— Что?

— Не использовали защиту.

Я киваю, прочищая горло.

— Я же сказала, что у меня спираль. — И я не хотела останавливаться. По правде говоря, я знала, что если бы кто-нибудь из нас остановился хотя бы на мгновение, мы бы не прошли через это.

А я хотела этого.

Боже, как я этого хотела.

— Хорошо.

— Я чиста, — говорю я, заглядывая ему в глаза.

— Я тоже.

Киваю, каким-то образом зная, что Купер не подвергнет меня опасности даже в пылу момента. Я пытаюсь пошутить, чтобы снять напряжение:

— Кроме того, я не собиралась использовать презервативы, которые ты взял для моей сестры.

Купер выглядит удивленным, и я понимаю, насколько это не смешно. Он действительно взял с собой презервативы в эту самую поездку, чтобы использовать их с ней. И Ария тоже взяла немного, чтобы использовать с ним. И если бы не произошла авария, именно этим бы они сейчас и занимались.

Убираю руки с его лица. Во мне бурлит так много эмоций, и одна из них побеждает — ревность. Насколько это хреново? Руки дрожат, и я чувствую, что меня может стошнить.

Купер приподнимает рукой мой подбородок, чтобы заставить посмотреть ему в глаза.

— Не делай этого.

— Чего?

— Не говори об этом. Мы договорились.

Я чувствую знакомое раздражение. Чувство, которое обычно испытываю рядом с Купером, и это почти приятно.

— Мы так облажались.

Теперь он тоже выглядит раздраженным. Хорошо. Это то, что мы должны чувствовать друг к другу.

— Мы просто попали в хреновые обстоятельства.

— Точно. — Я хватаю свой свитер и натягиваю через голову, все еще сидя у него на коленях, и понимаю, что веду себя нелепо. Дуюсь, как ребенок, и не знаю, что со мной происходит. Я даже себе не могу признаться в том, что чувствую, потому что это слишком ужасно. — Обстоятельства.

— Эв.

— Нет. — Я слезаю с него, хватаю штаны и пытаюсь не обращать внимания на влагу между ног, когда натягиваю их. Купер остается сидеть и подтягивает штаны. — Ты прав. Мы не должны говорить об этом.

Он встает, осторожно придерживая плечо, а затем возвышается надо мной.

— Ты злишься.

— Нет. Просто думаю, что нам, наверное, следует использовать дневной свет. Сходить за едой и дровами.

Парень смотрит на меня и его глаза темнеют.

— Ты увливаешь.

— От чего тут можно увливать, Куп? Мы трахнулись. Важное событие. Мы оба взрослые люди. — Складываю руки на груди и пытаюсь казаться сильнее, чем себя чувствую. — Одиноким взрослым.

— Но это не так. — Я знаю, что мои глаза расширяются, когда парень это говорит, но молчу. Купер протискивается мимо меня, чтобы схватить рубашку. — Можешь мне помочь?

Киваю и подхожу к нему. Осторожно снимаю повязку и помогаю надеть рубашку с длинными рукавами и пуговицами, прежде чем снова надеть бандаж.

— Спасибо. Это настоящая заноза в заднице.

— Ты хоть немного чувствуешь себя лучше?

Он кивает с легкой улыбкой, потому что никто из нас сейчас на самом деле не думает о его плече. Мы думаем о том, что произошло несколько минут назад.

— Да. Лучше. Спасибо тебе.

— Не за что.

Купер не надевает пальто, и мы направляемся в сарай, повторяя уже привычные движения. Собираем дрова, а затем идем в подвал, чтобы принести еще еды, прежде чем приготовить обед.

Все это время мой разум сосредоточен на фактах.

У нас был секс, и Купер прав... Мы не совсем одиноки.

Глава восемнадцатая

КУПЕР

Все в полном дерьме.

И имею в виду все. Да, я хотел ее. И это было невероятно. На самом деле я нисколько не жалею об этом. Только теперь Эверли не смотрит на меня. Мы сидим здесь со свечами и двумя зажженными лампами, смотрим на огонь, пока едим консервы на ужин, а она отказывается со мной разговаривать.

Мы сегодня почти не разговаривали. Эверли не может смотреть на меня, и я знаю, что она сожалеет о произошедшем. Мне следовало держать свои гребаные руки при себе.

Я был потрясен, когда она упомянула о презервативах. Это вернуло меня в реальность. Я действительно думал о том, чтобы переспать с Арией в этой поездке. Если бы мы не попали в аварию, более чем вероятно, что именно это и произошло бы.

И я бы услышал Эверли в соседней комнате с моим лучшим другом. Как и много раз в прошлом.

Эта мысль посылает мощную волну через мой живот, крепко сжимая его чувством вины. Она девушка моего лучшего друга.

Вот что я имел в виду, когда сказал, что на самом деле мы не одиноки. И она тоже это знает.

Если бы не авария, мы бы все еще были в отношениях с другими людьми.

— Ты думал о ней?

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Эверли, которая, кажется, пьет виски вместо ужина.

— Ешь.

— Я съела маринованный огурец.

— Ешь больше. — Забираю у нее виски. — Пей меньше.

Девушка закатывает свои красивые глаза, и я могу ясно видеть ее в свете огня, мерцающего в комнате. Делаю глоток виски, хорошо зная Эверли и то, что она готова к ссоре.

— Просто скажи мне.

Я тяжело вздыхаю и делаю еще один глоток виски.

— Что?

— Ты думал о ней, когда трахал меня? Это из-за горя? Способ забыться?

Эверли пристально смотрит на меня, когда поджимает под себя ноги на диване.

— Нет.

— Тебе необязательно мне врать. Она была моей сестрой. Мы были похожи. Этого нельзя отрицать.

Ладно, если хочет ссоры, она ее получит. Может быть, хороший старомодный спор с Эв заставит меня почувствовать себя менее оцепеневшим.

— Вы двое совсем не похожи, и ты, блядь, это знаешь. — Я придвигаюсь к ней ближе и вижу, как ее глаза темнеют. — Она была светлой, а ты темная.

— Пошел ты, — выплевывает она.

— Это правда, Эв, Ария была блондинкой. У тебя черные волосы. У нее были ярко-голубые глаза. — Она опускает глаза, избегая моего взгляда, и я придвигаюсь к ней еще ближе, хватаю за подбородок и приподнимаю лицо, чтобы заглянуть в ее яростные глаза. — Твои глаза бывают разных цветов, но всегда есть темный оттенок.

— Пошел ты, Куп.

— Они прекрасны. — Я с трудом сглатываю, глядя в ее наполненные слезами глаза, которые расширяются от шока.

— Что?

— У тебя красивые глаза. — Я отпускаю ее, а затем чувствую ее шелковистые волосы между пальцами. — И твои волосы. В тебе все прекрасно. Мне нравится твоя темнота.

Я наблюдаю за ее горлом, когда девушка сглатывает, мои слова влияют на нее.

— У нас с ней одинаковые носы.

— Знаю. — Мои губы мягко прижимаются к ее губам. — Я не думал о ней. — И это делает меня еще большим ублюдком, потому что это правда. Ария даже не приходила мне в голову, когда я целовал Эверли. Когда был внутри нее. Ни разу.

Девушка приоткрывает губы, когда я углубляю поцелуй, ее пальцы скользят по моим коротким волосам и крепко сжимают, притягивая меня ближе. У нее вкус виски и соленых огурцов, и еще чего-то, с чем я не могу больше бороться.

То, с чем я так невозможно долго пытался бороться.

— Значит, когда ты целуешь меня, ты не?.. — Она задыхается во время нашего поцелуя. Я слышу неуверенность в ее дрожащем голосе, но Эверли не отстраняется от меня.

— Нет. Это... — Я жадно целую ее полные губы. — Это совсем не похоже на любой другой поцелуй раньше. Сейчас все иначе. С тобой все по-другому.

Девушка целует меня в ответ, обвивая руки вокруг моей шеи, и откидывается на спинку дивана, принимая мой вес. Я не могу использовать одну руку, и это расстраивает, но Эверли, кажется, не возражает, когда позволяет мне устроиться у нее между ног.

— Поцелуй с ней был другим?

Она что, пьяна?

Я отстраняюсь, используя здоровую руку, чтобы приподняться достаточно и посмотреть ей в глаза.

— Эв.

— Я знаю, это табу, но хочу знать. Я хочу, чтобы было больно, Куп.

Эверли хочет наказать себя и, возможно, меня.

Боже, я ее понимаю.

— Да. Целовать ее было совсем по-другому. — Я должен слезть с нее, продолжить ужин и не отвлекаться на этот разговор.

«Я хочу, чтобы было больно, Куп».

Ее слова звучат у меня в голове, и я знаю, что тоже этого хочу.

— Ее поцелуи были слаще. Мягче. — Я наклоняюсь вперед и облизываю уголки губ Эверли, заставляя их раздвинуться для меня, что она и делает, прежде чем крепко ее целую. Она не разочаровывает и также крепко целует меня в ответ. Девушка хватается за волосы и тянет так сильно, что становится больно. Я покусываю ее челюсть и спускаюсь по шее. — Обычно инициатором был я. Ария была застенчива. Не знала, как попросить, чего хочет.

У Эверли вырывается вскрик, но она не отталкивает меня. Нет, наоборот притягивает меня ближе и крепче сжимает мои волосы.

— Она была невинной. Милой.

Нахожу впадинку у нее на шее и сосу с таким нажимом, что девушка вскрикивает в экстазе. Мой член тверд под джинсами, и я прижимаюсь к ее сердцевине через леггинсы.

— Я не знал, что с ней делать. Мне всегда казалось, что я ее порчу.

— Но разве не этого хотят парни? Быть первым?

Я отодвигаюсь достаточно, чтобы заглянуть ей в глаза, видя в них непролитые слезы.

— Я не хотел.

— Но сделал бы.

Она выглядит сердитой, почти ревливой, и я знаю, что это убивает ее. Эверли ревнует к своей сестре точно так же, как я ревную ее к Лиаму. Все это извращено и отвратительно.

— Не знаю.

— Лжец.

— Я не лгу. — Снова целую ее губы, словно наказывая их и оставляя распухшими и покрытыми синяками, но я знаю, что Эверли выдержит это. Знаю, что она жаждет этого, когда целует меня в ответ с такой же яростью. Руками она находит пуговицу на моих джинсах и расстегивает ее, потом молнию, а затем помогает стащить мои джинсы и трусы.

— Тебе не нужно лгать. Я знаю, что ты хотел ее. Все в порядке. Я знаю, что она хотела тебя. — Она гладит мой твердый, как сталь, член одной рукой, вырывая стон из моей груди. — Я любила ее. Я любила Лиаму.

— Я знаю. — Эверли ласкает мой член своей мягкой рукой, и я опираюсь на одну руку, наблюдая, как она делает это. — Я тоже его любил.

— Я знаю. — Она откидывает голову назад, отыскивая мои губы. — Если бы не авария... Этого бы никогда не случилось.

— Спусти штаны, Эв. Дай мне на тебя посмотреть. — Она перестает гладить меня и подчиняется, стягивая леггинсы. На ней нет трусиков, которые были раньше. Я смотрю между нами на ее хорошенькую обнаженную киску с небольшим треугольником волос над ней. — Ты побрилась для меня?

Она прикусывает нижнюю губу и кивает.

— Да. Вода была чертовски холодной.

Я улыбаюсь и сажусь на колени, глядя между ее ног на ее блестящую киску. Она никак не сможет отрицать, насколько возбуждена, и я тоже не могу.

— Ты прекрасна.

Ее глаза слезятся и такие печальные, но одновременно полны яростной решимости.

— Как и ты.

Ухмыляюсь, провожу большим пальцем по ее влажным складкам и обвожу клитор. Эв откидывает у назад и тихо всхлипывает.

— Я хотел тебя. Хотел с той самой первой ночи, но ты пошла с ним. И я бы никогда не предал его. — Ее глаза встречаются с моими, но я не перестаю играть с ее клитором. — Никогда.

— Знаю. Я бы тоже не стала этого делать.

— Я знаю. — Использую два пальца и вхожу в ее тугое тепло, играя с клитором. Одной рукой она хватается меня за запястье, но не отстраняет. — Я вождедел девушку своего лучшего друга в течение трех гребанных лет и чувствовал себя виноватым из-за этого каждый божий день. Я знал, как это было хреново. Ты была его. Я бы не посмел действовать за его спиной. Никогда.

— Нет. — Я сгибаю пальцы, нахожу то место внутри нее, которое заставляет ее бедра напрягаться, а ее пальцы крепче сжимают мое запястье. — О боже.

— Если бы они не умерли, этого бы никогда не случилось. Все это, ты и я прямо сейчас, находим утешение друг в друге. Утешение в боли.

— Да. — В ее голосе нет уверенности, но она погружена в удовольствие и боль.

— Я знаю, что ты любила его. — Ее пальцы сжимают меня сильнее, пока я дразню ее клитор. — Он тоже любил тебя. Я всего лишь замена. Ты можешь использовать меня для утешения.

Ее глаза встречаются с моими, когда ее грудь вздымается.

— Нет. Это неправда.

— Так и есть. — Двигаю пальцами быстрее, Эверли тяжело дышит, приближаясь к оргазму. Это слова, которые я должен был сказать.

— О боже, Купер, не останавливайся.

Чувствую, как ее киска сжимается вокруг моих пальцев. Я знаю, что она близко.

— Этого никогда бы не случилось, если бы они все еще были живы. Любой из них.

Эверли кончает на мои пальцы, но я продолжаю дразнить ее клитор, выдаивая из нее каждую последнюю секунду оргазма, прежде чем заменить пальцы своим членом и войти в нее, заставляя нас обоих стонать от удовольствия и боли.

Она целует меня в губы, ногтями впивается в кожу моей головы, пока я трахаю ее без малейшего подобия сладости. Яростно вонзаюсь в нее, и девушка принимает каждый толчок, двигаясь вместе со мной и умоляя о большем.

— Ты действительно в это веришь? — выдыхает она между яростными поцелуями и наказывающими толчками.

Я смотрю ей в глаза.

— Я должен. — Она двигает руки к моей голой заднице и впивается ногтями в мою плоть, притягивая глубже в себя. Ее киска сжимает мой член, посылая нас обоих в потрясающий оргазм. Эверли прижимается ко мне, и я целую ее, входя глубоко в нее во второй раз за сегодняшний день.

Даже если я произнесу эти слова вслух, мы оба знаем, что это неправда.

Переведено для группы: <https://vk.com/bookhours>

То, что было между нами, всегда было неоспоримо.

Глава девятнадцать

ЭВЕРЛИ

Когда мы кончаем, Купер перекачивается на здоровую сторону и прислоняется спиной к дивану, а я поворачиваюсь к нему лицом. На диване тесновато, но не хочу быть где-то в другом месте.

Не знаю, что происходит между нами. Может быть, это из-за горя или из-за того, что мы застряли неизвестно где и можем положиться только друг на друга, но в глубине души, глубоко-глубоко в моем сердце... я знаю, что это назревало в течение долгого времени.

Я любила Лиаму. Но ни один поцелуй с ним никогда не был таким. Ни одна ночь с ним не была такой, как эта.

Может быть, страсть усиливается ситуацией или все это из-за неприязни, которую мы испытывали друг к другу все эти годы. Не знаю. Но прямо сейчас, здесь, в этой глуши, все, чего я хочу — это лежать здесь с Купером.

Его джинсы и трусы все еще спущены до лодыжек. То же самое и с моими леггинсами.

Мы оба вспотели, и мои бедра липкие от наших соков, но я не хочу двигаться.

Тянусь к его рубашке, медленно расстегивая пуговицы, пока Купер смотрит мне в лицо, его рука все еще на перевязи. Полностью расстегиваю рубашку и провожу пальцами по его затвердевшему прессу, обводя татуировку на его боку.

— Сердце. Это как символ врача, которым ты хочешь быть?

Он улыбается, обхватив меня рукой и притягивая ближе, пока я обвожу красивые чернила.

— Мы не так много внимания уделяли друг другу за эти годы, да? — Его улыбка говорит мне, что он шутит, но это правда. Потому что никогда не спрашивала, каким направлением в медицине он хотел бы заниматься. Я много о чем его не спрашивала. — Да. Я хочу заниматься кардиологией.

— Это интересно.

Купер улыбается, и я чувствую его руку в своих волосах. Откидываю голову назад, наслаждаясь ощущением его сильных пальцев, массирующих кожу моей головы.

— Да.

Мы много разговаривали во время секса. И в этот момент я не хочу забывать об Арии и Лиаме. Не хочу, чтобы чувство вины, которое я чувствую, исчезало, даже в такие моменты. Это предательство, и я хочу, чтобы это причинило боль. Я хочу наказания.

— А как насчет татуировки?

— Которой из них? — спрашиваю я, смотря ему в глаза.

Мне нравится, как его губы приподнимаются, когда Купер смотрит ниже моей обнаженной талии.

— Молния. Это метафора для мощной киски?

Я смеюсь над его шуткой. Несмотря на то, что он выводил меня из себя на протяжении многих лет, Куп всегда мог рассмешить меня. Даже если я всегда замаскировывала смех под фырканье.

— Нет. — Я пожимаю плечами. — Хотя, может быть.

Парень все еще смотрит на маленькую татуировку, расположенную высоко на внутренней стороне моего бедра, но я не чувствую себя неуверенно, лежа здесь, пока Куп разглядывает меня, а свет огня мерцает вокруг нас.

— Я бы понял. Между твоих ног определенно есть сила.

— Это сексизм.

Он усмехается и переводит взгляд обратно на меня.

— Совсем нет. Ты могущественная, Эв. Сильная.

— Не из-за того, что у меня между ног.

— Тогда почему там?

— Честно? — Он кивает. — Это все Ария. — Купер судорожно сглатывает, и я вижу боль, которую тот чувствует при упоминании моей сестры. Волна ревности захлестывает меня.

Ревность, которую я не имею права испытывать, но все равно испытываю. Интересно, не преуменьшает ли он то, что у них было, ради меня? — Я хотела татуировку, но хотела спрятать ее от родителей, потому что они считают татуировки вульгарными. Недостойными меня.

— Отлично сказано.

Я смеюсь, качая головой, потому что нет, это определенно не так, и его сарказм попадает прямо в точку.

— Ария умоляла меня позволить ей выбрать, а я никогда не могла ей отказать. И вот она выбрала молнию.

— Она сказала, почему?

Киваю, слезы наполняют мои глаза, когда я думаю о своей младшей сестре, такой полной жизни, яркой и сияющей. Больше людей должны быть похожими на Арию. Нетронутыми уродством этого мира.

— Она сказала, что я хочу быть мрачной и угрюмой, но на самом деле я достаточно сильна, чтобы осветить небо.

— Глубоко.

Киваю, и мой взгляд опускается к его груди, выглядывающей из-под рубашки.

— Думаю, она просто хотела, чтобы я была яркой и блестящей. У нее на бедре втатуировано солнце. Очень подходит для моей младшей сестры.

— Да, я так и думал.

Конечно, он ее видел. Татуировка не была скрыта бикини, в котором она была в тот день, когда они встретились на вечеринке у бассейна. Он видел тату в тот день, и, вероятно, много раз после.

Его рука лежит на моем затылке, и Купер наклоняет мою голову ровно настолько, чтобы я посмотрела на него.

— И она не ошиблась, Эв. Ты сильная. Она была оптимисткой, но ты настоящая.

Я усмехаюсь.

— Настоящая, то есть типа я ненавижу мир?

— Настоящая. Во всех отношениях.

Купер придвигается ближе ко мне и губами касается моих, заставляя мое сердце биться быстрее. Я делаю глубокий вдох, желая, чтобы он снова поцеловал меня.

— Нам нужно немного поспать.

— Нужно. — Я киваю, разочарованная, пока он не прижимается своими губами к моим и не целует меня так чертовски крепко, потому что знает, что мне этого хочется. Мы кусаемся и тянем, оставляя синяки на губах друг друга.

Купер тоже этого хочет.

Мы оба жаждем боли.

Глава двадцатая

КУПЕР

Дни и ночи наполнены почти безостановочным сексом. Кажется, мы не можем оторваться друг от друга. И правда в том, что не думаю, что кто-то из нас хочет этого.

Вода все еще теплая, мы оба чистые, а Эверли лежит обнаженная между моих бедер, ее голова покоится на моем здоровом плече. Мое другое плечо чувствует себя лучше, но я все равно надеваю повязку.

— Одна неделя. Мы здесь уже неделю.

Ее рука лежит на моем бедре, и Эв нежно поглаживает меня под водой.

— Знаю. Это кажется вечностью и всего лишь парой часов одновременно.

Мы впали в некую рутину. Снег начал таять, и в последнее время мы нагревали его для наших ванн, пользуясь тем, что он еще не сошел. У нас все еще остается много консервов. Воды в доме давно нет. Мы приносим ведро воды, чтобы смыть воду в туалете, и еще одно, чтобы мыть руки в течение дня.

Но в основном мы трахаемся.

Это неправильно. Мы оба это знаем, но это приятно и помогает скоротать время.

В глубине души я напоминаю себе, что для нее я всего лишь утешение. Член на замену. Даже если это неправда. Мне просто нужно держать это там, в глубине моего сознания.

Боль в плече не так мучительна, как мое предательство по отношению к Лиаму. Он был моим лучшим другом, моим братом, а я накинута на его девушку, в то время как его тело разлагается, погребенное под несколькими футами снега.

— Так что насчет этой татуировки? — Я провожу рукой под ее грудью над сексуальной татуировкой в виде розы со словами «Пусть будет так», написанными курсивом.

Эверли на мгновение напрягается, и я знаю, почему. И все же спрашиваю. Потому что мне нужна эта боль.

— У нее тоже была такая.

— Я знаю.

Эверли наклоняет голову и смотрит на меня, ее губы изгибаются в полуулыбке.

— Пожалуйста, не напоминай мне, что ты видел грудь моей сестры.

Мы гребаные извращенцы.

Но это лучше, чем просто игнорировать очевидное, верно? Чем жить в отрицании?

— Я много раз видел ее в купальнике.

Эверли пожимает плечами, принимая этот ответ, и снова смотрит на переднюю часть ванны.

— О.

— И я видел ее сиськи, — добавляю я, покусывая ее ухо.

— Ты придурок. — Она щиплет меня за бедро, но несильно.

Я смеюсь, но потом Эверли поворачивается и садится на колени между моих ног.

— Ты использовал мою сестру, чтобы заставить меня ревновать?

Ее глаза потемнели еще больше, когда она смотрит на меня в ожидании ответа. Я вздыхаю, потому что это игра, в которую мы играем. Баланс боли и удовольствия. Эверли хочет трахаться, но сначала хочет, чтобы было больно. Сильно.

Я вижу это в ее глазах.

— Я уже говорил, что в тот первый день, когда познакомился с ней, это было для того, чтобы разозлить тебя. Но после этого, нет. Я не хотел причинять тебе боль. Или ей.

Эверли думает, положив руки мне на грудь.

— Я ревновала, когда она говорила о тебе. Завидовала. И не признавалась в этом даже самой себе.

Интересно, чувствует ли она, как быстро забилося мое сердце при ее признании?

«Сделай так, чтобы было больно».

Эв наклоняется вперед, ее губы касаются моей шеи, оставляя поцелуи на моей коже и спускаясь по моей груди.

— Она говорила, как нежно ты целовал ее. — Ее губы касаются моих. — Я ей не поверила. Я всегда думала, что ты будешь жестким, требовательным. — Она осторожно целует меня в губы, и я позволяю ей продолжать. — Как со мной.

— Я же говорил, что с тобой все по-другому.

— Слышав, что ты был нежен, я завидовала ей, несмотря на то, что никогда не была большой поклонницей нежности.

Мои глаза открываются, и я смотрю в ее глаза.

— Ты этого хочешь?

Эверли качает головой.

— Нет. Боже, нет. Не меняй то, как ты целуешь меня.

Наклоняюсь вперед, обнимаю ее одной рукой за талию и крепко целую в губы, убеждаясь, что она чувствует меня. Я уже возбужден, и она трется своей киской о мой член, атакуя мой рот.

— Я жутко ревновала каждый раз, когда Ария говорила об этом. — Эверли кусает мою нижнюю губу и шепчет мне на ухо: — Она рассказала мне, как ты заставил ее кончить.

Боже. Это полная жесть.

— Было дело.

— Но у вас не было секса.

— Необязательно заниматься сексом, чтобы заставить кого-то кончить.

Она скользит рукой вниз по моей груди к твердому члену, крепко сжимая его.

— Знаю. Ария сказала, что у нее никогда не было такого невероятного оргазма. Это вызвало у меня любопытство и злость. Поэтому сказала ей, что это отвратительно, что я не хочу слышать о ее сексуальной жизни.

Она гладит мой член.

— Это, наверное, к лучшему.

— Ей было неприятно, потому что мы всегда все рассказывали друг другу.

Я обхватываю рукой ее затылок и притягиваю к своим губам для поцелуя, пока Эв продолжает гладить меня.

— Позволь мне войти в тебя.

Эверли просто продолжает драть мой член, оседлав мои бедра.

— Вы с Лиамом говорили обо мне?

— Что? — Я отстраняюсь и смотрю ей в глаза. — Нет.

— Он никогда не говорил о нашей сексуальной жизни?

Ей это нужно.

— Нет. Не говорил. — Я притягиваю ее обратно к себе, но не целую. Эверли прижимает кончик моего члена к своему влажному входу. — Хотя я слышал, как вы трахаетесь через стену. Знаю, что ты кончала не каждый раз и когда была стервозной на следующий день, я всегда знал, почему.

Эверли задыхается, когда скользит вниз по моему члену, я наполняю ее.

— Он просто был занят.

— Тогда он не должен был трахать тебя в те ночи.

— Мне нравилось, когда он был внутри меня.

Я рычу и крепче сжимаю ее волосы. Она стонет мне в рот, целуя меня.

— Ты ведь хотела кончить.

— Он заставлял меня кончить.

— Не все время. — Резко вхожу в нее, стараясь попасть в то идеальное место внутри. Она кусает меня за плечо, прижимаясь ко мне, и мне все равно, что она давит на мое больное плечо.

Потому что говорить об этом — о том, что я лежал в своей постели и слушал их, надеясь, что она не кончит, и думая обо всех способах, которыми я мог бы подарить ей оргазм — это гораздо больнее.

— Почему ты не занимался сексом с Арией?

Эверли знает, почему. Мы оба знаем.

— Она хотела этого. Я знаю, что хотела. И все время говорила об этом, но также говорила, что ты считаешь, что следует подождать, и ты убедил ее в этом.

Отпускаю ее волосы и опускаю руку под воду между ее ног, нахожу клитор и щиплю его. Эверли откидывает назад голову, пока скачет на мне, положив одну руку мне на бедро, а другой сжимая мой бицепс.

— Ты действительно хочешь знать?

Она резко наклоняет голову вперед и встречается со мной взглядом.

— Сделай так, чтобы было больно, Куп.

Я глажу ее клитор и чувствую, как ее киска сжимается вокруг меня, ее тело начинает дрожать.

— Я знал в глубине души, хотя редко позволял себе думать об этом... — Скольжу пальцем по клитору, приближая ее к оргазму все ближе и ближе. — Если бы я занялся с ней сексом, у меня никогда не было бы шанса с тобой.

Ее киска сжимает мой член, когда ее захлестывает оргазм. Эв впивается ногтями в мою руку и бедро, пока я глубоко вхожу в нее, в то время как наши губы соприкасаются, на самом деле больше не нуждаясь в разговорах.

Это признание кажется вырвалось из глубины души. Оно вызывает достаточно хаоса, потому что мы оба знаем, что это правда. Если бы у меня был секс с Арией, Эверли ни за что не позволила бы мне прикоснуться к ней. И хотя мы оба были преданы Лиаму, мне не хотелось разрушать этот шанс.

— Но вы же собирались в этой поездке.

Она отрывает свое тело от моего и поворачивается, чтобы лечь спиной мне на грудь.

— Может быть. — Я целую ее обнаженное плечо. — А может, и нет.

И это чистая правда.

Я не знаю, что могло произойти.

Глава двадцать первая

ЭВЕРЛИ

— Он когда-нибудь сойдет? — Мы плетемся по снегу к сараю. И да, я ною, потому что устала от белого, густого снега, покрывающего землю.

Я устала ходить по нему и мочить штаны и ботинки. Прошло чуть больше недели, и, похоже, он никуда не денется.

Не помогает и то, что прошлой ночью снова пошел снег, и стало очень холодно.

Мы добираемся до сарая, и я распахиваю тяжелую дверь, чтобы Куперу не приходилось делать это, даже если его плечу немного лучше.

Парень улыбается мне, входя внутрь, и я захожу следом за ним.

— Кто-то сегодня стервозный.

— Пошел ты. Я сплошной позитив.

Он смеется, когда я закрываю дверь, но комментарий бьет нас обоих прямо в грудь. Потому что Ария была такой.

Правило не упоминать о них полностью исчезло. Мы сейчас часто о них говорим. Убедившись, что это больно. Представляя, чтобы они почувствовали, если бы наблюдали за нашим предательством. Так как-то проще.

Подходим к куче дров, которых, к счастью, все еще довольно много, но я пока не беру их в руки. Вместо этого сажусь на один из тюков сена.

— Если снег не сойдет, никто не найдет обломки. Никто не будет нас искать.

— Здесь с нами все будет в порядке.

Купер садится, и я обнимаю его за шею, поворачиваясь к нему всем телом. Это действие, которое должно быть чуждым, но сейчас такое же легкое, как дышать. Знакомое.

— Тебе просто нравится трахать меня.

Он усмехается, но это грустная улыбка, и мне это не нравится.

— Нравится.

Я нежно целую его в губы, позволяя реальности остаться на задворках моего сознания, думая о том, что подумала бы сейчас моя сестра, если бы увидела нас. Как сильно она возненавидела бы меня. Как бы она кричала на меня.

— Мне тоже это нравится.

— О чем ты думаешь?

— Об Арии, — честно признаюсь. По какой-то причине я ничего от него не скрываю. Купер знает, что мне нужно, чтобы это было больно, и, похоже, ему нужно то же самое. Это единственный способ, которым мы можем пережить это. — А ты?

— О Лиаме. — Я киваю, уже зная это, когда целую его в губы и позволяю своим пальцам скользнуть по его волосам. — Он всегда был хорошим.

Я отстраняюсь, позволяя своим рукам лечь ему на плечи.

— Вы, ребята, знали друг друга всю свою жизнь?

— Да, наши родители были довольно близки. Наши мамы дружили, когда росли. Они проводили много времени вместе, так что, думаю, для нас с Лиамом было естественно сблизиться.

С таким же успехом они могли быть братьями. Я знаю, что они жили на одной улице и видели друг друга каждый божий день. Лиам рассказал мне об этом давным-давно. Когда я жаловалась на то, что Купер меня раздражает, он просил меня быть милой с его братом.

— Он нравился твоему отцу? Я имею в виду...

Купер улыбается, зная, к чему я клоню, потому что он сказал мне, какой ублюдок его отец.

— Он любил его. — Он смеется, но это иронично. — Вся моя жизнь мой отец хотел, чтобы я был Лиамом.

Ненавижу то, что он так принижает себя.

— Уверена, что это неправда.

Купер встает, явно нуждаясь в дистанции.

— Так и есть. Он прямо так и сказал мне. — Куп скользит рукой по волосам, уже взъерошенным моими пальцами. — Я всегда попадал в передряги. Без всякой причины создавал проблемы. И мой отец ненавидел это. Он унижался всякий раз, когда ему приходилось идти в школу, потому что я сделал что-то глупое. И он спрашивал меня, почему я не могу быть больше похожим на Лиам.

Я проглатываю тошнотворное чувство в животе. Скорее всего, Купер действовал ради внимания, которого никогда не достаивал его отец.

— Это ненормально.

Купер опускает руку и пожимает плечами.

— Это то, что есть. Лиам был чертовски хорош во всем. Получал хорошие оценки, был любимчиком учителей, вызывался добровольцем. Он был хорошим парнем.

— Это не значит, что ты нет.

Купер улыбается, но не верит мне.

— Лиам хотел спасти всех. Помнишь, как он хотел забрать домой всех бездомных животных?

Я улыбаюсь этому, потому что так и было.

— Да, хотя ваша аренда этого не позволяла.

— Да. Мы бы никогда не получили депозит обратно.

Лиам недавно приютил двух собак, которые останутся с его родителями до окончания каникул. Они были так привязаны к нему.

Мой желудок сжимается, думая о еще двух душах, которые будут раздавлены, когда поймут, что Лиам не вернется.

— Вероятно, нет.

— Он просто хотел сделать мир лучше. Я имею в виду, что у него были награды за помощь обществу. Естественно, мой отец хотел, чтобы я был похож на него.

Я встаю, подхожу к нему и кладу руку на его твердую грудь.

— Ты тоже хороший, Купер. У каждого есть свои недостатки.

— Я не такой, как он. Мой отец почти ненавидит меня.

И я ненавижу это. Хотя все понимаю. Я всегда разочаровывала своих родителей. Никогда не была достаточно хороша. Может быть, именно поэтому я чувствую родство с Купером.

— Ария тоже была хорошей. — Я опускаю голову, думая о своей сестре и о том, что она тоже любила быть волонтером, а также нянчиться с детьми по выходным. И всегда участвовала в сборе средств. — Это делает меня плохой, Куп?

Я поднимаю взгляд и вижу, что его глаза потемнели от вожделения, потому что мы извращенцы.

— Ты определенно плохая, когда тебе это нужно.

Я улыбаюсь и притягиваю его к себе в поцелуй, готовая снова потеряться в нем.

Может мы и плохие, но чертовски хороши в этом.

Глава двадцать вторая

КУПЕР

Я больше не знаю, что происходит. И не могу держать свои чувства в узде с Эверли. Ее голова покоится на моей обнаженной груди, а ее рука скользит по едва заметным волосам на груди между моими грудными мышцами.

На мне сейчас нет ни перевязи, ни какой-либо одежды. И на ней тоже. Мы в блаженстве после оргазма, лежим при свечах и свете камина в полной тишине. И все чувствуется хорошо.

Лучше, чем хорошо.

Лучше, чем я когда-либо чувствовал себя за всю свою жизнь.

В то время как мой лучший друг мертв. Как и ее младшая сестра.

— Прости меня, Куп. — Я смотрю на нее сверху вниз, но ее глаза не встречаются с моими.

— За что?

Эверли пожимает плечами.

— За все. Я была так жестока с тобой.

Я хмыкаю, жалея, что не могу лучше контролировать другую руку, чтобы заставить ее посмотреть на меня.

— Эв, посмотри на меня. — Она этого не делает. Просто проводит пальцем по моему соску. — Эв, — умоляю я.

Девушка поднимает голову, чтобы посмотреть на меня. От этих сверкающих штормов, смотрящих прямо на меня, у меня почти перехватывает дыхание.

— Ты не была груба со мной.

— Чушь собачья. — Она качает головой и вытирает слезу, которая скатывается по ее щеке. — Я вела себя ужасно с тобой. Всегда грубила, отпускала ехидные замечания. Называла тебя шлюхой.

Это действительно задевает.

— У нас была своя маленькая фишка. — Теперь, когда она смотрит на меня, я тянусь к ее подбородку и крепко сжимаю его, но не настолько, чтобы причинить ей боль. — Мне нравилось.

— Ты мне нравился. — Ее голос хриплый, и я знаю, как ей трудно это признать. — Я знала, что это неправильно. У меня был Лиам, и я была счастлива, но...

— Я знаю, — обрываю ее, не желая больше говорить об этом.

— Я была чертовски зла и растерянна. Из-за этого вела себя с тобой как последняя стерва. Когда ты приходил домой после ночного загула, воняя сексом, это выводило меня из себя.

— Это случалось не так часто.

Эверли наклоняет голову набок и закатывает свои красивые глаза. Я улыбаюсь, скользя рукой вниз по ее шее, а затем к спине по гладкой коже.

— Да, но этого было достаточно.

— Это было до того, как у меня появились отношения. Я был одинок... — Я сглатываю комок, который образовался у меня в горле, но держу глаза открытыми и пристально смотрю на нее. — И наблюдать за тобой и за ним было пыткой. Чистая пытка, Эв.

Ее глаза на мгновение закрываются, она медленно кивает головой, а затем снова открывает их.

— Это было так неправильно. Я должна была сказать тебе тогда.

— Нет. — Ее глаза расширяются. — Я имею в виду... Я тоже знал, что тебя влечет ко мне. Но что бы мы сделали? Правда?

Эв медленно качает головой из стороны в сторону.

— Не знаю.

— Ты не собиралась бросать его. И даже если бы ты... Эв, это убило бы его. Так что при любом раскладе, мы не смогли бы быть вместе.

— Я знаю. — Она вытирает очередную слезу, ее грудь прижимается к моей. — Мы, как пара, все равно бы не сработали. Это был бы просто секс. Я знаю, что ты прав. — Это не то,

что я сказал, но знаю, что она считает, что между нами только физическое влечение. — Но я так ревновала, что не могла этого выносить. Поэтому была стервой. Так что просто позволь мне извиниться.

— Нет. — Ее рот приоткрывается, и знаю, что она начинает злиться, но я просто наклоняюсь вперед, целую ее в губы и улыбаюсь. — Мне это нравилось. Мне все еще это нравится. Ты бросаешь мне вызов. Во всех отношениях. Заставляешь меня хотеть стать лучше, и я бы ничего не изменил в том, как мы взаимодействуем.

— Тебе нравится, что я веду себя с тобой как стерва? — Ее правая бровь приподнимается, когда я откидываюсь назад, кладя голову на диван.

— Ага. Мне нравится этот вызов. Клянусь, ты причина, по которой у меня средний балл четыре.

— У тебя средний четыре?

Я смеюсь.

— И это все, что ты слышала из всего, что я сказал?

Эверли тоже смеется и целует меня в грудь, потом еще раз.

— Прости. Я просто не знала этого.

— Да, я получил пятерку за тест в одну из первых недель, когда ты с ним начала встречаться. Я похвастался, а ты назвала это случайностью.

Она съеживается.

— Господи. Мне очень жаль.

— Не стоит. После этого я поставил перед собой цель всегда получать пятерку, чтобы доказать, что ты ошибаешься.

Она качает головой, но улыбается.

— Мы полностью облажались. Ты ведь это знаешь, верно?

Я пожимаю плечами.

— Может быть.

Сейчас она выглядит опечаленной, глядя на огонь, пылающий в другом конце комнаты от нас.

— Завтра Рождество.

Я глажу ее по спине.

— Извини, что у меня нет подарка.

— То же самое. — Она целует меня в шею, поднимаясь немного выше. — Уверена, что мы сможем что-нибудь придумать.

— Конечно, сможем. — Я тоже смотрю на огонь, наблюдая за мерцанием пламени и позволяя себе задуматься о том, что бы мы делали, если бы не попали в аварию. Думая о наших друзьях в кампусе. наших семьях.

И о том, что я лежу здесь с девушкой своей мечты. Мы совершенно одни в глуши. Где реальность не может нас затронуть.

Даже страшно, как мало я сейчас скучаю по вещам за пределами этого дома.

Глава двадцать третья

ЭВЕРЛИ

Откусываю кусок вяленой говядины и смотрю в окно, радуясь, что это Рождество не стало белоснежным. Снега не было уже несколько дней, и, к счастью, сегодня он тоже не выпал. Я помню, как мечтала о снеге каждое Рождество, но сегодня это не так.

— Рождественская трапеза, а? — Куп улыбается, сидя рядом со мной и отпивая из своей почти пустой бутылки виски.

— Это не так уж плохо. — Я смотрю на банку с солеными огурцами и вяленой говядиной между нами. Купер не ест соленые огурцы, но, похоже, ему нравится вяленое мясо.

— Да. На самом деле неплохо.

— Не слишком ли поздно для ванны? — спрашиваю я, отправляя в рот еще один маринованный огурец.

Купер наблюдает за моими губами, пока я жую, и должна признать, что это заставляет меня жаждать его. Кажется, я никак не могу насытиться им.

Стараюсь не заикливаться на том, как это неправильно. И после двух недель, проведенных наедине с ним, мне больше необязательно, чтобы это причиняло боль. Кажется, я оцепенела от чувства вины.

— Нет, мы можем это сделать.

Я улыбаюсь, и мы выливаем ведра холодной воды, которые уже наполнили, в ванну. Затем поспешно надеваем все наше снаряжение для холодной погоды и выходим на улицу к колодцу, наполняем ведра и ставим следующие два на огонь, чтобы согреть.

Он обнимает меня одной рукой за талию, притягивая ближе к себе, именно там, где я хочу быть. На нем нет пальто, потому что Купер ненавидит надевать его поверх повязки, но на нем шапочка, которую я стягиваю и отбрасываю, любясь тем, как взъерошены его волосы.

Куп прижимается своими губами к моим, и я целую его в ответ без колебаний или чувства вины. Я люблю его губы и его рот. Мне нравится, как его язык играет с моим. Нравится сосать его язык и заставлять парня стонать.

Он расстегивает молнию на моем пальто и сбрасывает его с плеч, позволяя ему упасть на пол, пока мы целуемся. Огонь пылает за нашими спинами. Я потерялась в этом моменте.

Помогаю ему снять перевязь. Купер достаточно умен, чтобы держать руку согнутой, пока я расстегиваю его рубашку, помогая и в этом тоже. Руками скольжу по его упругой груди и по каждой линии крепких мышц, которые он сохранил, несмотря на отсутствие нормальной пищи и травму.

Мне нравятся его татуировки, с которыми я очень хорошо познакомилась за последние две недели. Провожу пальцем по надписи «Не навреди» на его боку. Он определенно помешан на врачебных штучках.

Я улыбаюсь, глядя парню в глаза.

— Доктор Кингстон.

— Еще нет.

Опускаюсь на колени, когда Купер криво усмехается мне сверху вниз.

— Недолго осталось.

— Если мы выберемся отсюда.

Я расстегиваю его джинсы, хмыкая.

— Сейчас не об этом, доктор.

— О. У тебя фетиш насчет докторов, да? — Точно нет. Я всегда ненавидела их, но не говорю ему об этом.

— Прямо сейчас... я очень увлечена одним. — Он приподнимает бровь, и я фыркаю: — Доктор.

Купер одобрительно кивает, и я расстегиваю молнию на его джинсах и стягиваю их, но оставляю боксеры. Он выходит из штанов, и я восхищаюсь палаткой в его трусах. Он уже твердый для меня. Кажется, мы не можем насытиться друг другом.

Я целую его член сквозь материал, и парень хрюкает, двигая бедра вперед в поисках облегчения.

— Черт возьми, Эв.

Стягиваю с него трусы, освобождая твердый и гордо торчащий член. Сжимаю его в руке, закрываю глаза и запоминаю каждый твердый дюйм, пока глажу его.

— Вода готова, — говорит он, задыхаясь. Я открываю глаза, смотрю на его красивый член, прежде чем обвожу языком его кончик. — Хочешь, чтобы я остановилась?

— Нет, — мгновенно отвечает он, и я улыбаюсь, открывая рот и принимая его длину внутрь. Куп скользит пальцами по моим волосам, и я сосу, намеренно сводя его с ума.

Мне нравится видеть, как Купер кончает.

— Боже, Эв, твой рот. Так приятно. — Я улыбаюсь вокруг его огромного члена, а затем выпускаю его изо рта, издавая стон. Зрачки парня потемнели, и, когда встаю, он смотрит на меня. — Я сказал, что не хочу, чтобы ты останавливалась.

— О, да? — Я притворяюсь застенчивой, и он качает головой в ответ на мою выходку. Куп знает, что доберется до конца. Мы определенно собираемся трахнуться. Это то, что мы делаем сейчас постоянно.

Мы наполняем ванну, и я беру с собой в комнату одну из ламп. Потом раздеваюсь, и мы оба забираемся внутрь. Беру мочалку и промокаю ее, поливая гелем для душа, а затем провожу ей по плечам парня. Его член все еще тверд, и я не собираюсь его игнорировать. Провожу мочалкой по его грудным мышцам и вниз по рельефному животу, улыбаясь, когда дохожу до его члена.

Купер стонет.

— Ты же знаешь, я был близок.

Я сажусь на колени между его раздвинутыми ногами и наклоняюсь к нему, мой рот у его уха.

— Как бы сильно я ни любила твой член во рту, мне очень, очень нравится, когда он у меня между ног.

Купер целует меня, жестко и наказывающе, именно так, как мне нравится. Так, как ему самому нравится. Убираю мочалку с его паха и провожу ею по животу, а затем по груди. Мои соски твердые и чувствительные, мое собственное тело жаждет облегчения.

— Мне это тоже очень, очень нравится. — Он забирает у меня мочалку и проводит ею по моей груди, дразня мои чувствительные соски, в то время как я мучаю нас обоих, потирая свою киску о его член, но не позволяя ему войти в меня. — Я хочу быть внутри тебя, Эв.

Я кусаю его за мочку уха.

— Я тоже этого хочу. — Купер толкает бедра вперед, но я все еще не даю ему доступа. — Но не сейчас.

Его лоб прижимается к моему.

— Ты меня убиваешь.

— Нет. Просто оттягиваю удовольствие.

Куп опускает голову к моей груди, втягивая сосок в рот и сильно посасывая, прежде чем прикусить его зубами, что заставляет меня стонать и тереться об него.

— О, боже.

— Зачем откладывать?

— Почему нет? — выдыхаю я. Его член касается моего клитора с каждым движением моих бедер, и я чувствую приближение оргазма.

— Потому что я хочу кончить, и ты тоже отчаянно этого хочешь. — Он сжимает пальцами один сосок и сосет другой, сводя меня с ума, но я отстраняюсь от его члена, когда удовольствие нарастает, отказывая себе и ему.

— Еще нет.

— Ты чертовски упряма.

— Ты сказал, что тебе нравится вызов, — усмехаюсь я и забираю мочалку обратно, мою свое тело и перемещаюсь на другую сторону ванны, хватаю бритву и быстро бреюсь, пока он смотрит.

— Никогда не думал, что бритье может быть таким сексуальным.

Я ухмыляюсь, когда брею правую ногу, упираясь ступней в край ванны и устраивая ему отличное шоу. Мы перестали скромничать.

— Ты просто очень возбужден.

— Да, — соглашается он, его взгляд сосредоточен между моих ног, когда я провожу бритвой по своей киске, тщательно бреясь. — Черт, Эв, ты закончила?

В его голосе слышится отчаяние. Не буду лгать, мне нравится контроль. Нравится, что он отчаянно нуждается во мне.

Киваю и кладу бритву, вставая, но Купер хватается меня за бедра, прежде чем я успеваю вылезти из ванны, притягивая меня ближе к себе.

— Ты чертовски красивая.

Я стону, когда его язык медленно скользит от моего клитора по всей влажности моей киски, пропитанной желанием к нему. Раздвигаю ноги, предоставляя ему лучший доступ, хотя почти уверена, что он не позволит мне кончить.

Парень будет дразнить меня так же, как я только что дразнила его. Дрожь пробегает по моему телу от предвкушения этого.

Руками сжимаю его плечо, когда он возвращается к моему клитору, водит по нему языком и наказывает меня, приближая меня к краю, прежде чем отстраниться, а затем покусывает мое бедро, заставляя меня хныкать.

— Куп.

— Хочешь кончить?

Киваю, зная, что он мне не позволит. Я чувствую, как два пальца легко скользят в мою киску, когда он снова находит мой клитор, дразня меня. Извиваюсь всем телом и крепко сжимаю его плечо, впиваясь ногтями в его кожу.

— Пожалуйста.

Клянусь, я чувствую, как он улыбается мне, но парень убирает пальцы, и я стону.

— Еще нет. — Его язык погружается в меня, и Куп пальцами, скользкими от моего возбуждения, двигается ниже, к другой моей дырочке, делая ее влажной. — Тебя когда-нибудь здесь трогали?

Я нервно качаю головой.

— Нет.

Купер одобрительно стонет, скользя языком по моему клитору. Потом просовывает два пальца в мою киску, а затем одним пальцем проникает в мою задницу. Не больно, но немного неудобно, когда он растягивает меня. Я чувствую наполненность и возбуждение, все мое тело напряжено, жаждет разрядки. И почти обезумела от этих ощущений. Его язык так хорошо работает над моим клитором, что я едва замечаю, как он проникает внутрь, туда, где никто никогда не был.

— Куп.

Он останавливается.

— Слишком много?

Я не хочу, чтобы он останавливался, и качаю головой.

— Хочу кончить.

Он возвращает рот к моему клитору, его пальцы заполняют меня повсюду. Пальцы внутри моей киски касаются точки G, и я впадаю в экстаз, все мое тело вибрирует. Слова, слетающие с моих губ, бессмысленны, когда я впиваюсь в кожу его плеча и кончаю сильнее, чем когда-либо прежде.

Купер ласкает мой клитор и не прекращает двигать пальцами, пока я не обретаю достаточный контроль, чтобы оттолкнуть его и умолять остановиться, ощущение почти невыносимое.

Он улыбается своей дерзкой, уверенной улыбкой, когда встает и берет меня за руку, выводит из ванной и ведет обратно на диван, мы оба мокрые и голые. Когда добираемся до дивана, Купер садится, и я забираюсь к нему на колени.

Я знаю, что ему, вероятно, нравится больше контроля в спальне, но его рука немного ограничивает его движения, и мне просто хочется, чтобы он был внутри меня, пока мое тело все еще гудит от удовольствия.

Переведено для группы: <https://vk.com/bookhours>

Опускаюсь к нему на колени, впуская его в свое тело, и целую в губы, когда он свободной рукой обхватывает мою задницу и помогает мне оседлать его.

Прямо сейчас я ни о чем другом не думаю. Просто целую его и теряюсь в нашем хаотичном ритме.

Здесь только я и Куп.

Глава двадцать четвертая

КУПЕР

Эверли скачет на моем члене, и я сжимаю ее задницу своей здоровой рукой, чертовски желая, чтобы другая рука быстрее исцелилась.

Эта женщина сводит меня с ума, и я уже близок к тому, чтобы кончить благодаря часу прелюдии.

Эверли встречается своими губами с моими, когда ее киска сжимается вокруг меня, сигнализируя, что девушка близка к тому, чтобы кончить снова. Прижимаюсь своим ртом к ее и наслаждаюсь ее стоном, который проглатываю вместе с поцелуем. Моя грудь болит от чувства вины, но не так, как обычно.

Нет, прямо сейчас мой разум заиклен на том факте, что я знаю кое-что, чего она не знает о Лиаме. Знаю, что он изменял ей, и не сказал ей об этом. У меня в голове все перемешалось, и не понимаю, кому, черт возьми, я должен быть предан.

Мой лучший друг мертв, но означает ли это, что я больше не испытываю к нему никакой преданности?

Эверли идеальна и в настоящее время скачет на моем члене, но разве она не ненавидела меня всего несколько недель назад? Или, по крайней мере, так казалось?

Линии размыты, и все так хреново. Но я чувствую, что предаю ее каждую секунду, когда не говорю правду о Лиаме.

— Эй. — Она останавливается и отстраняется, ее красивые глаза встречаются с моими. — О чем задумался?

Я смотрю на нее, на ее пухлые губы, припухшие от нашего поцелуя, и эти пылающие огнем глаза, полные беспокойства. Потом поднимаю руку, чтобы откинуть ее волосы в сторону.

— Ни о чем.

Она изучает меня.

— Уверен? Мне показалось, что ты был где-то в другом месте, а я действительно чертовски близко к великолепному оргазму.

Теперь Эв улыбается и прикусывает свою пухлую губу.

— Я здесь. — Приближаю ее лицо ближе и неистово целую. Когда ее губы начинают двигаться вместе с моими, и она сосет мой язык, а затем и мою нижнюю губу, я знаю, что должен сказать ей правду.

Честно говоря, я в долгу перед ней.

Мы снова начинаем наши движения, ее киска втягивает мой член, когда я вонзаюсь в нее, стремясь к освобождению, в то время как мы атакуем рты друг друга. Вскоре ее голова падает вперед. Эверли прижимается лбом к моему, ногтями впиваясь в плоть моих плеч, и она падает с края, увлекая меня за собой.

Я кончаю в нее, и когда она приходит в себя от оргазма, то улыбается и прижимается своими губами к моим.

— Отличный рождественский подарок.

Я улыбаюсь, но мои мысли все еще мечутся, застряв в прошлом. На том, что сказал мне Лиам. На том, что он ей изменил. Эверли слезает с моих колен, хватая одну из моих футболок, которые любит надевать в постель, и несет лампу в ванную, вероятно, чтобы помыться. Я подтягиваю трусы, но остаюсь без штанов.

Эв возвращается, одетая в мою футболку, и мы ложимся на диван. Она прижимается ко мне, пока мы смотрим на огонь.

— Лиам был твоим первым?

Она поднимает на меня взгляд, выглядя слегка испуганной. Почему, я не уверен. На самом деле мы не сдерживаемся с нашими вопросами. Просто говорим то, что думаем большую часть времени.

— Эм... — Она склоняет голову набок, все еще глядя на меня так, словно я сошел с ума, спротив об этом. — Нет. У меня был парень в старшей школе. Он был моим первым.

Я киваю, отчасти благодарный этому факту, потому что, если бы Лиам был ее первой любовью, думаю, что от информации, которой я располагаю, было бы только хуже. Провожу рукой по ее шелковистым черным волосам.

— Что с ним случилось?

Эверли поворачивается в моих объятиях, чтобы посмотреть на меня.

— Почему ты спрашиваешь?

Я пожимаю плечами, пытаюсь казаться беспечным, но знаю, что она видит меня насквозь.

— Скука.

Она смеется над этим и ложится на спину.

— Ну, спасибо. Разве мы не можем просто наслаждаться эйфорией после секса?

— Мне просто любопытно.

Эверли тихо вздыхает, но в ее голосе нет особой грусти.

— Он был на год старше меня. Мы начали встречаться в его выпускном классе, и он был великолепен. Но потом он поступил в колледж, а я все еще училась в средней школе. — Я напрягаюсь, потому что у меня такое чувство, что я знаю, к чему это приведет. — Мы думали, что сможем заставить отношения работать на расстоянии, но, конечно, не смогли. Он изменил мне на какой-то вечеринке во время своего первого семестра.

Вот черт.

— Придурок.

Она снова смеется и поворачивается, ее руки лежат на моей груди, когда она смотрит на меня.

— Мы были молоды. Было глупо думать, что мы сможем преодолеть это искушение.

Сглатываю, желчь подступает к горлу, потому что, если расскажу ей о Лиаме... Я знаю, что она не справится с этим так же хорошо, как с изменой какого-то придурка в старшей школе. Если Эверли списала его измену на искушение, когда ее не было рядом, как можно объяснить измену Лиамы?

У него было все. Он мог заполучить ее в свою постель в любое время, когда хотел. Она была внимательной и хорошей девушкой.

Я бессознательно сжимаю ладонь в кулак, думая об этом.

«Как, черт возьми, он мог так поступить с ней?»

— Ты злилась?

Могу сказать, что она обдумывает это по выражению ее лица, но затем медленно качает головой.

— Не совсем. Я имею в виду... Сначала конечно разозлилась, но была рада, что он рассказал мне об этом на следующий день вместо того, чтобы просто постоянно обманывать. — Черт возьми. — Но моя мама была очень, очень зла.

— Думаю, что любая мама бы разозлилась.

Она снова качает головой, на ее хорошеньком личике появляется мрачное выражение.

— Нет. Она злилась на меня.

— Какого хрена?

— Видишь ли, его родители и мои родители были лучшими друзьями. Все четверо хирурги. Они надеялись, что мы поженимся и произведем на свет какого-нибудь суперхирурга.

— Это ужасно.

Она не спорит.

— Так и есть. Но они смотрели на это иначе. Когда я сказала маме, что мы расстались из-за его измены, она была в ярости. Сказала мне, что это ничего не значит. Что мужчины ничего не могут с этим поделать.

Я прижимаю ее ближе к себе, мой желудок скручивает.

— Это полная чушь собачья.

Она кивает, обводя пальцем одну из моих татуировок.

— Согласна. Но у моего отца было так много романов за эти годы, что, вероятно, это то, во что она верит. И мама сама далеко не невинна.

— Вау.

Она улыбается, и ее лицо словно светится от оргазма и света камина в комнате.

— Да. В нашей семье все испорчено, но я не буду такой. Думаю, что муж в первую очередь должен быть другом. Это должно быть партнерство с полной честностью.

И снова мое нутро сжимается от ее слов, и меня тошнит от чувства вины.

— Вы с Лиамом... Вы, ребята, собирались пожениться, как думаешь?

Она выглядит задумчивой, ее кончики пальцев скользят по легкой дорожке волос ниже моего пупка.

— Не знаю. Мы на самом деле не говорили об этом.

— Вы встречались три года.

— Да, но когда мы говорили о будущем, в основном речь шла только о его карьере. Лиам мечтал стать врачом.

Я знал, что он сосредоточен на своей карьере, но думал, что он также сосредоточен и на Эверли. Сейчас все кажется искаженным. Я не знаю, чему верить.

— А о чем мечтаешь ты?

Эверли встречается с мной взглядом, ладонью поглаживая мой пресс, а затем улыбается, качая головой.

— Не скажу.

— Почему?

— Ты будешь смеяться.

Теперь она меня заинтриговала.

— Скажи мне.

Я вижу по ее лицу, что ей этого хочется. Эверли нервно покусывает нижнюю губу, а затем заправляет волосы за ухо.

— Когда я росла, если мне хотелось увидеть своих родителей, мне реально приходилось идти в больницу, чтобы сделать это. Все мои братья и сестры навещали их и однажды решили, что тоже хотят быть врачами или хирургами, но не я. Это было последнее, чего я хотела.

Это объясняет, почему она не на медицинском.

— Но я действительно была там добровольцем. — Она застенчиво отводит взгляд. — Это звучит так глупо.

— Совсем не глупо. Просто скажи мне. — Мне хочется знать о ней все.

— Ну, я приносила небольшие презенты из магазина подарков пациентам. И мне нравилось видеть, как их лица загораются, когда я приносила букет цветов. — Я вопросительно приподнимаю бровь, не зная, к чему та клонит, но отчаянно желая, чтобы она продолжала. — Просто... Несмотря на то, что все было мрачно, у них как будто щелкал внутренний выключатель, когда они видели цветы. Это давало им надежду. И они знали, что кто-то заботится о них.

Эверли отводит взгляд, и я знаю, что она смущена.

— Посмотри на меня.

Эв делает это, и я слежу за ее нежным горлом, когда она сглатывает, а затем прочищает горло.

— Я хочу нести такую радость. Хочу освещать мир, который... — Ее глаза закатываются. — Я знаю, что это не похоже на меня.

— Ты приносишь мне радость. — Я улыбаюсь, пытаюсь превратить это в шутку, но на самом деле это не так. Она всегда заставляла меня улыбаться, даже когда ненавидела меня.

— Я хочу быть флористом. Чтобы у меня был свой собственный магазин. — Она поднимает один палец, чтобы указать им на меня. — Ничего не говори.

Я смеюсь, хотя ее локоть теперь упирается мне в живот.

— Я думаю, что это потрясающе. Почему бы и нет?

— Мои родители убили бы меня. Они уже закатили истерику, когда я решила изучать бизнес.

— Это пригодится, когда у тебя будет свой собственный магазин.

Эверли качает головой, а затем кладет щеку мне на грудь.

— Они этого не допустят.

— К черту их, ты взрослая.

— Я буду нищей взрослой без их денег.

— Я профинансирую. Врачи — богатые ублюдки.

Девушка хихикает, и мне нравится этот звук. Интересно, слышит ли она, как быстро от ее смеха бьется мое сердце.

— Да, но не сразу. Тебе еще сколько учиться... пять лет?

Я улыбаюсь.

— Мой отец уже богатый ублюдок. Я уговорю его на это.

Чувствую, как она улыбается рядом с моей обнаженной кожей.

— Это просто глупая идея. Я больше никому о ней не рассказывала.

— Даже Лиаму?

— Даже ему. Он не понимал всего этого бизнеса и ни за что не понял бы моей идеи с цветами.

Я стараюсь не радоваться тому факту, что знаю о ней то, чего не знал он. Это делает меня мудаком, но все равно улыбаюсь.

— У моей мамы была пекарня.

Она смотрит на меня с удивлением.

— Серьезно?

Я киваю головой, выдавая ей информацию, которую больше никто не знает.

— Да. Так познакомились мои родители. У нее была маленькая пекарня недалеко от шоссе. Однажды утром отец отправился туда позавтракать и разозлился, потому что его кофе остыл. Он потребовал поговорить с владельцем. Моя мама была владелицей и единственным работником. — Я думаю о своем отце, который напился до чертиков в годовщину ее смерти и рассказал мне эту историю. — Он был безжалостным, беспощадным финансистом в костюме, а она была крошечной женщиной в сарафане, совершенно не боявшейся его.

Эверли улыбается и проводит пальцами по моей щеке.

— Звучит как эпическая история любви.

Я фыркаю, не в силах думать о том, что мой отец любит кого-то, кроме себя.

— Он пригласил ее на свидание. Она отказалась, но налила ему кофе. — Я улыбаюсь на это. — Отец сказал, что не мог выбросить ее из головы. Он не привык к отказам. Итак, он возвращался каждый день в течение трех месяцев, пока мама, наконец, не смягчилась.

— Похоже, он любил ее.

— Может быть.

— Куп...

Я пытаюсь проглотить боль, превращающуюся в комок в горле.

— Я не могу представить, чтобы он был влюблен. Мама умерла от сердечного приступа. Вовремя не был поставлен диагноз. Никто не знал, что она больна, пока не стало слишком поздно.

Ее взгляд скользит по моей татуировке с изображением человеческого сердца, и ее пальцы скользят по ней.

— Мне очень жаль.

— Я был молод. Действительно молод.

— Что случилось с ее пекарней?

Я отвожу взгляд от нее и смотрю на огонь, все эти чертовы воспоминания переполняют меня.

— Отец продал ее. Он продал все — пекарню, а потом, когда умерли мои бабушка и дедушка, продал и их землю тоже. Как будто не хотел вспоминать ни об одном из них.

— Куп... — Эверли двигает рукой к моему лицу, возвращая мой взгляд к ней. — Иногда воспоминания слишком болезненны.

— Я предпочитаю думать, что он эгоистичный ублюдок. Мне нужна была земля моих дедушки и бабушки. Мне нужна была мамина пекарня. Она могла бы продолжать работать.

— Может быть, это было слишком.

Я мягко прижимаюсь своими губами к ее и сильнее притягиваю Эв к себе, злясь на своего отца, а также на свою мать за то, что она умерла. На Лиаму за то, что он лгал и изменил единственной девушке, ради которой я бы убил. И на себя за то, что не сказал ей правды.

— Мы все делаем то, что должны, чтобы пережить боль утраты. У тебя было так много потерь.

Я нежно целую ее.

— Как и у тебя. — Я отодвигаюсь достаточно, чтобы заглянуть ей в глаза. — Делать жизнь других людей ярче очень благородное занятие. Тебе следует открыть свой собственный цветочный магазин.

Я знаю, Эверли думает, что она темная, а Ария была светлой, но, на мой взгляд, ее образ лучше, чем всегда быть яркой и блестящей. Эв не чувствует этого внутри, но все же хочет быть такой. Хочет, чтобы другие были счастливы, даже когда сама этого не чувствует.

Эверли открывает рот, чтобы что-то сказать, но, должно быть, передумывает, когда кладет руку на мое колотящееся сердце.

— Твоя цель — лечить сердца людей, чтобы какому-нибудь другому маленькому мальчику не пришлось страдать от потери матери — это тоже прекрасно. Ты не он.

Это все слишком, и вместо того, чтобы продолжать говорить, я снова целую ее.

И она охотно отдается мне, забирая мою боль.

Потому что это то, что делает Эверли. Она унимает боль.

Глава двадцать пятая

ЭВЕРЛИ

— Опять идет снег. — Смотрю на Купера после того, как выглянула в окно и увидела, что снегопад обрушился с удвоенной силой. Я так чертовски устала от снега.

Куп едва отрывает взгляд от журнала, который мы нашли на прошлой неделе. Он лежал на полу в одном из шкафов. Это какой-то кулинарный журнал, который мы оба уже выучили наизусть от корки до корки. Парень был странным с самого Рождества, прошедшего несколько дней назад.

Может быть, мы слишком много раскрыли друг другу.

Не знаю из-за чего, но он определенно был не в себе. Я подхожу к нему и на ходу снимаю рубашку.

— Куп...

Он поднимает глаза, его взгляд прикован к моему кружевному лифчику.

— Что?

Я расстегиваю лифчик и позволяю ему упасть на пол, прежде чем сесть ему на колени.

— Если мне придется раздеться, чтобы ты обратил на меня внимание, думаю, я могу это делать.

Он бросает журнал рядом с собой, и я тянусь, чтобы поцеловать его в шею, все еще не в силах насытиться им.

— Эв...

Его голос звучит сдавленно, как будто ему трудно произнести мое имя. От этого по мне пробегает леденящий страх. Я перестаю целовать его в шею и смотрю ему в глаза.

— Что не так?

— Мне нужно тебе кое-что рассказать.

Меня переполняет страх. Я понятия не имею, что у него на уме, но один взгляд в его глаза говорит мне, что это что-то нехорошее.

— Что не так?

Я наблюдаю, как его кадык подскакивает к горлу, когда он отводит взгляд. Солнце начинает садиться, но света с улицы и от огня в камине достаточно, чтобы в комнате оставалось светло, поэтому я ясно вижу его. И Купер выглядит обеспокоенным.

— Ты меня пугаешь. Что случилось?

Он тянет руку вверх, нежно поглаживая мою щеку.

— Ты возненавидишь меня.

Что, черт возьми, здесь происходит?

— Что случилось? Ты съел последнюю упаковку вяленой говядины?

Купер не улыбается. На его лице остается грустное, нервное выражение, которое пугает меня.

— Это насчет Лиама.

Я замираю и пристально смотрю на него.

— Что насчет него?

Парень опускает взгляд на мою обнаженную грудь, а затем возвращает к моему лицу.

— Может быть, тебе стоит одеться.

— Просто скажи мне.

Лиам мертв. Уже почти месяц. Я не понимаю, что происходит, но мой разум лихорадочно работает.

— Оденься, Эв.

Слезаю с его колен и хватаю свою рубашку, натягиваю ее поверх голого тела.

— Что? Что насчет Лиама?

Я стою, но он остается сидеть, выглядя таким встревоженным и разбитым, что почти не похож на себя, когда смотрит на меня полными раскаяния глазами.

— Он мне кое-что рассказал.

— Что? — Я сажусь рядом с ним. — Когда?

- Перед тем, как мы уехали.
- Что рассказал?
- Что, черт возьми, происходит?
- Он, э-эм... — Купер замолкает, и мое сердце бешено колотится вместе с моим разумом.
- Эв...
- Что, Купер?
- Парень снова сглатывает, а затем делает глубокий вдох.
- Он изменил тебе.
- Я стою, как громом пораженная, чувствуя слабость в ногах. Но мне удается удержаться, когда смотрю на Купа, изучая его лицо. Ищу в нем признаки того, что тот пошутил, но ничего не нахожу.
- О чем ты говоришь? Нет, он этого не делал.
- Сделал. — Купер встает, но между нами остается пара футов. — Мне жаль, что я ничего не сказал раньше. Просто... — Он проводит рукой по волосам, крепко сжимая. — Я не... — Он не находит слов, и мое тело немеет, пока я вспоминаю тот последний месяц с Лиамом.
- Нет. Он ни за что не поступил бы так со мной.
- Я тоже так думал. И был удивлен, когда он сказал мне, Эв. Но он сказал, что облажался.
- Нет. — Я обхватываю себя руками за талию, сжимая ноющий живот. — Он бы так со мной не поступил.
- Лиам был идеальным парнем. Любящим и добрым. Чувствительным. Когда я болела, он приносил мне суп. Когда ругалась с мамой, гладил меня по спине, обнимал и успокаивал. Он был нежным любовником, что, возможно, не особо мне нравилось, но когда тот целовал меня, я чувствовала себя любимой. Лиам бы так со мной не поступил.
- Эв... — Купер делает шаг ко мне, но я отступаю, опуская руки по бокам.
- Нет. Какого черта ты лжешь? Что происходит? Тебе что, так чертовски скучно? Устал от секса и решил так его оживить?
- Нет. — Он выглядит расстроенным. — Конечно, нет.
- Тогда почему сейчас? Зачем говорить мне об этом сейчас? Прошло больше трех недель. Почему? — Мой голос хриплый, и я на грани слез, но мне все равно. Я поднимаю голову и смотрю ему в глаза.
- Потому что я больше не могу. Не могу, черт возьми, лгать тебе, или хранить это в секрете, или что там еще, блядь. Я не могу. — Его голос напряжен от эмоций. Мои колени дрожат подо мной, как будто больше не могут удержать меня.
- Качаю головой, я почти на грани срыва. Уверена, что выгляжу сумасшедшей.
- Он бы не стал мне изменять. Ты лжешь.
- Нет. Он сам сказал мне.
- Когда?
- Прямо перед тем, как вы с Арией пришли к нам домой, чтобы отправиться в поездку. Вот почему нам потребовалось так много времени, чтобы открыть дверь. Он как раз сказал мне.
- Я все еще качаю головой, но им и правда потребовалась целая вечность, чтобы открыть дверь. Они оба выглядели взволнованными, когда, наконец, это сделали. Лиам был бледен. Я думала, он болен.
- Нет.
- Эверли... — Он снова делает шаг ко мне, и на этот раз я не отстраняюсь.
- Что он сказал?
- Купер делает еще один глубокий вдох, и его плечи опускаются.
- Сказал, что облажался. Что изменил тебе.
- С кем?
- Я не спрашивал.
- Пристально смотрю на него, пытаюсь убить взглядом.
- Ты не спрашивал? Ты что, шутишь?
- Он подходит ближе.
- Не имело значения, кто это был.
- Куп опускает руку мне на плечо, и я отталкиваю его.

— Не прикасайся ко мне. Ты знал! Он сказал тебе перед аварией. И ты знал. — Я сжимаю зубы так сильно, что, кажется, они могут треснуть. — Ты мне не сказал.

Он отступает назад, снова хватаясь за волосы.

— Я был немного занят, пытаюсь сохранить нам жизнь, черт возьми.

— О, да пошел ты. Ты мог бы сказать мне, как только мы вошли в рутину, и ты, блядь, это знаешь, — нападаю я на него, в ярости думая обо всех тех случаях, когда тот обнимал меня. За все то время, что мы провели здесь. При всех наших разговорах, и он так и не сказал мне.

— Ты не сказал.

— Нет. Не ска... — Он убирает руку с волос. — Черт!

— Почему?

В его глазах мольба.

— Лиам был моим лучшим другом. Всю мою жизнь он был рядом со мной. Мы рассказывали друг другу все. Каждую чертову вещь. Я знал, что могу пойти к нему с чем угодно, и он знал то же самое. Неужели эта преданность должна была исчезнуть только потому, что он умер?

— Нет. Но, может быть, потому что ты трахнул меня! — Я злюсь и кричу, как он мог скрыть это от меня? — Или, может быть, потому что ты поцеловал меня!

Его лицо, боже, его лицо... Купер выглядит уничтоженным, но я не могу. Не могу поверить, что он мог скрыть это от меня. После всего, что я ему наговорила. После всего того времени, что потратила, полагаясь на него.

— Поверь мне, это убивало меня. Я не знал, где, черт возьми, моя преданность... — Он опускает глаза. — До этой ночи.

— Что же изменилось? — Сейчас я стою перед ним, требуя от него внятного ответа. — Хм?

— Я не знаю. Что-то изменилось, и я понял, что больше не могу скрывать это от тебя. Но все равно... даже сейчас... Черт, Эверли, я чувствую, что снова предаю его.

— А как насчет его предательства по отношению ко мне? — Я указываю на свою грудь, на свое разбитое сердце, поэтому к черту его преданность.

— Он был моим лучшим другом.

— Он был моим парнем. И Лиам, черт возьми, изменил мне. Это разбило бы мне сердце, а ты знал, что так будет, но не сказал мне. Ты трахал меня снова и снова, зная, что он изменил. Зная, что я этого не знаю и чувствовала себя виноватой. Как будто это я изменяла ему.

Теперь он злится.

— Значит, теперь ты не чувствуешь себя виноватой? Из-за того, что он изменщик, ты можешь трахнуть меня без чувства вины?

— Так поэтому ты мне сказал? — Я отвечаю ему тем же взглядом.

— Нет.

— Тогда почему? Какого черта ты вдруг стал мне предан? — Я сжимаю руку в кулак, желая дать ему пощечину. Желая, чтобы ему было больно, потому что мне больно. — Хм? — Мой голос громкий от ярости, и я снова кричу: — Я была твоей. Мы трахались, как кролики. Зачем все это портить, а?

— Потому что это не просто секс, Эв! — Его тело напряжено, как и мое. Мы оба тяжело дышим и злимся. — Это твои гребаные цветы.

— Что? — Теперь я смотрю на него в замешательстве.

— Твои чертовы цветы и твоя сила. Твоя стервозность. Все это.

— Ты говоришь, как психопат. В твоих словах нет никакого смысла.

Он подходит ко мне ближе и притягивает меня к себе здоровой рукой, не отпуская, но я и не пытаюсь вырваться.

— Есть. Ты просто не слушаешь меня. Это ты, Эверли. Тот факт, что ты хочешь быть флористом, а не хирургом. Тот факт, что тебе изменил твой первый парень-идиот, и ты не отступила, когда твоя мама хотела, чтобы ты простила его. Твой огонь. Твой драйв. Ты выбираешь быть собой, даже если тебя отталкивают. — Его рот отвлекает, когда я наблюдаю, как двигаются его губы, и на мгновение я слабею, слушая его. — Твои прикосновения. Они не сладкие и не нежные. Ты знаешь, чего хочешь, и идешь к этому. То, как ты трахаешься...

— Остановись. — Мне нужно, чтобы он замолчал.

— Нет. — Он обнимает меня крепче. — Ты трахаешься так, как живешь. С боем. С гневом. С неистовой решимостью. Ты жестко трахаешь меня, и позволяешь мне делать то же самое с тобой. Твои движения рассчитаны и ритмичны. Ты не хочешь, чтобы кто-нибудь знал, как сильно ты заботишься, но ты это делаешь. Ты и целуешься также.

Теперь он смотрит на мои губы.

— Не целуй меня, черт возьми.

— Когда ты целуешь, я чувствую это. Как сильно ты заботишься. — Сглатываю, наблюдая за его губами. Хотела бы я отвести взгляд, потому что так происходит только с ним. Интересно, знает ли он об этом.

— Нет.

Купер морщит лоб в замешательстве.

— Да...

— А что, если он меня чем-то заразил? — Я отталкиваю его. — Ты так отчаянно хотел заполучить меня, что рисковал подхватить какую-нибудь болезнь.

Он качает головой, снова выглядя виноватым.

— Нет. Он использовал презерватив, когда...

— Ты спросил его об этом?

Он кивает.

— Да. Я... — Он выглядит опустошенным.

— Ты не спросил его, с кем он трахался, но спросил, использовал ли он защиту?

— Я сказал ему, что тогда этого как будто никогда и не было. Если он использовал презерватив, то этого не произошло.

У меня отвисает челюсть от шока, когда я смотрю на него, снова схватившись за живот.

— Ты поощрял его не говорить мне об этом?

— Я знал, что ты положишь этому конец, если он признается.

Я бы так и сделала. Без сомнения. Как бы сильно его ни любила, я бы не смогла простить ему этого.

— Значит, ты хотел, чтобы я была с ним? — Я еще крепче обхватываю себя за талию.

Я думала, что мы были замешаны в какой-то истории безответной любви... или, по крайней мере, влечения... Но нет. Он сказал моему парню, чтобы тот не признавался в измене. Чтобы мы были вместе.

— Все не так просто.

— Все очень просто. — Я ищу его взгляд, пытаюсь найти парня из последних нескольких недель.

«Вот идиотка. Он просто хотел трахнуться. Чтобы как-то скоротать время».

Мы так и договаривались с самого начала. Почему я так удивлена?

— Ты просил его не говорить мне.

— Я не хотел, чтобы он потерял тебя. Черт, Эверли. Он был...

Я быстро перебиваю его. Не желая слышать, кем был для него Лиам. И что я была никем.

— Твоим лучшим другом. Я поняла. Я знаю.

— Нет, не знаешь. — Он прикрывает свое сердце рукой. — Я всегда наблюдал за вами двумя вместе. И знаю, что он любил тебя. Поэтому не смог бы видеть, как ему больно. Видеть, как больно тебе.

Я качаю головой из стороны в сторону, а затем останавливаюсь, глядя прямо ему в глаза.

— Ты не хотел отменять поездку.

— Что?

«Я такая чертова идиотка».

— Ты не хотел отменять поездку. Ты хотел убедиться, что тебе удастся привести Арию в хижину, чтобы, наконец, залезть к ней в штаны. — Он делает шаг ко мне, тянется за моей рукой, но я отдергиваю ее и отступаю назад. — Не надо.

— Это неправда.

— Конечно, правда. Если бы он сказал мне, что изменил, мы бы не поехали. У вас с Арией не было бы вашего маленького отпуска. — Я снова делаю шаг назад. — Ты хотел ее. А потом,

когда они умерли... Ты, блядь, солгал мне, чтобы не дать впасть в депрессию. Чтобы я не была слишком подавлена, чтобы трахаться.

— Эверли. — Его взгляд полон ужаса и затравленности, но он не спорит.

— Оставь меня в покое.

Я поворачиваюсь, хватаю лампу и выхожу из гостиной.

— Эверли.

Я слышу, как он зовет меня, но не оборачиваюсь. Не хочу иметь с ним ничего общего.

Я была душой. Полной идиоткой.

Очевидно, у меня ужасный вкус на мужчин.

Глава двадцать шестая

КУПЕР

Даю ей минутку, потому что знаю, что ей это нужно. У меня болит грудь, и я чувствую, что на самом деле могу, блядь, умереть. То, как Эверли смотрела на меня. Как будто я предал ее хуже, чем Лиам. Это может на самом деле убить меня.

Иду в спальню и нахожу ее на полу, съезжившуюся в углу с керосиновой лампой.

— Оставь меня в покое.

— Я не могу. — Вхожу в комнату и опускаюсь перед ней на колени. — Мне так чертовски жаль.

Может быть, мне не следовало ей говорить, но все, что я сказал, было правдой. Где-то на этом пути моя лояльность изменилась. И не только потому, что Лиам мертв, но и потому, что она заслуживала знать. Но черт возьми, если я не чувствую себя виноватым за то, что предал своего лучшего друга.

Потому что именно таким был Лиам. Он всегда был рядом со мной, всю мою жизнь. И теперь я раскрыл его самый большой секрет. Это делает его похожим на дерьмового парня, хотя на самом деле, вплоть до того дня, когда он изменил, Лиам был отличным парнем.

Я знаю. Потому что издали наблюдал, как он души в ней не чает. Лиам любил ее. Сможет ли Эверли поверить в это сейчас, не знаю. Она была всем для него.

И я ненавижу то, что не расспросил его подробнее о деталях. Просто не хотел этого знать. Не хотел знать больше, чем уже знал.

— Эверли, здесь слишком холодно. Пожалуйста, вернись в гостиную.

Она смотрит прямо на меня, и я вижу, как слезы текут по ее щекам, и это меня убивает.

— Я не хочу быть рядом с тобой. Ты солгал мне.

— Мне жаль.

— Нет, не жаль. Ты бы сделал это снова, верно?

Я не знаю. Честно говоря, не знаю. Я больше никогда не хочу видеть это выражение на ее лице. Взгляд, полный предательства.

— Я не знаю.

— Конечно. Я была права насчет тебя все это время. Ты эгоист. Просто плейбой, который хочет добиться своего.

Эверли злится. И имеет на это право.

— Возвращайся в гостиную.

— Нет.

— Иди, а я останусь здесь.

Она качает головой, и стоическая холодность омывает ее красивое лицо, когда она вытирает слезы.

— Я даже не настолько зла на тебя. — Она пожимает плечами. — По крайней мере, я не должна злиться. — Куда она клонит? — Я точно знала, что происходит между нами.

Теперь мы стоим всего в нескольких футах друг от друга, лампа все еще на полу между нами.

— И что же это?

— Просто трах, чтобы скоротать время.

— Не говори так.

Девушка отмахивается от меня. И я не понимаю, как эти слова не разрушают ее. Это выше моего понимания, потому что это, черт возьми, разрушает меня.

— Он был твоим другом. Но не я. Я была просто девушкой твоего друга. — Эв смеется, но это ненастоящий смех. — И старшая сестра твоей подруги.

— Это неправда.

И снова она отмахивается от меня.

— Правда. И ты должен был быть предан своему другу. Я не сержусь.

Нет, она злится.

Эверли снова смеется, но смех сопровождается всхлипом.

— Я имею в виду, только потому, что у нас был секс, я ожидала, что тебе, блядь, будет не все равно. Как по-девчачьи с моей стороны.

— Не говори так. — Ядвигаюсь к ней, касаясь пальцами ее щеки, но она отталкивает мою руку.

— Не прикасайся ко мне. Между нами, — она указывает рукой на пространство между нами, — все кончено. Нам придется придумать другие способы развлечь себя.

— Это не то, что есть.

Эверли распрямляет плечи, пристально глядя мне в глаза.

— Это именно то, что было. Два человека, напуганных и застрявших неизвестно где. Любой бы кончил тем, что трахнулся.

Я ненавижу, что она принижает все, что произошло между нами. Я рассказал ей то, чего никогда никому не рассказывал. Даже Лиаму. Она знает обо мне больше, чем кто-либо другой, но ведет себя так, словно впустила меня в себя только от скуки.

— Пожалуйста, вернись в гостиную.

— Я не хочу разговаривать.

Я киваю головой в знак согласия.

— Хорошо.

— И определенно не хочу трахаться.

С трудом сглатываю, и не потому, что собирался заняться с ней сексом, а потому, что она думает, что я на самом деле думаю об этом прямо сейчас, когда теряю ее. Теряю все, что у меня было вчера, что для меня стало целым миром.

— И не мечтал об этом.

— Хорошо.

Я хватаю лампу с пола, и мы возвращаемся на диван, где я ложусь, а Эверли ложится с другой стороны, свернувшись калачиком.

Смотрю на камин и удивляюсь, какого хрена я открыл рот. Не потому, что хочу продолжать трахать ее — я имею в виду, что хочу, но это нечто большее. Я ненавижу эту тишину.

Простит ли она меня когда-нибудь?

Глава двадцать седьмая

ЭВЕРЛИ

Чувствую себя опустошенной. Все то, во что я верила, оказалось полной ложью. Я не сплю и смотрю в потолок уже, по меньшей мере, час, а иногда смотрю на другую сторону дивана, которая сейчас пуста. Не знаю, где Купер, но у меня нет сил его искать.

Я имела в виду то, что сказала прошлой ночью. Я не должна злиться на него. Он действительно был лучшим другом Лиамы. Конечно, тот был предан ему. Но по какой-то причине то, что Купер мне не рассказал, почему-то хуже, чем то, что Лиям мне изменил.

И у меня нет сил думать об этом.

Я была так чертовски счастлива.

Теперь я — ничто.

— Эверли! — Купер с криком врывается в парадную дверь.

— Что? — Я встаю с дивана, когда он указывает за спину, не закрывая дверь.

— Грузовик.

— Что? — Я быстро подхожу к входной двери и вижу грузовик, остановившийся перед домом. — О, боже мой.

Натягиваю ботинки, а Купер выходит на улицу. Мое сердце колотится, когда я присоединяюсь к нему и вижу пару средних лет, которая вылезает из грузовика и смотрит на нас в шоке.

— Привет, — осторожно здоровается женщина.

— О, боже мой. — Я не могу поверить, что здесь кто-то есть. Быстро спускаюсь к ним по лестнице. — Это ваш дом? — спрашиваю я.

Мужчина молчит и подходит, чтобы встать рядом со своей женой в защитной позе.

— Ее отца.

Я тупо киваю головой, когда Купер становится рядом со мной.

— Приносим свои извинения за вторжение.

Мое сердце все еще неистово колотится, когда я фокусирую взгляд на женщине. Мужчина крупный и немного пугающий.

— Мы попали в аварию. Телефон не работал, и мы не знали, что делать. Случайно наткнулись на ваш дом...

— Это была ваша машина?

Мое сердце теперь застряло в горле. Они нашли машину? Значит ли это, что они нашли Лиамы и Арию? Я киваю.

— Вы нашли ее?

Женщина печально качает головой.

— Власти нашли машину несколько дней назад. Значит вы Купер и Эверли?

Я снова киваю.

— Они нашли Лиамы и Арию? — На самом деле это не вопрос. Если они знают наши имена, то должны знать, что мы двое пропали без вести.

— Да. Мне очень жаль.

Слезы наворачиваются на мои глаза, но я не даю им пролиться.

— Простите, что мы ворвались в дом вашего отца. Мы просто...

— Мы чуть не замерзли насмерть, — заканчивает Купер, и женщина смотрит на него добрыми глазами.

— Я рада, что его дом смог уберечь вас, — грустно улыбается она. — Он был бы так рад этому.

Мужчина обнимает ее за плечи и крепко прижимает к себе, глядя на нас.

— Ее отец скончался шесть месяцев назад. Мы готовили дом к продаже, когда увидели, что надвигается метель, и решили подождать, пока она не рассеется.

Я киваю головой, оглядываясь на белый снег, который наконец-то начинает таять. Снега вчера особо не прибавилось, а сегодня на самом деле солнечно, и я бы сказала, что температура выше нуля.

— Мы использовали дрова. И консервы.

Женщина улыбается в ответ на это.

— Моя мать умерла год назад. Папа был так одинок, что почти все оставшиеся дни проводил за рубкой дров и консервированием. Он был бы так счастлив, что его труды не пропали даром.

Я тоже улыбаюсь, благодарная, что женщина не собирается злиться.

— Мы можем заплатить.

Женщина отмахивается.

— Ребята, вас отвезти в город?

Мы оба быстро киваем и горячо благодарим их. Затем заходим внутрь и быстро собираем наши вещи и забрасываем их в кузов грузовика. Я оглядываюсь на обветшалый старый дом, который поддерживал нашу жизнь более трех недель.

У меня болит сердце.

Всего день назад я бы ушла с грустной улыбкой, но с хорошими воспоминаниями, несмотря на ужасные обстоятельства. Но теперь, глядя на дом, я вижу только ложь.

Мы едем в грузовике, слушая рассказы пожилой пары о доме в котором мы жили, пока не добираться до полицейского участка.

После объяснения, кто мы такие, нас везут в местную больницу, чтобы медики смогли осмотреть нас, а затем нас оставляют в комнате ждать.

С нашими родителями, по-видимому, связались, когда власти нашли машину, Лиамы и Арию, но отец Купера не ответил. Мои родители, очевидно, только что вернулись домой после того, как забрали тело Арии, но моя мать сейчас на пути сюда.

Но я не хочу ее видеть. Не хочу никого видеть. Я просто хочу съежиться в позе эмбриона под одеялом и, возможно, никогда не выходить.

— Ты в порядке?

Я смотрю на Купера, который сидит на смотровом столе в настоящей медицинской перевязи. Они сказали, что его плечо должно полностью зажить через неделю или две.

— В порядке.

Парень не заставляет меня говорить больше, и я благодарна ему за это. Мне хочется подойти к нему, поцеловать и почувствовать, как его сильные руки обнимают меня, но знаю, что не могу. Все это было лишь иллюзией.

— Эверли.

Бросаю взгляд на дверь, когда входит моя мама с дизайнерской сумочкой, перекинутой через плечо, и оглядывается вокруг, как будто все это ниже ее достоинства.

— Ты жива.

Я встаю.

— Да.

— Боже мой, Эверли. Мы все думали, что ты мертва. Поисковая группа искала тебя, но безрезультатно.

Моя мать ведет себя так, будто несчастный случай и мое выживание доставляет ей неудобства.

— Мы нашли заброшенный дом и остановились там.

— Ну, разве это не мило? Пока все тебя искали... — Она с усмешкой смотрит на Купера. — Ты была занята игрой в дом.

— Не совсем, — ворчу я, когда она дергает меня за сухие и ломкие волосы.

— Боже мой, Эверли. — Она разочарованно качает головой, прижимая руку к груди. — Они тебя проверили? — Клянусь, ее нос не может подняться выше. — Я имею в виду, насколько это возможно здесь.

Я киваю.

— Я в порядке. Немного истощена, но со мной все будет хорошо.

Она изучает порез на моей голове, который теперь превратился в шрам.

— Полагаю, мы сможем исправить это, когда вернемся домой. Видит бог, я бы никому здесь не позволила к нему прикоснуться.

— Все в порядке. — Я отмахиваюсь от нее, когда она тянется к нему.

Мама смотрит на Купера, а затем снова на меня.

— Вам нужно какое-нибудь другое лечение?

Я склоняю голову набок, не понимая, что она имеет в виду. Мама смотрит на меня, приподнимая бровь.

— Что?

— Какие-нибудь тесты?

О. Она имеет в виду венерические болезни.

— Нет. — Хотя, может быть. Но не из-за Купера, а потому что мой придурок-парень изменил мне, по крайней мере, один раз, если не больше.

— Отлично. Тогда поехали.

Мама тянет меня за руку, но я не могу не посмотреть на Купера.

— Твой отец ответил?

Наши телефоны работают здесь, и Куп отправил своему отцу сообщение. Он пожимает своим большим плечом.

— Нет. Но со мной все будет в порядке.

Я собираюсь поспорить с ним, когда раздается стук в дверь, и в комнату входит мама Лиама.

— Купер! — Женщина бросается к нему, и он встает как раз вовремя, чтобы та заключила его в свои объятия. Затем смотрит на меня. — Эверли, — выдыхает она. — Слава богу, вы оба в порядке.

Видите, вот как должна реагировать любящая мать. Я смотрю на свою собственную холодную и роботизированную мать, а затем на маму Лиама.

— Да.

Я подхожу к ней, и она заключает меня в объятия.

— О, я так рада. Я так волновалась.

Закрываю глаза и позволяю ее теплу окутать меня, хотя бы на мгновение. Женщина отпускает меня, а затем поворачивается к Куперу.

— Где твой отец?

Парень снова пожимает плечами, пытаюсь вести себя спокойно, но это должно быть отстойно, что он даже не потрудился приехать и забрать своего сына, который мог умереть.

— Уверен, что он будет здесь.

— Я так рада, что вы двое в порядке.

— Мне жаль насчет Лиама, — говорит Купер напряженным голосом.

Она тихо всхлипывает.

— Мне тоже. — Она поворачивается ко мне и моей матери. — И я очень сожалею об Арии.

У меня болит грудь, но мама остается стойкой.

— Спасибо. Нам нужно идти. — Моя мама поворачивается ко мне. — Сейчас.

Мама Лиама поворачивается к Куперу.

— Я могу отвезти тебя домой, детка. Мы можем просто дать твоему отцу знать, что ты со мной.

Купер слегка улыбается ей и кивает.

— Спасибо.

Моя мама уже за дверью.

— Эверли. Сейчас же.

Я поворачиваюсь к Куперу, когда мама Лиама направляется к двери.

— Я дам вам двоим минутку.

Она выходит, бросая взгляд на мою маму, чтобы сказать, что она должна сделать то же самое, но, конечно, моя мама не хочет терять контроль. Та смотрит на меня.

— Минута.

Я киваю, когда она наконец уходит. Поворачиваюсь к Куперу, который стоит всего в паре футов от меня.

— Все действительно закончилось, да? — Я не совсем понимаю, что тот имеет в виду, пока он не тянется за шею, хватается за нее и добавляет: — Весь этот кошмар.

Я киваю.

— За исключением того, что Лиам и Ария все еще мертвы.

Он морщится.

— Да.

— Спасибо.

Купер в замешательстве останавливает взгляд на мне.

— За что?

— За то, что заботился обо мне, когда я была в полном шоке. За поиск дома и дров. За воду. За все, Куп. Спасибо.

Парень улыбается и опускает руку.

— Я сделал это не один. Ты таскала столько же, если не больше дров, чем я.

— Я бы не пережила первый час без тебя.

Он изучает мои глаза, и я знаю, что ему хочется сказать больше, но тот просто притягивает мое тело к себе и заключает в объятия. Я напрягаюсь, но затем быстро сдаюсь и обнимаю его в ответ.

— Пока, Купер.

Он качает головой, его губы приближаются к моему уху.

— Даже если ты злишься на меня, пожалуйста, пообещай, что, если я тебе понадобится, ты позвонишь.

— Купер. — Я не поднимаю на него глаз, а просто позволяю ему обнять меня.

— Эверли.

Закрываю глаза и вздыхаю.

— Хорошо.

— Обещай.

Киваю, и слеза проливается на его футболку, но я не двигаюсь.

— Обещаю. Ты тоже, хорошо? Если тебе что-нибудь понадобится, позвони мне.

Парень обнимает меня немного крепче, и я чувствую, как он кивает головой.

— Хорошо.

Моя мать снова врывается внутрь, чтобы поругать меня за то, что я так долго, и мы медленно расстаемся.

— Увидимся, Эв.

Я заставляю себя улыбнуться и машу рукой, пока мама тащит меня прочь от него и из больницы.

Обратно в реальность.

Обратно в дом, в котором никого нет.

Ни Лиама. Ни Арии. Ни Купера.

Глава двадцать восьмая

КУПЕР

— Слышно что-нибудь от твоего отца?

Я смотрю на маму Лиама и слегка качаю головой, стараясь не выглядеть слишком расстроенным.

— Нет, но вы же знаете, как он занят.

Женщина раздраженно морщит нос.

— Мне жаль. Он должен быть здесь.

Оглядываю дом. Дом Лиама. Все выглядит так же, как и в прошлый раз, когда я был здесь, но сейчас все по-другому.

Она кладет руку мне на плечо.

— Ты можешь оставаться здесь столько, сколько захочешь.

Я должен отказаться. Должен попросить ее подвезти меня до дома моего отца, но кто, черт возьми, знает, захочет ли тот вообще, чтобы я был там. Или будет ли отец дома. А прямо сейчас я не хочу быть один.

— Спасибо.

Ее улыбка теплая и успокаивающая.

— Почему бы тебе не подняться наверх, а я принесу тебе сэндвич.

— Вам необязательно заботиться обо мне.

Ее слезящиеся глаза встречаются с моими, и я знаю, что она сдерживается, чтобы не разрыдаться.

— Я действительно этого хочу.

Я киваю, мои плечи опускаются, во мне не осталось сил бороться.

— Спасибо.

Женщина снова улыбается, прежде чем прогнать меня, и я поднимаюсь наверх в старую спальню Лиама. Когда толкаю дверь, то словно переносюсь прямо в прошлое — когда мой лучший друг был жив, а я доставал его, потому что его мама все еще приносила нам закуски, когда мы тусовались здесь.

С тех пор как у нас появился наш дом, прошло много времени. Но много лет мы провели, болтаясь в этой комнате. Часами играли в видеоигры, говорили о девочках и школе и просто дурачились. Но теперь с этим полностью покончено.

До меня это дошло только сейчас — я больше никогда не буду разговаривать со своим лучшим другом.

Бросаю сумку на пол и ложусь на его кровать, подложив руку под голову. Смотрю на случайный плакат на его стене, один из тех, на которые нужно долго смотреть, чтобы понять, что это такое. Я все еще этого не понимаю.

Мой телефон жужжит в кармане, и я хватаю его, сразу же видя на экране имя Эверли.

— Эв?

— Купер. — Ее голос тих, как будто она ошеломлена или погружена в свои мысли.

— Ты в порядке?

Она очень долго не отвечает, и я задерживаю дыхание, пока наконец не слышу ее голос.

— Да, — выдыхает она. — То есть, нет.

— Где ты находишься?

— Дома. — Ее голос напряженный. Печальный. — В комнате Арии.

Мое горло сжимается, когда я сглатываю, а затем делаю глубокий вдох.

— А я у Лиама.

— Серьезно? — недоверчиво говорит она.

— Да. Я останусь здесь на пару дней, прежде чем вернуться к учебе.

Наступает пауза.

— Это хорошо. Ты собираешься вернуться?

Весенний семестр возобновляется через три дня. Для всех остальных это будет возвращение жизни в нормальное русло. Но для нас? Я понятия не имею, возможно ли это хотя бы отдаленно.

— Да. Я не могу просто сидеть сложа руки.

— Я тоже не могу.

Сажусь, пропуская волосы сквозь пальцы, так сильно желая, чтобы она была здесь. Я знаю, что Эв злится на меня. Знаю, что облажался, сразу не рассказав ей о Лиаме. Но я также не могу избавиться от чувства, что облажался, сказав ей об этом.

Оглядываю старую комнату Лиамы, переполненную столькими воспоминаниями о моем лучшем друге. Того, кто всегда прикрывал мне спину и никогда не предавал меня. А я предал его.

— Значит, ты собираешься вернуться?

— Да. — Она снова делает паузу. Затем ее голос звучит странно и непохоже на нее, когда она говорит: — Я не могу находиться здесь слишком долго.

Ее мама определенно имеет к этому отношение.

— Не могу винить тебя.

— У них уже запланировано прощание с Арией.

— Черт. — Откидываюсь на кровать, глядя в потолок. — Когда?

— Через два дня. Мама наняла кого-то, чтобы спланировать это. Очень со вкусом, — последнюю часть она произносит насмешливо, и я предполагаю, что именно так ее мать описала это.

— Черт.

— Да. Ты придешь?

Я киваю, хотя она меня не видит.

— Да. Конечно. Дай мне знать, когда это произойдет.

— Хорошо. — Она вздыхает. — Куп?

— Да?

— Странно, что я скучаю по тому дому?

Легкая улыбка появляется на моих губах, потому что мы оба серьезно облажались.

— Я тоже скучаю.

Я слышу, как она улыбается.

— Дашь мне знать, планирует ли мама Лиамы поминки, и когда это произойдет?

Она ничего не говорила об этом по дороге, но думаю, что она уже начала планировать. Черт, я не могу поверить, что пойду на похороны своего лучшего друга. У меня пересыхает в горле, и слова, кажется, застревают, но я, наконец, выдавливаю их.

— Конечно.

— Спасибо. — Мы остаемся на телефоне, ни один из нас не произносит ни слова, пока Эверли, наконец, тихо не прочищает горло. — Я должна идти.

— Я здесь, если тебе понадобится.

Не хочу вешать трубку, но, к счастью, она делает это первой. Эверли заканчивает разговор, и я прижимаю телефон к груди, оглядывая комнату и ненавидя то, насколько она пуста.

Так же, как пуста сейчас моя жизнь.

Глава двадцать девятая

ЭВЕРЛИ

Мои волосы заплетены в длинную французскую косу, и на мне простое черное платье. Я смотрю прямо перед собой, пока тело моей сестры опускают в землю.

Я онемела.

Оцепенела.

И не хочу быть здесь.

Оглядываюсь на безликих, безымянных людей, которые даже не знали мою сестру, одетых во все черное, официальную одежду, и я ненавижу свою мать.

Это не то, чего хотела бы Ария.

Она ненавидела черное и серое. Все, чем является эта поминальная служба. Даже цветы какие-то унылые. Скучные и приглушенные цвета. Крышка черного, блестящего гроба закрыта, и я не хочу знать, почему.

Моя мать играет роль скорбящей матери, но не плачет открыто, просто вытирает глаза каждые пару минут. Это кажется холодным и спланированным, как будто она знает, как должна реагировать, и имитирует это.

Когда все заканчивается, я нахожу Купера, который все это время сидел сзади. Он в черном костюме и галстук, его глаза настороженно встречаются с моими.

— Эверли.

— Ты пришел.

Он медленно кивает головой.

— Я сожалею об Арии.

Я знаю, что это так. Вижу, что его преследует та ночь. Купер видел ее тело. Он точно знает, что с ней случилось.

— Ты вел машину?

Он кивает.

— Хочешь, я отвезу тебя на ужин?

Я качаю головой, не утруждая себя тем, чтобы оглянуться на маму, когда она принимает соболезнования всех своих коллег.

— Нет. Я хочу убраться отсюда к чертовой матери. Можешь отвезти меня? — Купер медленно изучает мое лицо, но затем кивает, и я следую за ним к его машине. — Родители Лиамы не приехали?

— Нет. Они хотели... — Он останавливается, когда мы подходим к блестящей черной машине, и достает ключи из кармана. — Мой отец появился вчера. Протянул мне ключи, сказал не разбить ее и ушел, — объясняет он.

Я смотрю на него, моя челюсть слегка отвисла. Почему, я не уверена? Наши родители отвратительны.

— Ух ты.

— Да. Мило, правда?

— Мне жаль, что он такой придурок.

Он улыбается и открывает машину.

— В любом случае, родители Лиамы хотели приехать, но думаю, что это было слишком.

Я киваю в знак признательности. Даже представить себе не могу, через что они сейчас проходят. Родители Лиамы были по-настоящему хорошими родителями, которые любили Лиаму больше, чем самих себя. Они, должно быть, в аду.

— Я ненавижу это.

Он открывает свою дверь, я открываю свою, и мы оба забираемся внутрь. Должно быть странно снова находиться так близко к нему, но это успокаивает.

Да, он солгал мне или умолчал о правде, но я имела в виду то, что сказала. У него не было никаких реальных обязательств говорить мне об этом.

— Куда едем?

— Можешь отвезти меня ко мне домой?

Купер заводит машину и начинает движение вместо своего ответа. Я поворачиваюсь, изучая его лицо. Он, конечно, такой же красивый, как всегда, но выглядит усталым. Печальным.

Когда мы подъезжаем к моему дому, Куп паркуется на подъездной дорожке, а затем поворачивается ко мне.

— Если тебе понадобится что-нибудь еще, просто дай мне знать.

Я вижу вину, написанную на его лице, и мне жаль, что не могу стереть ее. Но что, черт возьми, что я могу сделать? Нам, наверное, нужно пространство, но я все равно открываю свой глупый рот.

— Зайди, пожалуйста, внутрь на минутку. Я хочу собрать сумку.

— Куда ты направляешься?

Я предполагаю, что он собирается вернуться к родителям Лиамы.

— Возвращаюсь в кампус. Не возражаешь, если я поеду с тобой?

— Уверена, что готова к этому? — Я смотрю, как он сглатывает. — Твоя семья, может, и не очень хорошая, но ты здесь не одна.

На днях, когда я приехала в дом своих родителей и легла спать в постель Арии, в ее ярко оформленной старой спальне, я поняла, как стала одинока теперь, когда ее нет.

— Здесь меня ничего не держит.

Купер кивает, как будто понимает, и, возможно, так оно и есть.

— Да, я отвезу тебя.

Я улыбаюсь, и мы входим в стерильный дом моих родителей. Здесь нет ничего неуместного, и чистая белизна дома почти ослепляет. Мы поднимаемся в мою старую комнату, и я беру свою сумку из поездки, а затем поворачиваюсь к Куперу, ненавидя то, каким разбитым он выглядит.

— Ты в порядке?

Он снимает сумку с моего плеча и надевает ее на свое невредимое.

— Нормально.

Есть так много вещей, которые я хочу сказать. Так много вещей, которые хочу ему рассказать. Но сдерживаюсь. Чувство предательства скручивает мой желудок, и меня тошнит.

— Ладно. Давай уберемся отсюда, пока моя мать не узнала, что я пропала.

Он поднимает руку, и я делаю глубокий вдох, когда тот скользит пальцами по шраму на моем лбу.

— Тебе больно?

Я поднимаю свой взгляд и смотрю в его прекрасные глаза, кивая.

— Все болит.

Он выглядит расстроенным моим ответом, слишком хорошо понимая, что я имею в виду. Купер заправляет выбившуюся из косы прядь моих волос за ухо и откашливается.

— Пошли.

Хочу прильнуть к этому прикосновению. Мне хочется встать на цыпочки и поцеловать его, но я этого не делаю. Все так запутано. Все кажется неправильным.

Я не знаю, что реально и кому можно доверять.

Мы возвращаемся в кампус в тишине. Оба словно оцепенели от боли, когда подъезжаем к моей квартире.

Он паркует машину и поворачивается ко мне.

— Хочешь, чтобы я поднялся?

Да. Хочу. Очень.

— Нет. Я в порядке.

— Мне очень жаль, Эверли. Так чертовски жаль.

Я слышу это в его голосе. И знаю, что это так.

— Не надо. Пожалуйста. — Я знаю, что должна злиться на Лиаму, а не расстраиваться из-за Купера. Даже не думаю, что имею на это право. — Я даже не настолько зла на Лиаму.

Парень выглядит удивленным этим, его лицо темнеет.

— Он изменил тебе.

— Знаю. — Я опускаю взгляд на свои колени, внезапно мне становится стыдно. — Но я не настолько зла, как должна была бы. Может быть потому, что он мертв. Я не знаю. — Рыдание застревает у меня в горле, и слеза скатывается по щеке, когда я оглядываюсь на Купера. — Я не знаю, что должна чувствовать.

— Не думаю, что есть выбор.

Я киваю, мое горло физически болит от едва сдерживаемых рыданий.

— Увидимся завтра на его похоронах.

— Да. — Он крепко сжимает руль и смотрит прямо перед собой. — Увидимся.

Я вылезая из машины, хватаю сумку и, не оглядываясь, иду к своей квартире.

Потому что на Лиаму чертовски больно смотреть.

Глава тридцатая

КУПЕР

Они опускают гроб в землю, а я просто стою и смотрю на него, зная, что в нем находится тело моего лучшего друга. Зная, что я никогда больше не буду с ним разговаривать. И никогда не услышу его смеха. Он больше никогда не будет подкалывать меня за мой музыкальный вкус.

Его больше нет.

Лиам умер прямо у меня на глазах, и ничто не кажется таким окончательным, как этот момент прямо сейчас.

— Купер. — Я поворачиваюсь к матери и отцу Лиамы, которые стоят рядом со мной. Голос его мамы тихий и прерывистый. — Нам нужно идти.

Я не хочу. Все кажется таким чертовски постоянным.

Делаю глубокий вдох, отворачиваюсь от места последнего упокоения Лиамы и следую за его родителями к ожидающей машине. После того, как они забираются внутрь, я сажусь впереди и ослабляю галстук, глядя в окно на кладбище.

Знаю, что Эверли была там. Она тихо села сзади, а затем встала у могилы, тоже сзади, подальше от всех остальных. Я не могу себе представить, что творится у нее в голове сегодня. Она только что похоронила свою сестру, и теперь ей нужно было присутствовать на похоронах Лиамы.

Мужчины, которому она доверила свое сердце и который разбил его. Мужчины, которого, я знаю, она любила.

Мы прибываем в родительский дом Лиамы, и люди заходят внутрь, чтобы поужинать в столовой. Мама Лиамы хотела, чтобы поминки проходили у них дома.

Я не знаю большинства присутствующих здесь людей, но стараюсь держаться в стороне, позволяя каждому выразить свои соболезнования его родителям. Наша история была во всех новостях. Все знают, что произошло, и последние два дня я постоянно встречался с глазами, полными жалости и любопытства. С меня определенно хватит этого на всю жизнь.

Я вижу, как Эверли проскальзывает внутрь, быстро обнимает маму и папу Лиамы и вежливо разговаривает с ними, прежде чем ускользнуть. Смотрю, как она поднимается по лестнице, и жду несколько мгновений, прежде чем последовать за ней.

Я знаю, что она идет в его комнату. Когда поднимаюсь по лестнице, то нахожу ее сидящей в одиночестве на его кровати. Сегодня на ней другое черное платье, волосы собраны в высокий пучок на макушке. Эв не удивляется, когда я вхожу в дверь.

Девушка держит старую бейсбольную перчатку Лиамы на коленях, уставившись на нее и не потрудившись поднять голову, чтобы посмотреть на меня.

— Я даже не знала, что он играл.

Прислоняюсь к его комоду.

— В средней школе, но не в старшей.

Она кивает, пальцы скользят по коже.

— Я многого о нем не знала.

— Думаю, это нормально, что ты не знала, что он играл в бейсбол в младших классах два лета.

Эверли кладет перчатку на кровать и встает, направляясь ко мне с глазами, полными слез.

— Думаешь, это нормально? Очевидно, я не очень много знала о нем.

Черт возьми. Я ненавижу это выражение ее лица.

— Лиам совершил ошибку, и это была огромная ошибка, но Эв... это просто ошибка. Это не определяет его.

— А что, если это случилось несколько раз?

— Это не так.

— Откуда ты знаешь? — В ее глазах застыла мольба.

— Я просто знаю. — Я видел это в его глазах в тот день. Это было всего один раз, и он очень жалел об этом. — Люди иногда совершают ошибки. Не думаю, что это когда-нибудь повторилось бы снова.

Девушка качает головой.

— Сегодня все это казалось ложью.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду... — Я наблюдаю, как двигается ее нежное горло, когда она сглатывает, а затем встречается своими глазами с моими. — Изображаю скорбящую подругу. Это было похоже на ложь.

Я вздрагиваю от ее признания, но не могу представить, через какой ад она сейчас проходит.

— Ты любила его.

Она подходит ближе, кладет свои маленькие ручки мне на грудь и смотрит на меня снизу вверх.

— Я его даже не знала. На самом деле. Я была такой идиоткой. Просто ребенок, играющий в игры. Я думала, что знаю все, а теперь, похоже, ничего не знаю. Все перевернуто с ног на голову.

Я обнимаю Эв и прижимаю ее гораздо меньшее тело к своему.

— Я понимаю, но ты его знала. Не позволяй этому разрушить твою уверенность. Поверь мне. Ты знаешь, кто ты, а это главное.

— Я тупая девчонка, которая думала, что у нее идеальный парень. — Она утыкается лицом в мою грудь, и мне интересно, слышит ли она, как быстро бьется мое сердце, когда я снова обнимаю ее. — Я и сама не была хорошей девушкой.

Это удивляет меня, и я тяну ее за плечи, чтобы посмотреть ей в глаза.

— Нет. Ты была идеальной девушкой.

Эверли встречается своими блестящими глазами с моими.

— Нет. Не была. И ты это знаешь.

Напряженность в ее глазах выбивает меня из колеи, но я борюсь с этим.

— Нет, не знаю.

Эверли усмехается, сердитая и холодная, но в то же время такая чертовски сломленная и потерянная одновременно.

— Знаешь. Мы с тобой все время ссорились, но это было похоже на мерцающее пламя, готовое вырваться из-под контроля. Ждущее, чтобы вырваться на свободу и сжечь все дотла.

Я хочу это отрицать.

— Чушь собачья. Ты любила его и ненавидела меня.

Она качает головой.

— Нет. Я не испытывала к тебе ненависти. Ты всколыхнул что-то глубоко внутри меня. И я была ужасной девушкой, воздевшей его лучшего друга.

Черт!

— Не делай этого. Я знаю, что сейчас все кажется искаженным.

Эверли кивает и выпрямляется в моих руках, ее взгляд, застывший на моих губах, делает меня слабым.

— Ничто не кажется правильным. Я больше не знаю, что реально, а что нет. Было ли что-нибудь вообще реальным?

Дом был реальным. Но я не могу этого сказать, не в тот день, когда мы похоронили Лиаму. Я, блядь, не могу этого сделать.

— Эверли. — Ее имя — словно затаенная мольба, и когда ее губы касаются моих, я сдаюсь.

Я, черт возьми, не могу устоять перед ней, и знаю, что она права. Я заботился о Лиаме. Он был моим лучшим другом. Но если бы в какой-то момент во время их отношений она проявила бы ко мне хоть какой-то интерес... Я бы поджег весь мир, чтобы заполучить ее.

Обхватываю ладонью затылок Эв, притягивая ее ближе, прижимая ее губы к своим, и целую ее. Наши рты сталкиваются, ее губы раздвигаются, и она дарит моему языку вкус своей сладости. Это безумно и чертовски неправильно, но до сих пор сегодня я был

совершенно оцепенелым. Ее поцелуй пробуждает меня, и сначала мне хорошо, но потом он быстро становится горьким.

Эверли тянется к моему галстуку, чтобы снять его, но моя грудь наполняется болью, и я останавливаю ее, отстраняясь, чтобы посмотреть в ее красивые глаза.

— Мы не можем этого сделать.

Она застыла, ее глаза полны замешательства и боли. Но отступает назад, проводя пальцем по распухшей нижней губе.

— Знаю.

Я подхожу к ней ближе.

— Я хочу.

Она ошеломленно оглядывает спальню, и я вижу, как у нее дрожат руки.

— Я так облажалась.

— Нет. Ты просто скорбишь.

— Мне нужно идти.

Она направляется к двери, и мне так сильно хочется остановить ее, но я знаю, что не могу. Оглядываю комнату своего лучшего друга и вижу только его. Прошрое. Как бы он был убит горем, если бы застал меня целующим ее.

Поэтому отпускаю Эверли.

Я сажусь на его кровать и снова оглядываюсь. Потерянный и сломленный.

— Купер? — Я смотрю на дверь, вижу его маму и пытаюсь быстро взять себя в руки. Она видела нас?

— Да?

Она входит внутрь, оглядывая комнату в слезах.

— Я подумала, что ты можешь быть здесь.

Я. Она ничего не сказала об Эверли. Должно быть, она не видела, как Эв уходила.

— Да. Извините. Я не очень хорошо лажу с толпой.

Женщина садится рядом со мной, поднимая перчатку, на которую смотрела Эверли.

— Я тоже.

— Мне так чертовски жаль. Жаль, что я не смог спасти его.

Она наклоняет голову набок и улыбается.

— Он был хорошим ребенком.

— Самым лучшим. — Я улыбаюсь ей в ответ.

— У всех нас есть свои недостатки, даже у Лиамы. Но да, он был потрясающим. — Она печально оглядывается и прижимает перчатку к груди, прежде чем снова встретиться со мной взглядом. — Я очень долго не видела Эверли.

Я напрягаюсь, не в силах скрыть это.

— Да. У нее сейчас трудные времена.

— Даже не могу себе представить. Я знаю, что у них была юная любовь, но это все равно была любовь.

Ненавижу ревность, горящую во мне.

— Да, так и было. Уверен, что они поженились бы и жили бы долго и счастливо. Это нечестно.

Слова кажутся горькими на вкус, потому что почти уверен, что это убило бы меня. Но я действительно думаю, что это произошло бы. Мама Лиамы встречается со мной взглядом, ее глаза темнеют от чего-то, чего я не ожидал.

— Я не так уверена в этом.

Я изучаю ее лицо, пытаюсь понять, что она имеет в виду.

— Вы сказали, что это была любовь.

— Юная любовь.

— Что это значит?

Она смотрит на плакат на стене и вздыхает.

— Как я уже сказала, у Лиамы были свои недостатки. Он был молод.

Она знает?

— Он, э-эм... — Я не могу рассказать о нем его маме, если та не знает. Может быть, она просто говорит в общих чертах.

Наши взгляды снова пересекаются.

— Ты тоже знал?

Ох, черт.

— Он сказал вам?

Женщина печально кивает головой.

— Он был очень расстроен, Купер. Он так сильно любил ее и знал, как сильно все испортил.

— Тогда зачем он это сделал? — Сегодня я должен был только скорбеть по нему. Я не должен злиться на своего мертвого лучшего друга, но, черт возьми, если это не так. Как он мог так поступить с ней?

Она встает, явно расстроенная.

— Я не должна была ничего говорить.

— Вы знаете? Что он сказал?

Она отмахивается от меня, направляясь к двери.

— Не так уж много, Купер. Я, наверное, знаю меньше, чем ты. Просто знаю, что он очень сожалел об этом. — Она поворачивается ко мне лицом и останавливается у двери. — Я сказала ему, чтобы он поговорил с ней об этом.

Вот черт. Я тот засранец, который сказал ему относиться к этому так, будто ничего не было.

— Он так и не сказал.

Она выглядит огорченной.

— Эверли не знает?

Теперь я чувствую себя еще хуже, когда отвожу от нее взгляд.

— Разве это имеет значение?

Она тихо всхлипывает.

— Не уверена, что сейчас хоть что-то имеет значения

Чувствую, что в этой истории есть что-то еще, но женщина выбегает из комнаты, но я слишком оцепенел, чтобы последовать за ней. Не могу допрашивать ее в тот день, когда она попрощалась со своим сыном.

И, может быть, она права...

Может быть, больше ничего не имеет значения.

Глава тридцать первая

ЭВЕРЛИ

Кампус кажется таким пустынным. Что не имеет смысла, потому что люди пролетают мимо меня, спеша на занятия.

«Я могу это сделать».

Делаю глубокий вдох и оглядываюсь вокруг. Сегодня теплый январский день, и на земле нет снега, что является плюсом.

Если я больше никогда не увижу снега, меня это вполне устроит.

У меня есть тридцать минут до начала занятий. Я вышла из своей квартиры, чтобы прийти сюда пораньше, инстинктивно зная, что мне понадобится больше времени, чтобы привыкнуть. Для всех студентов сегодня первый день после возвращения, и все они улыбаются и смеются, выглядя такими счастливыми.

«На самом деле меня здесь нет».

Мне кажется, что я плыву по тропинке к большому кирпичному зданию, не контролируя свои конечности.

Лиам часто провожал меня на занятия, если в это время у него не было своих занятий. Мы наслаждались обществом друг друга. Или я так думала. В конце концов, он решил искать компанию у кого-то другого.

Так много вещей осталось без ответа, и я не могу избавиться от чувства, что так чертовски долго ошибалась во всем.

Наконец добираюсь до здания и смотрю на него, пытаюсь уговорить себя войти внутрь. Люди проходят мимо меня, открывают дверь и заходят внутрь, а я стою там, совершенно оцепенев.

— Не думаю, что твой класс сам придет к тебе. — Я слегка вздрагиваю от глубокого голоса, донесшегося рядом со мной, но прихожу в себя и поворачиваюсь к нему лицом.

— Куп?

Парень улыбается мне. Улыбка вымученная, но все равно чертовски красивая.

— Привет.

— Что ты здесь делаешь?

Куп пожимает плечами.

— У меня только что закончилось занятие, а следующее как раз по соседству. Увидел тебя и решил поздороваться.

Слегка наклоняю голову набок, не до конца веря ему. С другой стороны, откуда он мог знать мое расписание.

— Довольно большое совпадение.

Теперь он улыбается чуть шире.

— Не совсем. Мы оба не ранние пташки, поэтому я предположил, что ты планируешь свои занятия на более позднее время дня, как и я.

Это правда. Ненавижу вставать с постели по утрам. Никогда не любила.

— Да.

— Так я и думал. И подумал, что ты часто бываешь в бизнес блоке. Так что да, я действительно выбрал этот путь в надежде увидеть тебя.

— Ты хотел меня видеть? — Я думаю о вчерашнем дне. Его губах на моих. Боли в его глазах. Как он отталкивает меня. Щемящее чувство отверженности возвращается вновь.

— Я всегда хочу видеть тебя, Эв.

— Не вчера.

На лице отражается страдание, когда он проводит рукой по своим густым волосам.

— Не в его спальне. Не в день его похорон. Я просто...

Я чувствую себя грязной, обхватив себя руками за талию.

— Знаю. Я не должна была...

Куп кладет руку мне на плечо.

— Ты не сделала ничего плохого.

Это так чертовски сбивает с толку.

— А ты значит сделал? — Я опускаю глаза и замечаю, что на нем нет поддерживающей повязки. Вчера тоже не было. — Твоей руке лучше?

Парень улыбается, вероятно, моей непоследовательности.

— Благодаря тебе. И, Эверли, он был моим лучшим другом. А ты была его девушкой.

— Он обманщик. Очевидно, у него была не одна девушка.

— Нет. Ты была единственной, кого он любил.

— Значит ты плохой, если целовал меня? Но я ведь целовала тебя в ответ.

Похоже, он собирается с духом.

— Потому что ты... — Его челюсти сжимаются.

— Не обращай со мной так, как будто я хрупкая. Просто скажи это.

— Ты ему ничего не должна. Ничего. Он изменил тебе. Но я должен, Эв. Он все еще остается моим другом. Я не могу...

— Ясно. — Я отодвигаюсь от него, но он следует за мной.

— Это ты меня оттолкнула, помнишь?

— А ты держал это в секрете от меня. И... — Я в отчаянии вскидываю руки, потому что не знаю, что чувствовать. — Черт возьми. Ты прав. Ты должен быть верен ему. И вчера снова показал свою верность.

Купер на мгновение закрывает глаза, а затем открывает их.

— Мы все еще можем быть друзьями. Я хочу быть твоим другом. Хочу быть рядом, если буду нужен тебе.

Я заставляю себя проглотить всхлип. У меня действительно никого нет. Если окончательно оттолкну Купа, у меня никого не останется. Но могу ли я использовать его таким образом? Можем ли мы на самом деле просто быть друзьями? Я знаю, что мы не должны и не можем быть чем-то большим.

— Хорошо.

Он выглядит немного удивленным моим согласием.

— Правда?

Я киваю.

— Очевидно, что я не могу справиться в одиночку. Хотя пыталась. Я покинула ту больницу, пообещав позвонить, если ты мне понадобишься, но не думала, что сделаю это. И что потом? Спустя три часа я позвонила тебе.

Куп улыбается на это.

— Я рад, что ты это сделала.

Поворачиваюсь, чтобы посмотреть на большое угрожающее здание перед нами.

— Я тоже. Спасибо тебе за то, что был мне другом. — Даже если я почти уверена, что он делает это только из преданности Лиаму.

— Я всегда буду твоим другом.

Поворачиваюсь к парню лицом и выдыхаю воздух, который задерживала, глядя на здание.

— И никаких поцелуев.

Купер улыбается, но выглядит раздираемый противоречиями.

— Точно.

— Думаю, что смогу это сделать.

Его улыбка превращается в дерзкую ухмылку, к которой я привыкла.

— Уверена? Как ты сможешь держать свои руки подальше от всего этого? — Он указывает на свое тело, и я игриво толкаю его.

— О господи, действительно, как я смогу это сделать?

Он хихикает, а затем притягивает меня для объятий, используя руку, которую мне не так давно пришлось вставлять на место.

— Ты можешь это сделать, Эв. Ты сильная.

Я делаю еще один глубокий вдох и выдыхаю.

— Спасибо.

— В любое время. Мне пора идти. Позвони, если я тебе понадоблюсь.

Я заверяю его, что так и сделаю, а затем он уходит, направляясь к зданию через дорогу от меня.

«Хорошо, я могу это сделать».

Поднимаюсь по лестнице и открываю двери в здание, захожу внутрь и оглядываюсь в поисках лекционного зала. Группа студентов проходит мимо меня, и я клянусь, что слышу, как они шепчутся обо мне.

«Я становлюсь параноиком».

Захожу в большой лекционный зал и почти мгновенно чувствую себя выставленной на всеобщее обозрение, когда сажусь и чувствую на себе взгляды. И снова слышу шепот.

«Я могу это сделать».

Две девушки, сидящие в нескольких рядах передо мной, не прекращают болтать, а потом оглядываются на меня. Знаю, что в новостях было несколько историй о нас. Я видела новости в интернете и по телевизору. Моя фотография вместе с Арией, Лиамом и Купером была во всех новостях.

Ладони потеют, и я пытаюсь вытереть их о джинсы, но понимаю, что мои руки дрожат.

«Нет. Я не могу этого сделать».

Хватаю сумку и вскакиваю с места, вылетая из лекционного зала и из здания.

— Черт, — выдыхаю я, сбегая по лестнице и найдя скамейку, падаю на нее.

Я не могу унять дрожь в теле и вот-вот разрыдаюсь. Клянусь, мне кажется, что все смотрят на меня, но я знаю, что это неправда. Большинство студентов просто проходят мимо, не задумываясь, но я не могу от этого избавиться. Лиам должен быть здесь. Ария должна быть здесь.

Я лезу в сумку и достаю телефон, набирая номер Купера без раздумий.

— Алло?

Его голос тихий, потому что он, вероятно, на занятие.

— Эв? — Теперь голос повышается.

— Куп.

— Что случилось?

— Я не могу этого сделать.

— Где ты находишься? — Я слышу шарканье.

— Снаружи на скамейке. Схожу с ума.

Снова шарканье.

— Я сейчас приду.

— Ты же на занятиях.

Теперь его голос звучит громче.

— Больше нет.

Вот черт. Я в полном беспорядке и заставила его пропустить занятие, потому что не могу собраться с мыслями.

Я не его проблема.

Что, черт возьми, со мной не так?

Глава тридцать вторая

КУПЕР

Дерьмо! Как знал, что не должен был оставлять ее. Когда я уходил, с Эверли явно было что-то не так.

Черт, когда это в кампусе стало так многолюдно? Я протискиваюсь мимо большой группы людей, стоящих у выхода, и сбегая вниз по лестнице, взглядом отыскивая Эверли.

В ее голосе по телефону звучал ужас.

Я возвращаюсь к зданию, в котором было ее занятие, и замечаю ее, сидящую на скамейке, опустив голову и положив локти на колени.

Она определенно в панике.

— Эверли. — Я опускаюсь перед ней на колени, ловя ее взгляд. — Эв.

У нее дрожат руки, и она выглядит бледной.

— Я... я не могу.

Глажу ее по спине рукой и изо всех сил стараюсь успокоить.

— Все в порядке.

— Нет, не в порядке. Это так чертовски глупо.

— Не глупо. Вообще. — Я сажусь рядом с ней на скамейку и обнимаю за плечи. Девушка не отталкивает меня. Вместо этого наклоняется ко мне. — Что случилось?

— Ничего не случилось. Я взбесилась совершенно без причины.

— Я в это не верю.

Она качает головой в недоумении и, может быть, с легким отвращением.

— Поверь. Ничего не произошло. Я просто... — Она вздыхает, а затем обводит взглядом нескольких проходящих мимо студентов. — Я чувствую, будто все пялятся на меня и говорят о нас. Что совершенно безумно.

Я тоже сегодня часто так себя чувствовал.

— Вовсе нет.

— Да. Большинство из них, скорее всего, понятия не имеют, кто я.

Я пожимаю плечами и откидываюсь на спинку скамейки, отклоняясь вместе с ее маленьким телом.

— Может быть. А может быть, и нет. Сегодня я определенно заметил на себе лишние взгляды, и дело не только в моей привлекательной внешности.

Ее слезящиеся глаза встречаются с моими, и Эверли закатывает их, что дает мне надежду.

— Ты так самоуверен.

Я смеюсь.

— Сегодня ко мне подходили пара людей, спрашивали об аварии. — Я действительно не был готов к этой части. Незнакомые люди спрашивали меня, каково это — потерять девушку и лучшего друга.

Что на это ответить?

Это чертовски круто. Наслаждаюсь каждой секундой?

Серьезно, какого хрена?

— Ну, это не заставляет меня чувствовать себя лучше. — Она смотрит на меня, и я большим пальцем вытираю слезу у нее под глазом. — Я надеялась, что у меня просто паранойя.

— Это была довольно большая новость в здешних краях. Я подумал, что это поможет тебе понять, что ты не сумасшедшая.

Девушка снова закатывает глаза, а затем кладет голову мне на плечо.

— Не уверена, что лучше.

— Может быть, тебе стоит взять пару недель отпуска.

— Нет. Не могу. — Ее голос едва слышен. — Я уже чертовски разочаровала своих родителей, получая степень по бизнесу. И не могу опоздать с получением этой степени.

Я вроде как ненавижу ее родителей.

— Эв, ты никому ничего не должна.

Клянусь, я чувствую, как она улыбается, несмотря на то, что не вижу ее лица. Смотрю в голубое небо и обнимаю ее на минуту, просто позволяя почувствовать то, что ей нужно, и чертовски надеюсь, что это хоть немного поможет.

Через некоторое время я встаю и беру ее за руку.

— Пойдем.

Эверли неохотно встает.

— Не думаю, что смогу справиться с занятиями сегодня.

— Завтра. Завтра будет лучше. Но на сегодня давай пойдем что-нибудь поедим.

Она хмурит брови, и это чертовски мило.

— Поедим?

— Да. Скажи мне, что тебе не нравится есть то, что не консервировано или не высушено.

Теперь она улыбается.

— Я все еще люблю соленые огурцы.

— А я все еще ненавижу их. — Но они действительно напоминают мне об Эв.

Она улыбается, со смехом качая головой.

— А как насчет твоих занятий? Я не могу просить тебя изменить свою жизнь ради меня только потому, что мы прожили вместе несколько недель.

Я ухмыляюсь и обдумываю это.

— Хм, а я-то думал, что никогда не смогу достичь такого уровня приверженности.

Она игриво толкает меня.

— Ты осел.

Я обнимаю ее за талию и направляю за пределы кампуса.

— Да, но я не так уж плох.

— Я знаю это, Куп. — Она останавливается и смотрит на меня. — Тебе действительно не следует пропускать занятия из-за меня.

— Может быть, я тоже еще не готов.

Со мной все было бы в порядке, и я уверен, что она это знает. Но, несмотря на это, Эверли перестает сопротивляться и позволяет мне отвести ее в небольшую кафешку за пределами кампуса, где подают крылышки.

Когда официантка приносит несколько разновидностей крылышек, мы приступаем к делу, и я ловлю себя на том, что мне нравится эта улыбка на ее лице.

— Боже, как вкусно.

— Ага. Хотя, думаю, я мог бы прожить еще месяц или два в том доме.

Девушка отрывает взгляд от своей тарелки.

— Ты так думаешь?

Я определенно очень много думал об этом доме в последние несколько дней, в основном, когда лежал ночью один, скучая по ее телу. Скучая по ее смеху и ее стервозности.

— Да.

Эверли улыбается и откусывает еще кусочек, прежде чем быстро хватает свою воду, запивая.

— Черт. Очень острые.

— Не будь слабаком. Я видел, как ты справлялась с гораздо большим, — поддразниваю я.

Она показывает мне средний палец, а затем откусывает еще один кусочек острого крылышка в качестве «пошел ты» для меня.

«Боже, я люблю ее огонь».

— Вот это моя девочка.

Мы оба напрягаемся, и я мысленно пинаю себя за то, что был тупицей. Но Эверли только качает головой и продолжает есть. Нам не нужно ничего говорить, потому что она не моя девушка.

И я совершенно ясно дал понять, что она не может ею быть.

Опять же, потому что я гребаный тупица.

Переведено для группы: <https://vk.com/bookhours>

Глава тридцать третья

ЭВЕРЛИ

— Ты ведь не беременна, да?

Я смотрю на Кортни, когда заканчиваю жевать огромный кусок, который только что откусила.

— Что?

— Ты только что проглотила огромный гамбургер.

Я закатываю глаза и качаю головой.

— Нет. Я не беременна.

Прошло два месяца с тех пор, как я немного взбесилась в свой первый день после возвращения. С тех пор я вернулась к своей обычной жизни. Это включает в себя обед с моей бывшей соседкой по комнате на первом курсе.

— Уверена? Я имею в виду, стресс от всего. Ты вполне могла бы носить ребенка Лиам. — Она выглядит почти благоговейно, и мне хочется ее шлепнуть. — Это было бы в некотором роде круто.

Я не говорю ей, что у нас с Лиамом не было секса целый месяц до катастрофы. Или что последним человеком, с которым у меня был секс, это Куп.

— Я только что прошла полное медицинское обследование. Я не беременна.

И у меня нет никаких болезней. Слава богу. Мне нужно было пройти тестирование, чтобы знать наверняка после того, как Лиам мне изменил, и я заставила Купа пообещать мне, что он тоже это сделает.

Я улыбаюсь, думая о селфи, которое он прислал мне с поднятым большим пальцем и отрицательными результатами теста.

— Видишь? Тебе тоже нравится эта идея.

Я вырываюсь из мыслей о Купере и возвращаюсь к своей подруге-идiotке, которая, ладно, мне нравится большую часть времени. Но она многого не понимает. Хотя, думаю, я тоже. Я никому не рассказывала об измене Лиам. Это просто кажется неправильным, когда он ушел и не может высказать свою точку зрения. Так что все, кто нас знал, бросают на меня грустные взгляды и обнимают каждый раз, когда подходят. Потому что большинству людей Лиам казался идеальным парнем.

— Я не хочу быть беременной. И определенно рада, что это не так.

— Ох. — Подруга откусывает кусочек салата. — Тогда к чему эта дурацкая улыбка, — она усмехается. — Я имею в виду, это приятное зрелище, не пойми меня неправильно.

Да, я уверена, что в последнее время со мной было трудно находиться рядом. Я пыталась вернуться к обычной жизни, но мои мысли постоянно блуждали. Я постоянно думала обо всем, что случилось и чего никогда не будет. В основном думала о том, что моей младшей сестры больше нет.

Я не часто видела Купера с тех пор, как он отвел меня поесть крылышки в тот день, когда я взбесилась, но он часто проверял меня через сообщения.

— Ничего особенного. Просто мое обычное солнечное «я».

Кортни смеется над этим, но затем ее внимание переключается на что-то другое. Она смотрит своими большими голубыми глазами в сторону от меня.

— О, боже мой.

— Что? — Я оглядываюсь через плечо, чтобы посмотреть, что привлекло ее внимание, и ухмыляюсь, когда вижу, что это Купер направляется в нашу сторону. Я поворачиваюсь к Кортни. — Ты уже видела Купера раньше.

У них дома было много вечеринок, и Кортни обычно бывала там. Она кладет вилку и взбивает волосы.

— Да, но теперь он одинок. — Она напрягается и бросает извиняющийся взгляд. — Ох, прости, Эв.

Я хочу ударить ее, но, вероятно, по совершенно неправильным причинам. Вместо этого просто отмахиваюсь.

— Он одинок.

— И чертовски горяч.

Да, мне придется причинить ей боль. К счастью, Куп добирается до нашего столика и обнимает меня за плечи.

— А вот и ты.

Поворачиваю голову и смотрю в его большие дурацкие — ладно, идеальные — глаза.

— Что ты здесь делаешь? Преследуешь меня?

— Ага, мечтай.

Я ухмыляюсь, потому что думаю, что какой-то части меня это понравилось бы.

— Правда, что ты здесь делаешь?

Его лицо на мгновение становится мрачным, а затем он опускает руку.

— День рождения Лиамы через две недели.

Я автоматически напрягаюсь при упоминании о нем, и теперь знаю, почему Купер из веселого стал немного грустным.

— Да, точно.

— Он собирался устроить большую вечеринку.

Я киваю, беру жареную картошку и жую ее, чтобы отвлечься.

— Да, он постоянно об этом говорил. Большая вечеринка.

Я думаю, что Лиама был больше взволнован вечеринкой по случаю своего дня рождения в апреле, чем нашей поездкой на Рождество.

— Да. — Куп хватается за шею сзади. — Так вот, ребята хотят убедиться, что вечеринка все-таки состоится. Как своего рода дань уважения Лиама.

— Веселье! — восклицает Кортни, на мгновение я забыла, что она здесь.

Губы Купа растягиваются в улыбке, и я снова поворачиваюсь к нему.

— Это мило.

— Да... — Он выглядит нервным, и я чувствую на себе взгляд Кортни. Мне следовало бы больше радоваться вечеринке в память о Лиама. Он не был ужасным человеком. Я отказываюсь верить, что только потому, что он изменил мне, он был плохим человеком. Но меня все еще одолевают противоречивые чувства.

И все парни, о которых Куп говорит, были их друзьями. И их очень много. Лиамы любили.

— Это здорово, Куп.

— Ты придешь?

— Я, э-эм... — заикаюсь я.

— Конечно, придет, — отвечает за меня Кортни, и я поворачиваюсь к ней, широко раскрыв глаза. — Вечеринка же в честь Лиама. Любви всей твоей жизни.

Мне хочется застонать, но я сдерживаюсь. Поворачиваюсь к Куперу, который выглядит так же неловко, как и я.

— Я понимаю, если это слишком, но хотел, чтобы ты знала об этом. На всякий случай.

Я тупо киваю головой, не зная, что сказать. Просто быть рядом с одним старым другом — это очень много для меня. А быть окруженной людьми, которые знали Лиама — которые знали нас как пару, — звучит как ад.

— Я приду.

Купер выглядит неуверенным, склонив голову набок.

— Ты не обязана, Эверли.

— Итак, вы, ребята, больше не ненавидите друг друга? — Дерьмо. Я все время забываю, что Кортни здесь.

Поворачиваюсь к ней и вздыхаю.

— Это довольно трудно после того, через что мы прошли.

Подруга смеется, а затем смотрит на Купера.

— Да, я не знаю, как она могла ненавидеть тебя раньше. Но рада, что Эв сейчас дружелюбна с тобой, иначе мне пришлось бы надрать ей задницу. Ведь ты спас ее.

Закатываю глаза, но Куп ни на секунду не держит свой рот а замке.

— Спас ее? Пожалуйста. Я был практически бесполезен. Это Эв таскала дрова и надирала задницу ради выживания.

Я таращусь на него и качаю головой.

— Не лги.

— Я не лгу. У меня было вывихнуто плечо. Я, наверное, умер бы там без тебя.

Его глаза встречаются с моими без всякой насмешки.

— Это неправда, и ты это знаешь. — Мой голос тихий. — Ты сделал большую часть.

— Мы сделали это вместе.

Я не могу отвести от него глаз, и ненавижу это. Я чувствую, как Кортни смотрит на нас обоих, и все еще не могу отвести от него глаз.

— Отлично. Мы сделали это вместе.

Купер ухмыляется.

— Мне нужно идти на занятия. Если тебе нужно поговорить... — Я улыбаюсь, когда он встает, и киваю головой, давая понять, что ему не нужно заканчивать предложение.

— Я знаю.

Он машет рукой и выходит из-за стола, а Кортни продолжает тарашиться на него.

— Боже, он великолепен. Уверена, что в том доме ничего не случилось?

Поскольку у нее лучшее чувство такта в мире, Кортни подождала целых две минуты, когда мы снова встретились после несчастного случая, прежде чем спросить, трахалась ли я с Купером в заброшенном доме. Я сказала ей, что тогда ничего не произошло, и с тех пор придерживаюсь своей истории.

— Ты имеешь в виду, помимо попыток остаться в живых в холодную зиму?

Она закатывает глаза.

— Ну, секс действительно согревает.

Я очень стараюсь не думать о сексе с Купом и о том, каким теплым было его обнаженное тело.

— Мой парень и его девушка только что умерли.

Это обычно заставляет ее замолчать, и, к счастью, на этот раз тоже. Потому что какие порядочные люди трахают друг друга, когда только что потеряли своих близких?

— Мне жаль.

— Все в порядке. — Я хватаю жареную картошку и рассеянно жую ее.

— Но мы ведь собираемся на эту вечеринку? — Я встречаюсь с ней взглядом, не чувствуя ничего, кроме крайнего беспокойства. — И я наконец-то собираюсь заполучить Купера.

Теперь я уверена, что мои глаза вылезли из орбит.

— Что?

— А что? Я имею в виду... я знала Арию...

— Да, моя мертвая сестра. Он встречался с ней. Может быть, тебе стоит подождать, прежде чем набрасываться на него?

И да... я большая лицемерка.

— Я просто предлагаю свою кандидатуру, Эв. — Она одаривает меня злобной ухмылкой, от которой у меня сводит живот.

Купер одинок. У меня нет на него никаких прав.

Но все же... каждая частичка меня хочет именно этого.

Глава тридцать четвертая

КУПЕР

День рождения Лиама.

Этот вечер должен был быть потрясающим. Лучшая вечеринка, которую мы когда-либо устраивали. Не знаю, почему мы так сосредоточились на этом, но это так. Здесь есть несколько бочонков, и алкоголь течет рекой. На нашем заднем дворе играет живая группа. В джакузи полно людей, несмотря на то, что для бассейна все еще слишком холодно, и многие бегают в купальниках.

На самом деле есть только один человек, которого я хочу видеть, и ее здесь нет.

Это неправильно. Я не должен хотеть ее видеть. И определенно не должен искать ее каждые две секунды, когда мне стоило бы веселиться. Я изо всех сил стараюсь дать нам обоим немного пространства, найти баланс между тем, чтобы быть рядом с ней и не быть совершенно дерьмовым другом Лиаму.

Я имею в виду... да, я трахал Эверли в том доме, но мы думали, что можем умереть в любой день. А теперь, когда вернулись к нашей реальной жизни? Все кажется неправильным. Каждая мысль об Эверли кажется такой же, как тогда, когда Лиам был здесь и был жив. Как будто я подонок, возделующий девушку своего лучшего друга.

А вот и она. Эверли проходит через задние ворота, одетая в черную майку, джинсы и кожаную куртку, с прямыми, распущенными длинными волосами... И я снова облажался.

Я — говнюк. Таращусь на нее, как влюбленный, изголодавшийся по сексу ублюдок, которым я и являюсь.

Она машет мне рукой, и я киваю в ее сторону, стараясь казаться невозмутимым. Все эти люди знали нас до аварии. Они все любили Лиама. Если бы они знали, что я делал с Эверли в том доме, и мысли в моей голове с незапамятных времен... Да, они бы меня возненавидели.

Ее надоедливая маленькая белокурая подружка рядом с ней, чертовски старается, но я не могу оторвать взгляд от Эв. Как и каждый гребаный раз раньше.

Они направляются ко мне, и я сосредотачиваюсь на Эверли.

— Не был уверен, что ты придешь.

Знаю, что она не знает, как относиться к Лиаму, и я не был уверен, стоит ли ее приглашать. Но он хотел бы, чтобы она была здесь. И я хочу, чтобы она была здесь.

Так что, повторяю, я эгоистичный придурок.

Эверли выглядит смущенной.

— Я тоже не была в этом уверена. — Она смотрит на Кортни так, словно хочет придушить свою подругу, что я нахожу забавным, учитывая, что обычно это я нахожусь по другую сторону этого взгляда. — Кое-кто действительно хотел прийти.

Смотрю в сторону этого кого-то, и девушка пристально смотрит на меня. Это, вероятно, должно было бы взволновать меня, но это не так. Я не хочу иметь ничего общего с цыпочкой, которая смотрит на меня так, словно может съесть заживо.

— Что ж, спасибо за это.

Кортни играет со своими волосами и хлопает ресницами, глядя на меня.

— Мы ни за что не пропустили бы это. — Девушка обнимает Эв за плечи. — Я имею в виду... этой девушке нужно быть рядом с людьми, которые любили ее парня так же сильно, как и она. — Она подмигивает. — Ну, может быть, не так сильно.

У меня внутри все переворачивается, и я стараюсь не думать о том, почему это так чертовски больно, что она любила его.

— Верно. Выпьете что-нибудь?

— Да. — Кортни практически подпрыгивает вверх и вниз, но Эв качает головой.

— Нет, спасибо. Не уверена, как долго я здесь пробуду.

— Хорошо. — Часть меня чувствует, что я умираю внутри, когда узнаю этот взгляд в ее глазах.

Она убирает руку Кортни, обнимающую ее, и поворачивается лицом к подруге.

— Иди с ним. Я собираюсь, — она выглядит такой чертовски потерянной, когда обводит жестом задний двор, — осмотреться.

Кортни, конечно же, не упускает возможности ухватиться за этот шанс, взяв меня под руку.

— Пойдем. Веселись, Эв. — Кортни бросает на нее умоляющий взгляд.

Я думаю, что она на самом деле пытается быть хорошей подругой для Эв, но просто совершенно, черт возьми, невежественна. Я позволяю ей оттащить меня от Эверли к бочонку. Кортни вздыхает, когда я наполняю для нее красную чашку.

— Как думаешь, она когда-нибудь снова будет в порядке?

Ну, черт возьми.

— Я не знаю. — Протягиваю ей чашку, и она делает глоток, пока я обдумываю лучший ответ. — Она через многое прошла.

— Да. — Кортни смотрит в сторону Эв, а затем снова на меня. — И ты тоже. И ты, кажется, приходишь в себя.

Отнюдь нет. Но я чертовски хорошо умею устраивать шоу.

— С ней все будет в порядке. Эв сильная. — Я не могу не наблюдать за ней, пока она перемещается между ребятами на вечеринке, неловко здороваясь со старыми друзьями. — Действительно сильная.

Когда снова оглядываюсь на Кортни, я чувствую ее подозрительный взгляд.

— Да. Она такая. — Ее напористость только возрастает. — Но она потеряла свою сестру и любовь всей своей жизни.

Я делаю глоток пива, с трудом сглатывая и пытаюсь отвлечься.

— Да. Я знаю.

Кaleb, старый школьный друг, неторопливо подходит к нам, прежде чем я успеваю придумать, что еще сказать, делает глоток и опустошает свою чашку.

— Черт возьми, Эв хорошо выглядит.

«Не убивай его».

— Да. — Я делаю глоток, и Кортни смотрит прямо на Калеба.

— Когда Эв плохо выглядела?

Кaleb улыбается Кортни.

— Верно. И ты тоже чертовски хорошо выглядишь, Корт.

Я закатываю глаза, делаю еще один глоток, стараясь не оглядывать переполненную вечеринку в поисках Эверли, пока слушаю этих двоих.

— Этого не произойдет, Кaleb.

Парень притворяется обиженным, когда наливает новую порцию.

— Может быть, я нацелен на Эв.

Кажется, я только что зарычал. Черт, это просто вырвалось из моего горла. И я метая кинжалы взглядом в своего друга.

— Кaleb.

Он пожимает плечами и, ухмыляясь, делает еще один глоток.

— Почему нет?

«Потому что я оторву тебе голову».

— Потому что она все еще горюет, придурок, — вставляет Кортни гораздо лучший ответ. Правда. И ложь. Все в одном.

Кaleb снова пожимает плечами.

— Я могу помочь ей горевать.

Мне нужно идти, но ноги не двигаются. К счастью, у Кортни полно слов.

— С твоим крошечным маленьким членом? Ей это не нужно. Никому не нужно.

Я на самом деле смеюсь над этим, и Кaleb легко парирует.

— Ну же, Корт. Не будь такой злобной. Ты же знаешь, я в любое время с радостью покажу тебе, как ты ошибаешься насчет моего члена.

— Почему бы вам двоим не пойти и не снять комнату?

Кортни фальшиво хихикает.

— Никогда. — Она игриво толкает его руку. — И даже ты не стал бы так злоупотреблять Эверли. Только самый дерьмовый из людей стал бы спать с ней, когда ей нужно время и друзья, чтобы пережить этот ужасный момент в ее жизни.

Блядь.

Может ли стыд на самом деле съесть тебя заживо?

Я думаю, что именно это со мной и происходит.

Глазами нахожу Эверли, она разговаривает с двумя девушками, которых я знаю, но не могу вспомнить их имен. Я определенно дерьмовый человек. Вместо того чтобы быть рядом с ней и просто поддерживать ее, я чертовски часто использовал ее тело. И все еще думаю о ее теле каждую гребаную ночь. Ладно, и день тоже.

— Верно, Куп?

Черт, она со мной разговаривает? Я снова перевожу взгляд на Кортни.

— Что?

Она смотрит на меня немного снисходительно.

— Я сказала, что мы должны быть рядом с ней, вытащить ее из квартиры, а не приставать к ней. — Она пристально смотрит на Калеба.

Парень смеется, поднимая руки в знак капитуляции.

— Отлично. Я могу быть хорошим другом.

Кортни улыбается, как будто чего-то добились, и делает глоток пива, но все, что я могу сделать, это изо всех сил стараться не пялиться на Эверли.

Вспоминаю множество вечеринок на этом самом заднем дворе, где рука Лиамы обнимала ее, держась за то, что принадлежало ему. Я хотел, чтобы это было моим. На самом деле я много лет был дерьмовым другом.

Ставлю свой стакан на стол.

— Мне нужно подышать свежим воздухом.

— Ты и так снаружи, чувак. — Калев смотрит на меня, как на сумасшедшего.

— О, да. — Я провожу пальцами по волосам. — Я имею в виду, мне нужно внутрь.

Они переглядываются, но мне все равно, я ухожу, потому что, блядь, больше не могу этого выносить.

Чувство вины убивает меня.

Глава тридцать пятая

ЭВЕРЛИ

— Мне действительно жаль, Эв. Даже не могу представить, каково тебе. — Это, наверное, сотый человек, который говорит мне это сегодня вечером, и, честно говоря, в данный момент я просто мечтаю уйти.

Знаю, что должна быть здесь. Я заботилась о Лиаме. Несмотря на то, что он изменил мне и разбил сердце. Даже если сейчас он ушел. Когда-то он был мне безразличен, так что я должна быть здесь.

Верно?

Но когда его старый друг Айзек говорит мне, как ему жаль, кладет руку на спинку качелей на крыльце, на которых мы сидим, и смотрит на меня печальным взглядом, все, о чем я могу думать, это бежать как можно дальше отсюда. Подальше от историй о Лиаме. Подальше от жалких взглядов. Подальше от всего.

У меня все было хорошо. Общались с незнакомыми людьми в кампусе, слышала шепот за спиной, убеждая себя, что они говорят не обо мне. Но здесь... Я знаю, что они говорят обо мне.

Знаю, что они скучают по Лиаму.

Знаю, что они беспокоятся обо мне и Купе.

И это все чересчур.

Не говоря уже о том, что Айзек слишком много выпил.

— Я в порядке.

Он изучает мои глаза и выглядит огорченным. Я знаю, что они с Лиамом были близки. Не так близки, как Лиам и Куп, но они были друзьями со средней школы.

— Я скучаю по нему.

Я чувствую, что могу умереть.

Могу на самом деле вспыхнуть пламенем и рассыпаться на куски. Я имею в виду, что не хочу, чтобы он был мертв. Но он изменил мне. Я доверяла ему свое тело и сердце, а он обманул. И даже не сказал мне об этом. Не дал мне никакого ощущения завершенности. Он просто, блядь, умер.

— Я знаю.

— Хотя он бы не хотел, чтобы ты грустила, Эв. Я это прекрасно знаю.

Я почти не обращаю внимания на его болтовню и замечаю Калеба и Кортни, целующихся у очага посреди двора.

Меня беспокоит образ того, как они ощупывают друг друга, но я испытываю тошнотворное облегчение от того, что она сейчас не сосет лицо Купа. Я понятия не имею, где он. Купер вошел в дом сразу после того, как мы приехали сюда, и с тех пор я его не видела.

— Он бы хотел, чтобы ты была счастлива.

Что?

Я поворачиваюсь, чтобы спросить Айзека, о чем именно он говорит, как раз в тот момент, когда его губы прижимаются к моим. Что за?.. Я отталкиваю его от себя.

— Что ты делаешь?

Он выглядит потрясенным.

— Эв...

— Нет. — Я встаю. — Он хотел бы, чтобы я была счастлива? Значит, он хотел бы, чтобы ты целовал меня?

Я пристально смотрю на него, осознавая, что люди вокруг нас наблюдают, но мне все равно.

— Я просто... имею в виду... ты мне всегда нравилась.

О, боже мой. Я качаю головой и складываю руки на талии.

— Ты любил Лиаму и решил подцепить меня на его дне рождения?

— Я просто... имею в виду, что он хотел бы, чтобы ты была счастлива.

— Что, черт возьми, происходит? — Мы оба поднимаем глаза и видим Купера, стоящего там, его взгляд темный и злой.

Айзек встает, выглядя немного неуверенно.

— Ничего, чувак. Просто недоразумение.

— Недоразумение? Серьезно? — Куп придвигается ближе, и я не уверена, что когда-либо видела его более разозленным. — Ее парень, черт возьми, умер.

— Я знаю. — Айзек нервно засовывает руки в карманы. — Я тоже скучаю по нему...

— Так держи свои гребаные руки и губы подальше от его девушки. — Мои глаза встречаются с глазами Купа, и я не упускаю из виду боль, горящую в них. И чувство вины. Несмотря ни на что, он протягивает мне руку. — Пойдем.

Я беру его за руку и следую за ним внутрь. Мы проходим мимо старой комнаты Лиамы и направляемся в его, где Купер закрывает дверь. Я потрясена и так зла на себя за это. Это не первый раз, когда ко мне пристают, когда я была недоступна, но сейчас все кажется по-другому.

Купер смотрит мне в глаза с таким беспокойством, что у меня слабеют колени.

— Ты в порядке?

Я тупо киваю головой, наслаждаясь ощущением его пальцев в моих волосах и его тела так близко к моему.

— В порядке. Это ничего не значило.

— Он поцеловал тебя. Я видел.

Я снова киваю.

— Всего секунду. Я оттолкнула его. Я... — Мои глаза встречаются с его глазами в полумраке комнаты. — Я не хотела его.

— Я знаю. — Он притягивает меня ближе. — Я такой гребаный лицемер.

Прежде чем успеваю спросить, о чем он говорит, его губы встречаются с моими, и я теряю всякую мысль. Внезапно остались только я и Куп.

Он касается моих губ, а затем его языком проникает в мой рот. Я не могу думать и не хочу думать. Не хочу чувствовать ничего, кроме этого. Мне это нужно, и думаю, ему тоже.

Купер стягивает мою куртку с плеч. Мы двигаемся к кровати, наши губы и языки говорят сами за себя.

Я стягиваю его черную футболку через голову и скольжу своими пальцами по его безупречному прессу, обводя каждый выступ.

— Черт, Эв, — выдыхает Куп и снимает с меня майку, бросая ее за спину.

Ногами чувствую край кровати. Я расстегиваю его джинсы и стягиваю их, в то время как Куп скользит руками по моим волосам. Он спускает мои джинсы вниз, пока мы оба не остаемся в нижнем белье.

Потом перемещает губы на мою шею, сводя меня с ума от желания и потребности, пока я не начинаю задыхаться, тяжело дыша и умоляя его быть внутри меня.

— Мне это нужно.

Я расстегиваю лифчик и отбрасываю его, его взгляд опускается на мою грудь.

— Мне тоже.

Я киваю, снимаю стринги и сажусь на кровать, стягивая его боксеры достаточно низко, чтобы освободить напряженный член. И почти задыхаюсь от душераздирающей боли внутри, нуждаясь в его прикосновении больше, чем позволяю себе признать.

Понятия не имею, насколько это саморазрушительно. Не знаю, что это значит или что мы будем чувствовать завтра, но мне все равно.

Не сейчас.

Притягиваю его к себе, и Куп целует меня с силой, разжигая во мне огонь. Мне хочется провести время, исследуя его тело, но я слишком нуждаюсь в нем, и думаю, что это взаимно.

Мое тело совершенно готово для него, и он, должно быть, чувствует это, потому что входит в меня жестко и резко, как раз так, как мне это нужно.

Мы оба громко стонем, желание пробивается на поверхность и не отпускает нас.

— Черт, как же я скучал по этому. — Он впивается зубами в мою шею, я выгибаю спину навстречу ему, хватаю пальцами его голую задницу и притягиваю его глубже в себя.

— Я тоже, — выдыхаю, когда его член попадает в идеальное место внутри меня, заставляя меня сжиматься вокруг него. — Да, вот так.

Купер ухмыляется, уткнувшись в мою голую кожу, ведя себя как дерзкий ублюдок, которого я знаю, и осторожно прикусывает мой сосок, заставляя меня выгибаться еще сильнее.

— Я знаю.

Я даже не могу закатить глаза от его высокомерия, потому что его член чувствуется слишком хорошо, погруженный в меня, толкаясь под идеальным углом и задевая мою точку G.

— Куп.

Он снова находит мои губы, когда рукой проходит между нами и находит мой клитор.

— Эв, — выдыхает он между поцелуями.

— Я уже близко.

Его лоб прижимается к моему, пока он работает над моим клитором и наполняет меня снова и снова с идеальной скоростью, сводя меня с ума.

— Тогда кончай.

— Такой чертовски властный.

— Тебе это нравится. — Он улыбается и медленно целует меня. Я целую его в ответ, потому что мне нравится его властная сторона. Мне так много нравится в Купе, что это убивает меня.

Мои бедра дрожат, и я чувствую знакомое нарастающее покалывание по всему телу, дающее понять, что я на грани оргазма. Пальцами впираюсь в его спину, когда его имя срывается с моих губ, и позволяю экстазу овладеть мной.

Купер кончает в то же самое время. Его член дергается внутри меня, его бедра продолжают толкаться. Мы не пользовались презервативом. В этом действительно не было необходимости. Я чувствую его сперму внутри, когда возвращаюсь на землю, и его тело прижимает меня к матрасу.

Мне нравится ощущение его веса. Нравится его освобождение внутри меня.

И я закрываю глаза, ожидая неизбежного.

Чувства вины и сожаления.

Глава тридцать шестая

КУПЕР

Эверли в моих объятиях. Снова. После нескольких месяцев. Она здесь, ее теплое тело прижимается ко мне. Мы лежим в моей постели.

Кто, черт возьми, знал, что мне понравится это чувство?

Я так чертовски скучал по этому. Чувствую момент, когда она просыпается, и ее тело напрягается напротив моего.

«Только не злись на меня».

Эверли поворачивается в моих объятиях и смотрит на меня.

— Привет.

Ее губы растягиваются в легкой улыбке.

— Привет.

— Ты в порядке?

Она медленно кивает, но я вижу беспокойство в ее глазах.

— Да.

— Эверли...

— Купер. — Она улыбается и проводит рукой по моей щеке. — Я не схожу с ума.

Изучаю ее лицо, приподняв бровь.

— Нет?

— Нет. Я хотела этого. — Она кладет голову на мое плечо и прижимается ближе ко мне, ее рука покоится на моем сердце. — С тобой я чувствую себя в безопасности, Куп.

Улыбаюсь, но мое сердце немного болит при этой мысли, потому что я слышу «но», скрытое где-то там.

— Но?

Эв встречается со мной взглядом, когда наклоняет голову ко мне.

— Но... я также вижу боль в твоих глазах, когда тебя мучает желание поцеловать меня. Я слышала, как ты называл себя лицемером.

— Это моя проблема. Не твоя.

— Но в том-то и дело, что твои проблемы становятся моими, если мы хотим продолжать это делать.

— Я знаю. — Боже, я знаю. И не могу представить, как позволю ей уйти отсюда, несмотря на мою вину за то, что трахнул девушку моего лучшего друга. Снова.

— Но для тебя это всегда связано с Лиамом.

Я съеживаюсь, но не могу по-настоящему спорить.

— Я работаю над этим.

Девушка качает головой и садится, натягивая простыню на обнаженную грудь, когда смотрит на меня сверху вниз.

— Ты не должен этого делать. И, Куп...

— Не надо. — Я притягиваю ее обратно в свои объятия, не желая отпускать. — Пожалуйста, не надо.

— Есть причина, по которой мы продолжаем отталкивать друг друга.

— И снова притягивать друг друга.

Я чувствую, как слеза падает на мою обнаженную грудь, и ненавижу ту боль, которую это причиняет ей.

— Нам нужен перерыв. Типа, настоящий перерыв.

— Не делай этого.

Эверли снова садится, но на этот раз хватает свою майку и надевает ее, а затем стринги и джинсы. У меня нет сил встать и столкнуться с этим. Я не хочу, черт возьми, никакого перерыва.

Она садится на край кровати и поворачивается ко мне. Я сажусь ровно настолько, чтобы прислониться спиной к изголовью кровати.

— Ты чувствуешь, что предаешь Лиаму, и, возможно, так оно и есть. И я... — Она расчесывает волосы пальцами. — Я не знаю, что это такое было.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что потеряла своего парня и свою сестру за считанные минуты, а потом мы боролись за наши жизни. Так что не знаю, был ли секс частью выживания, или это было нечто большее... Или что это было, Куп?

— Мы не пытались выжить прошлой ночью.

Ее глаза пронзают меня насквозь.

— Разве нет? Разве это не все, чем мы занимались после аварии?

Я изучаю ее глаза, такие полные сожаления и печали.

— Значит это все что было? Утешение?

— Может быть. — Ее ответ ранит сильнее, чем я хочу признать.

— Серьезно? — Я встаю и натягиваю спортивные штаны, бросаюсь к краю кровати и становлюсь перед ней. — Может быть? Все, что было между нами, было просто утешением?

Эверли выглядит побежденной, ее маленькие плечи поникли, а на глазах выступили слезы.

— Я не знаю. — Она встает, ее разочарование очевидно. — Понятия не имею. Все это перемешано и запутано, и я ни хрена не понимаю, что все это значит. Лишь знаю, что никогда не чувствовала себя в большей безопасности, чем в твоих объятиях, но это был чертов опыт выживания. Я не знаю, Куп. И ты тоже не знаешь

— Я знаю.

— Чувшь собачья. Ты купаешься в чувстве вины. Я? — Она указывает на свою грудь. — На самом деле у меня этого нет, потому что, как оказалось, Лиам был обманщиком, и я ему ничего не должна. И, может быть, есть немного вины за то, что Ария встречалась с тобой, но ты... — Она указывает на мою грудь. — Ты тонешь в чувстве вины, потому что Лиам так много значил для тебя.

«Скажи ей, что она значит для тебя больше. Скажи эти гребанные слова, Куп».

— Эверли...

— Не надо. — Она поднимает руку, чтобы заставить меня замолчать. — До аварии, да... У меня были фантазии о тебе. И я не была идеальной девушкой, но не знаю, что это были за фантазии. Возможно, это была просто похоть или что-то в этом роде. Все размыто и перепутано.

— Ты знаешь, сколько ночей я пролежал в этой кровати и... — Я сердито указываю на общую стену с другой спальней в доме. Его спальней. — И слушал вас двоих? Желая, чтобы это был я? А теперь ты собираешься сказать мне, что все, что произошло в том доме, было чем? Утешением? Выживанием?

— Да. — Эверли выпрямляется, и я вижу, как она напряжена. — Ты лежишь здесь и думаешь о том, чтобы трахнуть меня вместо него? Это похоть. Фантазия, которая осуществилась, когда мы застряли у черта на куличках.

— К черту это. Это была не просто похоть.

«Скажи больше».

Но, кажется, я не могу произнести ни слова. У меня кружится голова, и я знаю, что какая-то маленькая часть меня боится, что она права.

— Нам нужен перерыв, Купер. — Она нежно проводит ладонью по моей щеке. Я хочу прижать ее к себе, но позволяю ее руке упасть. — Нам нужно время, чтобы погоревать и выяснить, кто мы такие без Арии и Лиамы. Нам нужно выяснить, кто мы такие одни после того, как были вместе в том доме.

— Разве мы не этим занимались?

Эверли печально качает головой.

— Не совсем. Я не могу видеть тебя в качестве опоры. Не могу звонить тебе, когда расстроена и волнуюсь. Мы не можем лечь друг с другом в постель. Нам нужно немного реального времени порознь.

— Я этого не хочу.

Она слегка улыбается.

— Я тоже не хочу. Но нам это нужно. Мы должны... — Она выглядит бледной, почти больной, но затем делает глубокий вдох и смотрит на меня. — Мы должны начать встречаться. — Уверен, что выгляжу непонимающим, но затем она уточняет: — С другими людьми.

— Ты хочешь, чтобы я трахнул кого-то другого?

Эверли морщится, но приходит в себя.

— Эта мысль выводит меня из себя, но может быть. Хотя я имела в виду реальные свидания. Познакомиться с кем-нибудь незнакомым. Сходить на ужин.

— Да, ну, Кaleb и Айзек были бы только за это. Хочешь, чтобы я это устроил?

Я злюсь, но мне все равно.

— Нет. — Эв обхватывает мое лицо своими маленькими ручками и требуют моего внимания.

— Я сказала «незнакомым». Люди, которые не знают Лиамы. Нам нужно выяснить, было ли то, что произошло в доме, вынужденной близостью или между нами было что-то реальное.

Я прижимаюсь губами к ее губам, жестко и наказывающе, принимая от нее поцелуй, который она неожиданно дарит. Она перемещает руки с моего лица на волосы, притягивая меня к себе, целуя в ответ и одновременно прижимая к себе.

— Это было по-настоящему.

Она кладет руки на мою грудь и отталкивает меня назад, чтобы дать себе пространство. Ее нижняя губа дрожит, и она качает головой.

— Нам нужен перерыв. Пожалуйста, не усложняй это больше, чем должно быть.

— Перерыв?

Она кивает, но не выглядит уверенной. Совсем нет.

— Да.

Я отступаю назад, и она направляется к двери.

— Отлично.

— Не будь таким. Я не имею в виду навсегда.

— Конечно. — Я не двигаюсь.

Я не могу заставить ее остаться и увидеть то, что прямо перед ней.

Эверли бросает на меня последний грустный взгляд, а затем открывает дверь, оставляя меня позади.

Уходит, чтобы узнать, кто она теперь.

Без меня.

Глава тридцать седьмая

ЭВЕРЛИ

— О, хорошо, ты жива. — Я свирепо смотрю на Кортни, которая стоит у моей двери слишком рано утром для меня.

Прошло два дня после вечеринки, а я все еще чувствую себя дерьмово. Видеть лицо Купера, когда я сказала ему, что, по-моему, нам нужен перерыв, было почти чересчур.

Но я продолжаю убеждать себя, что это правильное решение.

Я не хочу использовать его как опору. И если мы решим быть вместе, мне не хотелось бы постоянно задаваться вопросом, свела ли нас кошмарная случайность или все это реально.

— Что ты здесь делаешь?

Она протягивает мне кофе из моей любимой кофейни в кампусе.

— Предложение мира?

Я беру кофе и подношу к губам, делая щедрый глоток.

— Боже, как хорошо. — Жестом приглашаю ее войти, что она и делает. — А из-за чего нам нужно мириться?

Закрываю дверь, и подруга садится на мой диван, потягивая свой кофе.

— Ну, за то, что разбудила тебя.

Я киваю головой и тоже сажусь.

— Да, раньше я из-за этого убивала.

Кортни смеется, а затем ее лицо смягчается. Теперь она выглядит виноватой.

— И, конечно, за все эти разговоры о Купере.

— Не похоже, чтобы ты слишком много думала о Купе прошлой ночью, когда язык Калеба был у тебя в горле.

Она выглядит смущенной, но потом улыбается.

— Да... э-эм... у него определенно есть навыки, о которых я и не подозревала.

Я смеюсь.

— Мне необязательно это знать.

Она смеется и делает глоток.

— Но серьезно. Прости. Я понятия не имела.

Прикидываюсь непонимающей.

— Понятия не имею о чем?

Она наклоняет голову набок.

— Ты и Куп. Вы, ребята, встречаетесь, верно?

У меня болит грудь, когда думаю о нем, возвращаясь к разбитому выражению его красивого лица, когда я сказала ему, что нам нужен перерыв.

— Корт...

— Остановись. — Она поднимает руку в воздух, чтобы заставить меня замолчать. — Этого нельзя отрицать. И вообще, зачем тебе это нужно?

— Ну, наверное, потому что он встречался с моей сестрой, а я встречалась с его лучшим другом?

Она отмахивается от меня, но затем черты ее лица смягчаются.

— Послушай, я не знаю, что именно произошло, и это не имеет значения. Ария и Лиам... — Она выглядит смущенной, но продолжает: — Они ушли. Вы, ребята, можете быть вместе, если хотите.

— Но в этом-то все и дело. Я имею в виду... Мы бы не были вместе, если бы они не умерли.

Подруга пожимает плечами.

— Ты этого не знаешь. Я этого не знаю. Никто не знает. Между тобой и Купом всегда была какая-то связь.

Я уверена, что выгляжу такой же ошеломленной, как и чувствую себя, и мне приходится поднять челюсть с пола.

— Что? Связь ненависти?

— О, я тебя умоляю. — Подруга снова отмахивается от меня. — Я имею в виду, да, вы подначивали и припирались друг с другом, но ненависти никогда не было.

— Между нами ничего не было, когда мы с Лиамом были вместе.

Кортни закатывает глаза.

— Да. Я знаю, что не было. Но, девочка... Если вы с Купом хотите быть вместе, не сопротивляйтесь этому.

Я делаю глоток кофе и думаю о том, что она сказала.

— Что, если мы просто связаны травмирующим событием?

— Ну и что с того?

Сейчас я раздражена, потому что такие отношения не могут длиться долго.

— Кортни...

Она смеется.

— Вы, ребята, были друзьями раньше. Вы пережили что-то ужасное вместе. И между вами есть сексуальная химия. Для меня это звучит как длительная история любви.

— Или мы оба просто пытаемся держаться за прошлое.

— Эв, ну же. Это не так, и ты это знаешь. Я видела, как он смотрел на тебя на той вечеринке.

Я делаю глоток кофе и искоса смотрю на нее.

— Как ты могла что-то увидеть, когда лицо Калеба было приклеено к твоему?

Она смеется.

— Заткнись.

Подруга бросает в меня подушку с дивана, и я, смеясь, ловлю ее.

— Он любит тебя. И это дерьмо глубоко укоренилось.

При этом слове у меня перехватывает дыхание, и все мое тело напрягается.

— Л-любит?

Она закатывает глаза.

— Да. Любит. Перестань бороться с этим, Эв, добивайся того, чего хочешь. Ты, как никто другой, знаешь, какой короткой может быть жизнь.

— Я сказала ему, чтобы он встречался с другими людьми.

Кортни в ужасе смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

— Что ты сказала ему сделать?

Я пожимаю плечами, пытаюсь притвориться, что эта мысль меня не убивает.

— Нам нужно убедиться, что то, что между нами, реально.

— Ясно. И как этому поможет другая девушка, сидящая верхом на его члене?

Я съеживаюсь, и она качает головой.

— Эх, девочка.

— Я должна знать наверняка.

— Хорошо, но знай, что я на сто процентов против операции «Отшей парня, в которого влюблена».

Я закатываю глаза, но глубоко внутри чувствую тошноту.

Не хочу, чтобы Купер был с кем-то еще. Но действительно ли это означает, что я хочу, чтобы он был только со мной? Или это все мой эгоизм?

Глава тридцать восьмая

КУПЕР

— Что, черт возьми, с тобой не так?

Я смотрю на Келли, на лице которой написано отвращение и замешательство, когда она смотрит на меня.

— Что?

— В смысле что? — Она смотрит на мои колени, а затем снова на мое лицо. — Мы целуемся уже десять минут, а ты даже, блядь, не возбуждаешься.

Это потому, что мой член не хочет участвовать в этом перерыве, который, по мнению Эверли, нам нужен.

Очевидно, мой член хочет только ее. Что чертовски расстраивает, и я даже не написал ей ни одного сообщения за последние три недели.

Я пытаюсь сделать то, что она сказала. Пытаюсь встречаться с другими людьми.

Если цыпочка, с которой я встретился на вечеринке в доме Калеба, считается.

Скорее всего, нет.

Особенно, когда мой член не участвует в этом.

— Э-эм, извини. Наверное, я слишком много выпил.

Она морщит нос и смотрит на меня раздраженно.

— Ты совсем не пьян.

Ну, черт возьми. Способ вызвать парня на откровенность.

— Дело не в тебе.

— Какого черта, Купер? У тебя никогда раньше не было проблем с тем, чтобы трахнуть меня. Я имею в виду... Я знаю, что ты потерял свою девушку, но мы также оба знаем, что она не была твоей «долго и счастливо».

Теперь я злюсь и встаю с кровати.

— Ты, блядь, понятия не имеешь, какие у меня были отношения с Арией.

Келли закатывает глаза на меня, на самом деле, черт возьми, закатывает глаза, когда встает и перебрасывает волосы через плечо.

— О, пожалуйста. Все знают, что ты встречался с Арией только для того, чтобы добраться до Эв.

— Что? — Я стою там, чертовски потрясенный и раздраженный. И ладно, чертовски напуган. Все?

— Пожалуйста, Куп. Мы все видели, как ты смотрел на Эверли.

Я сажусь обратно на кровать, неуверенный, что мои ноги действительно смогут удержать меня в этот момент.

— Что за бред?

— Не бред. И мне жаль, что Ария умерла. Это отстой, но ты не можешь сказать мне, что все еще горюешь. И что так убит горем из-за потери, что твой член не работает.

— Пошла ты, Келли.

Это неправда. Я бы не поступил так с Арией. Заботился о ней. Конечно... это не была история вечной любви. Я не был влюблен, но, черт возьми, я действительно заботился о ней. Это не имело никакого отношения к Эв.

Так ведь?

Пробегаю пальцами по волосам, и вдруг чувствую именно то, о чем говорила Эверли. Все расплывается, и я изо всех сил пытаюсь вспомнить, что реально, а что нет. И чертовски ненавижу это.

— Эверли принадлежала ему.

И снова гребаное закатывание глаз.

— Да. Но ты здесь. С самого первого дня она держала тебя за яйца. И, честно говоря, я не совсем понимаю, что вас сейчас сдерживает, ребята. Разве только, — она кладет маленькую стервозную руку на бедро, — ты ей никогда не нравился.

— Пошла. Ты.

Она делает движение, чтобы уйти, но поворачивается, чтобы посмотреть на меня через плечо.

— Тебе и твоему члену нужно двигаться дальше.

Я теряю дар речи, когда она возвращается на вечеринку, оставляя меня в одной из спален в доме Калеба.

Что, черт возьми, только что произошло?

«Неужели все действительно знали о моей влюбленности или что там это, блядь, такое, к Эв? И Лиам? И Ария?»

Я откидываюсь на кровать, хватаю подушку и кричу в нее, заглушая свое разочарование, но ни в малейшей степени не подавляя его.

В чем, черт возьми, правда?

Глава тридцать девятая

ЭВЕРЛИ

— Значит, ты специализируешься на бизнесе?

Киваю головой в ответ, глотая красное вино, которое пью за ужином с Мэтью. Он хороший парень, работающий в библиотеке кампуса. Я пригласила его на свидание на прошлой неделе, не желая быть лицемеркой. Я имею в виду, что сказала Куперу, что нам обоим нужно попытаться двигаться дальше, а потом ничего не сделала с этим.

Мэтью хороший парень. Симпатичный и вежливый, в брюках и рубашке на пуговицах, в очках в темной оправе. Он хороший выбор.

— Да.

— Это здорово.

— А ты?

— Психология.

— Ого, ничего себе. — Делаю еще глоток. — Итак, ты хочешь стать психологом?

Парень кивает в ответ, и я не могу отделаться от мысли, что я, должно быть, магнит для врачей. Я ничего о нем не знала, когда приглашала на свидание, и все же у меня свидание с будущим врачом.

Я улыбаюсь, и мы сидим в тишине, которая совсем неудобна. Это неловко, и я много раз подумывала о том, чтобы придумать предлог и уйти, но в конечном счете переживаю мучительно тихий ужин.

Нет никакой искры.

Ничего.

Мэтью милый, и уверена, что если бы потрудились задать ему какие-нибудь вопросы, он бы ответил. Но я не нахожу в себе желания прилагать к этому какие-либо усилия.

Я так много раз во время ужина возвращалась мыслями к Куперу. Знаю, что это грубо, но ничего не могу с собой поделать. Интересно, у него сейчас свидание или нет? Что, если он влюбится в кого-то другого прямо сейчас, пока я сижу здесь, тыкая курицу вилкой и ожидая, когда принесут чек?

Я знаю, что травматические переживания усиливают чувства. И не могу перестать думать об этом. Были ли между нами чувства до аварии? Если бы это было так, я была бы еще худшим человеком, чем думала. Но кажется, что так оно и было.

Вспоминаю все те времена, когда я была иррационально зла на Купера, когда он флиртовал и целовал других девушек. Когда я набрасывалась на него после секса на одну ночь. И как расстроилась, когда узнала, что он встречается с моей младшей сестрой.

Это ненормально.

Это ревность.

Мои руки дрожат от того, как сильно правда ударила меня. Я всегда хотела Купа. Клянусь, я заботилась о Лиаме и никогда бы ему не изменила. Но в Купере всегда было что-то такое, что цепляло меня и никогда не отпускало.

А теперь я отправила его в объятия другой.

Но все же знаю, что нам обоим нужно быть уверенными. Я причинила ему так много боли, черт возьми. Ужасно вела себя с ним и хочу дать ему время убедиться, что наши чувства были настоящими.

Я в долгу перед нами.

Когда мы расплачивается, Мэтью провожает меня до своей машины и открывает дверцу, чтобы я забралась внутрь. Это тихая поездка обратно ко мне домой, где я благодарю его за ужин и уклоняюсь от поцелуя, поворачивая голову и позволяя его губам коснуться моей щеки.

Вся ночь была неловкой и укрепила мою уверенность в неоспоримом факте.

Я хочу Купера.

Но боюсь, что был нанесен слишком большой ущерб.

Переведено для группы: <https://vk.com/bookhours>

Глава сорок

КУПЕР

Анна милая. Полная противоположность мне и моему типу. Она специализируется на науке. Умная. Очень умная. И когда я пригласил ее на это свидание, изначально девушка отказалась.

Я улыбаюсь, вспоминая об этом, когда мы делаем заказ по меню в итальянском ресторане, где ужинаем.

Анна сказала, что просто хорошо проведет время и не будет влюбляться в меня только для того, чтобы я был счастлив, и что она сосредоточена на учебе. И ее руки все время дрожали.

Это было мило, и я знаю, что Анна хороший выбор для свидания.

Эверли хочет притвориться, что то, что у нас было, просто случайность... или какая-то утешительная ерунда во время травмирующего события... Хорошо.

Но такие девушки, как Келли, не смогут помочь мне в этом разобраться.

А вот Анна хороша для меня. Честно говоря, она немного напоминает мне Арию. Что, вероятно, чертовски извращено, но вот мы здесь.

Я заставляю себя сосредоточиться на коротких светлых волосах Анны и не представлять длинные темные локоны.

— Рада, что итоговые экзамены закончились?

Девушка робко улыбается мне и пожимает своими маленькими плечиками.

— Не совсем. Мне нравится учиться.

— В этом нет ничего плохого.

Она делает глоток воды, приподняв бровь, а затем ставит стакан обратно на стол, все еще глядя на меня с подозрением.

— Почему ты пригласил меня на свидание?

— Что? — Мои губы растягиваются в веселой улыбке.

— Я серьезно. Мы полные противоположности. — Она сдвигает очки на переносицу, и я улыбаюсь, мне нравятся ее очки.

— Противоположности притягиваются.

— Я все еще не могу отделаться от мысли, что мы в каком-то фильме девяностых или что-то в этом роде, и что ты заключил пари со своими друзьями.

Я хихикаю и тоже делаю глоток воды.

— Никакого пари. Я просто... — пожимаю плечами и делаю глубокий вдох, — решил, что пойти против правил было бы хорошо для меня. И это сработало.

— Да? — Она с любопытством улыбается. — Быть популярным человеком в кампусе не помогло?

Я снова смеюсь.

— Популярным? Я даже не занимаюсь спортом или чем-то таким, что могло бы снискать мне славу в кампусе.

— И все же, кажется, все знают, кто ты, Купер Кингстон.

Мы с Лиамом оба были популярны в кампусе только за счет наших вечеринок. Я знаю, что это правда, но по какой-то причине меня от этого тошнит. И это было до того, как мы на какое-то время стали главной новостью.

— Ну, тогда это была твоя улыбка.

Анна снова выглядит настороженной.

— Я нечасто улыбаюсь, особенно в классе.

Я ухмыляюсь этому, потому что это правда. Я не видел ее улыбки, пока не пригласил на свидание, и даже тогда она была настороженной. Эта девушка в основном серьезна.

— Вот именно. Твоя улыбка — или ее отсутствие — привлекла меня.

— Ага. Я даже не знаю, почему я здесь. — Нам приносят еду, и после того, как мы благодарим официантку, она вздыхает: — Мои друзья убили бы меня, если бы я сказала «нет».

— Сожалеешь об этом?

Анна пожимает плечами, но затем слегка улыбается.

— Пока нет.

— Вот и хорошо.

Мы начинаем непринужденную светскую беседу и ужинаем, но все равно, несмотря на то, что Анна мне действительно нравится, мой гребаный идиотский разум занят Эверли.

Весь вечер.

Мои мысли всегда с Эверли.

Черт возьми, я так устал от этого гребаного чувства. Мне интересно, где она и все ли с ней в порядке. Ходит ли на свидания? Мне снова придется терпеть, что Эв с кем-то другим?

После того, как высаживаю Анну у ее дома и благодарю за то, что она пожалела меня достаточно, чтобы посетить посредственное свидание, я возвращаюсь в свой пустой дом.

Когда захожу внутрь, мне звонят, и, видя, что это мама Лиамы, я сразу же отвечаю:

— Привет, все в порядке?

Ее голос звучит устало, но так же успокаивающе, как и всегда.

— Все в порядке. Я просто хотела пригласить тебя на нашу вечеринку по случаю Четвертого июля.

Мой желудок сжимается, и я сажусь на диван. Они устраивали вечеринку в честь Четвертого июля каждый год с тех пор, как мы с Лиамом родились. Я закрываю глаза и откидываю голову на спинку дивана.

— Купер? — В ее голосе звучит беспокойство, и этого достаточно, чтобы я заставил себя заговорить.

— Да... Да, я буду там.

Я слышу ее грустную улыбку.

— Хорошо, милый. Я рада. Можешь пригласить Эверли, если хочешь. Я не знала, стоит ли мне это делать. Может показаться, что я навязываюсь.

Я прочищаю горло, пытаюсь решить, что сказать. Сказать, что я не разговаривал с Эверли целый месяц, потому что мы трахались, и ей нужно пространство, чтобы убедиться, что чувства, которые я испытывал в течение многих лет, не фальшивые? Или, знаете ли... солгать?

— Я дам ей знать.

Но не стану.

Она и ее чертово пространство.

— Спасибо. Тогда увидимся. Береги себя, милый.

— Вы тоже.

Мы вешаем трубку, я переодеваюсь в спортивные штаны и растягиваюсь на диване перед телевизором.

Келли. Анна. Ария.

Никто из них не был и никогда не мог быть Эверли.

Глава сорок первая

КУПЕР

Фейерверк взрывается в небе, и все, о чем я могу думать, это что все это неправильно. Лиам больше нет. Это был его любимый праздник, что имеет смысл, потому что он был типичным настоящим американским парнем.

Черт возьми.

Боже, я скучаю по нему.

Каждый гребаный день. Я скучаю по нему. И чувствую себя виноватым. Это гложет меня, потому что я так и не смог посмотреть ему в лицо как мужчина и сказать, что был влюблен в его девушку.

Я сделал бы это, если бы он был жив?

Скорее всего, нет.

Я бы не смог причинить ему боль.

Но сейчас это все, о чем я могу думать. Что мы не можем поговорить об этом.

— Ты в порядке, милый? — Его мама сидит в шезлонге рядом со мной, пока ее муж запускает фейерверки на их огромном заднем дворе, как он всегда делал.

Я качаю головой.

— Нет.

Вместо того чтобы вернуться к шоу, она берет меня за руку и ведет в дом, подальше от вечеринки, на которой в основном собрались их друзья и некоторые из наших с Лиамом.

Когда раздвижная стеклянная дверь закрывается, она садится за стол и жестом приглашает меня сесть напротив нее.

— Мне так жаль, Купер.

— За что?

Она выглядит расстроенной, и мне это не нравится.

— Я знаю, как сильно ты скучаешь по нему. Боже, я тоже по нему скучаю.

Слеза скатывается по ее щеке, и у меня сжимается горло.

— Ненавижу то, что я учусь на врача, и не смог спасти его.

Она кивает, как будто уже знала это.

— Я знаю, что ты чувствуешь себя виноватым. Как и мы все. Но это не твоя вина, Купер.

— Вы не должны чувствовать никакой вины. Вы все сделали правильно.

Она усмехается над этим и качает головой, слезы текут по ее щекам.

— Нет. Я совершала огромные ошибки. — Она всхлипывает. — Но я не могу сказать, что сожалею о них.

— Например? — В моем животе оседает камень. Грядет что-то плохое, но я понятия не имею, что именно.

— Лиам был твоим братом.

Я немного наклоняюсь вперед в своем кресле и делаю глубокий вдох.

— Да. Был.

Она качает головой из стороны в сторону, и мое тошнотворное чувство только усиливается.

— Нет, Купер. Он был твоим настоящим братом. Или сводным братом.

— О чем вы? — Я кладу ладони на стол перед собой и немного откидываюсь назад.

Женщина вытирает глаза, но это бесполезно, потому что слезы текут без остановки.

— Купер, твой отец... — Я начинаю качать головой, прежде чем она заканчивает. — ...Был отцом Лиамы.

— Что за хрень? — Ее глаза расширяются, потому что я никогда не ругался при ней, но мне все равно. Я встаю и начинаю расхаживать по кухне. — Чушь собачья. Нет. Вы с мужем были счастливы. Джим — отец Лиамы.

Она медленно кивает, оставаясь на своем стуле.

— Да. Но не биологически.

— О чем, черт возьми, вы говорите? — Я сажусь обратно, отчаянно нуждаясь в ответах.

Чувство вины на ее лице говорит само за себя, но мне все равно нужно это услышать.

— Когда твоя мать была беременна тобой...

— Нет. — Я снова вскакиваю, не в силах усидеть на месте.

— Купер, пожалуйста, послушай меня. — Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на нее, мои колени дрожат, но я не сажусь. И все же она завладела моим вниманием. — Твои родители сильно поссорились. Твоя мама выгнала твоего отца, и он был в отчаянии.

Желчь поднимается у меня в горле, когда я плюхаюсь обратно, чувствуя, как меня охватывает онемение.

— Нет.

Женщина все еще плачет, но не так сильно, чтобы я не мог разобрать слов.

— В то время Джим был дальнобойщиком. Мы только поженились, и он хотел заработать для нас денег, чтобы начать новую жизнь и создать семью. Но мы не представляли, насколько трудным будет расстояние.

— Итак, вы трахнулись с моим отцом? — Она вздрагивает от тона моего голоса, и я сразу же чувствую себя неловко, но не извиняюсь.

— Один раз. Он пришел к Джиму, был злой и пьяный... С разбитым сердцем, но дома была только я. Мы потерялись в алкоголе и одиночестве, и зачали Лиама.

Мои руки дрожат, и я кладу их на колени.

— Джим знает?

— Да. — Она шмыгает носом и вытирает глаза. — Я рассказала ему все, как только он вернулся домой, ожидая, что он бросит меня. Но он простил. А когда я узнала, что беременна, Джим сказал мне, что воспитает Лиама как своего собственного, и сделал это.

Иисус Христос. Как кто-то может быть таким самоотверженным? Потому что Джим был не просто отцом, он был величайшим отцом, на которого кто-либо мог надеяться. И он сделал это, зная, что его жена была неверной.

— Только один раз?

Она выразительно кивает.

— Мы не были влюблены. Он был на седьмом небе от счастья из-за твоей матери.

— Да. Он хорошо это показал.

Мама Лиама снова морщится от язвительности, сквозившей в моем голосе, но ее лицо остается серьезным, когда она поднимает подбородок.

— Никогда не сомневайся в этом. Твой отец сложный человек, и я знаю, что он не был хорошим отцом для тебя, но он любил ее. Когда твоя мама умерла, это сломило его, Купер.

Меня бесит ее привязанность к моему отцу. Из-за Джима и Лиама. И из-за меня. Все кажется гребаной ложью.

— Он трахал кого-то другого, пока она была беременна. Еще и без презерватива. Мило.

Она делает глубокий вдох.

— Не все черно-белое, Купер. Мы совершили ошибку из-за горя, но это привело к Лиаму. И я не могу и никогда не буду сожалеть об этом.

— Горе?

— Когда твоя мать выгнала его, он думал, что потерял самую большую любовь в своей жизни. Он был в отчаянии. И мне было одиноко.

Я потираю рукой щетину на подбородке, думая о том, как был в доме с Эверли, и она думала, что мы потерялись в горе.

Я встаю со стула.

— Нет, черт возьми. Нет. Вы не можете винить только это. Там должно было что-то быть. Искра или что-то в этом роде.

Сейчас она смотрит на меня с подозрением, и мне не нравится ее уязвимость.

— Мы были друзьями, но никто из нас не хотел ничего большего. Ни до, ни после.

— Значит, это было просто так? Из-за горя и одиночества?

Она кивает головой, все еще изучая меня.

— Да.

Мое нутро сжимается, и не знаю, злюсь ли я больше из-за этого или из-за долгих лет лжи. Но потом думаю о своем лучшем друге, и мои глаза устремляются к его матери.

— Лиам знал об этом?

Она сглатывает, а затем печально кивает головой, когда слезы снова начинают течь.

— Да. Я сказала ему примерно за месяц до его смерти.

Мои глаза расширяются. Он знал. Лиам, блядь, знал, и ничего мне не сказал.

— Он мне не сказал.

Женщина встает и подходит к стулу поближе ко мне, садится рядом и кладет руку мне на плечо.

— Он был расстроен. Очень. Уверена, он не хотел, чтобы ты чувствовал себя также.

Я недоверчиво качаю головой из стороны в сторону. Как он мог скрыть это от меня? Мы жили вместе.

— Он должен был сказать мне. И мог бы это сделать.

Она кивает.

— Он был расстроен. И злой. — Теперь она всхлипывает, прикрывая рот, прежде чем опустить руку. — Я не жалею о том, что привело его в этот мир, но если бы я могла взять свои слова обратно и не говорить ему об этом, я бы так и сделала.

— Тогда зачем вы мне это рассказываете?

— Потому что тебе нужно простить себя, Купер. Ты держал нас на пьедестале с тех пор, как я тебя знаю, но мы все несовершенны. Каждый из нас. Тебе нужно это знать.

Она проводит рукой по моей щеке, и я едва сдерживаю слезы.

— Черт.

Она вздрагивает, но затем вздыхает, кивая головой.

— Он потерял себя, когда я сказал ему правду. Но прямо перед смертью мне показалось, что он простил меня. Он сказал мне, что Джим всегда был и будет его отцом.

— Он и был его отцом.

Она кивает в знак согласия.

— В ту ночь, когда я сказала ему... — Я смотрю в ее глаза, полные вины, и все становится на свои места.

— Он изменил Эверли.

Она на мгновение отводит взгляд, а затем кивает.

— Он не считал это оправданием. Но он сказал мне — ну, вернее накричал на меня, — что так напился, что изменил любви всей своей жизни с незнакомкой.

«Черт, Лиам. Почему ты, блядь, не поговорил со мной?»

Я смотрю в потолок, думая, что он каким-то образом может услышать меня.

— Я все еще не понимаю, как он мог это сделать.

— Я чувствую себя ужасно из-за этого. Знаю, что давным-давно запустила цепочку событий. Но теперь ты понимаешь, что мы все несовершенны.

Я встаю.

— Мне нужно идти.

Она кивает и всхлипывает. Я не могу этого вынести и успокаивающе кладу руку ей на плечо.

— То, что он сделал, было на нем. Вы совершили ошибку. Они случаются. Мне просто нужно время, чтобы разобраться с этим.

Она встает и обнимает меня.

— Лиам хотел бы, чтобы ты был счастлив. Он был твоим братом, даже если ты не знал об этом до сих пор, а он не знал об этом долгое время. Вы всегда были братьями.

Чувство вины только усиливается, но я крепко обнимаю женщину и прощаюсь, прежде чем уехать.

К тому единственному человеку, которого я не должен желать.

Потому что Лиам был моим братом, а я влюблен в женщину, которую он любил.

Глава сорок вторая

ЭВЕРЛИ

— Куп?

Он стоит за моей дверью и выглядит таким чертовски расстроенным, что я не знаю, что делать. Мне хочется обнять его и никогда не отпускать.

— Он был моим братом.

Уже поздно, сегодня Четвертое июля, но, как неудачница, я осталась дома, в своей квартире... думала о нем.

— Кто? Лиам? — Он проводит пальцами по волосам, выглядя таким чертовски потерянным. — Я знаю, что...

— Нет. — Купер качает головой из стороны в сторону. — Нет, он был моим настоящим братом.

Он что, пьян? Я так не думаю. Тяжело вздыхаю, предполагая, что чувство вины действительно овладело им. Может быть, потому, что это был любимый праздник Лиамы?

— Я знаю, что он был тебе, как брат. Все в порядке, Купер.

Он прижимает руку к сердцу, и я замечаю, что его глаза блестят от непролитых слез.

— Нет. Эв. Он был моим кровным братом. У нас был один и тот же гребаный отец.

Я уставилась на него, разинув рот, и теперь только качаю головой.

— Это неправда. Его отец — Джеймс.

Он смеется, но как-то невесело.

— Да. У него был самый лучший гребаный отец, но не единокровный, потому что мой чертов отец должен был сунуть свой член туда, где ему не место.

Я в шоке смотрю на него и пытаюсь осмыслить его слова.

— Что? Как это вообще...

— Его мама трахалась с моим отцом, когда моя мама была беременна мной. На самом деле мы были братьями, Эв, а я не знал.

На этот раз я действительно обнимаю его за талию и притягиваю его тело к себе.

— Ты уверен?

Я чувствую, как его руки обвиваются вокруг меня, и он крепко обнимает меня.

— Да, она только что рассказала мне.

Я смотрю ему в глаза, когда он подносит руки к моему лицу, удерживая мой взгляд. И пытаюсь осмыслить эту информацию, пока мы стоим в дверях моей квартиры.

— Лиам знал об этом?

Купер медленно кивает головой, его пальцы скользят по моим волосам, когда он держит меня.

— Да. Она рассказала ему примерно за месяц до его смерти.

Месяц. Мои глаза расширяются, но остаются прикованными к нему, и он наблюдает, как осознание пронизывает меня.

— Когда он изменил?

Купер кивает.

— Лиам был расстроен и зол. Но все равно не имел права причинять тебе боль.

— Я знала, что что-то не так. Что-то было не так. Думаю, поняла в тот момент, когда он мне изменил. Но я позволила себе увлечься всем остальным.

— Мне так чертовски жаль, Эверли. Обо всем.

Я качаю головой и прижимаю его ближе к себе.

— Нет. Тебе не за что извиняться. Он не сказал тебе...

Купер слабо улыбается мне.

— Эй, теперь я знаю, каково это, когда мне чего-то не говорят.

Ему чертовски больно, а я не хочу этого.

— Иди сюда. — Я тяну его за собой и закрываю за нами дверь. Мы садимся вместе на диван, он обнимает меня за плечи. — Прости меня, Купер.

— За что ты извиняешься?

Я поднимаю голову, чтобы посмотреть на него.

— За все. Все до единой вещи. За то, что была такой сукой по отношению к тебе. За то, что оттолкнула тебя. За то, что Лиам предал тебя. За то, что твой отец лгал тебе. — Я поворачиваюсь так, чтобы быть лицом к нему, протягиваю руку и обхватываю его щеку. — Ты невероятно сильный. И мне так жаль, что я такая чертовски слабая.

— Ты совсем не слабая.

— Это неправда. — Я выдерживаю его взгляд. В его глазах боль, но они все равно прекрасны. Он прекрасен. — Я твердила себе, что мои фантазии о поцелуях с тобой были нормальными, что ты был как кусок мяса или что-то в этом роде. И что для людей нормально фантазировать. Твердила себе, что ненавижу тебя, и что между нами будет только секс, если что-нибудь случится.

— Не надо, Эв. — Его голос почти срывается, и я улыбаюсь, глядя его лицо и заставляя себя продолжать:

— Но все это было чушью собачьей. Потому что, когда ты приходил домой и рассказывал нам о том, что получил пятерку или награду, я испытывала это безумное чувство гордости и была так счастлива за тебя. А потом набрасывалась на тебя, как стерва.

— Ты не стерва.

Я улыбаюсь.

— Всегда защищаешь меня.

— Я люблю тебя.

Я вздрагиваю от его слов, но никто из нас не двигается. Мы больше не убегаем.

— Я тоже тебя люблю.

Он изучает меня мгновение, а затем подозрительно приподнимает бровь.

— Ты сказала мне встречаться с другими людьми.

— Сказала.

— Почему?

У меня болит сердце.

— Потому что хотела быть уверенной. Я хотела знать, что, если мы сделаем это, — я опускаю руку, чтобы прикрыть его сердце, — это будет навсегда. Что бы мы не проснулись через год или десять и не обвинили бы в этом случайность или горе.

Что-то мелькает в его глазах, и он накрывает мою руку на своей груди.

— Нет. Дело было в этом. Возможно, они трахались из-за горя и одиночества, но не мы.

— Кто? — И тогда приходит понимание. — Ох. Поэтому они...

— Она сказала, что Джим всегда был в разъездах, и ей было одиноко. А мой отец думал, что потерял мою маму, но это не имеет значения. Может быть, это их правда, но я люблю тебя уже много лет. Задолго до этой гребаной аварии. Это не было горем или страхом. Наконец-то я смог заполучить тебя.

— Я всегда буду немного ненавидеть себя за то, что признаюсь в этом вслух, но я тоже хотела тебя. Для меня тоже ничего подобного не было. Я скучала по Лиаму. Думала, что умру от боли, потеряв Арию, но когда была с тобой... — Я наклоняюсь вперед и касаюсь его губ своими. — Это было потому, что я хотела тебя.

— Думаю, что мы всегда будем чувствовать себя виноватыми, но должны перестать наказывать себя. Я хочу тебя, Эверли. Мне больше никто не нужен.

Я улыбаюсь, мое сердце воспаряет от его слов. И забираюсь к нему на колени и встречаю его губы своими, нежно целую его.

— Я люблю тебя и хочу тебя. Мне жаль, что Лиам не сказал тебе о том, что вы братья... Но думаю, что понимаю, почему.

— Почему? Он мог рассказать мне все, что угодно.

Я кладу руки ему на плечи и отстраняюсь, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Лиам не хотел, чтобы тебе было больно. Точно так же, как ты хотел меня, но ничего не делал с этим, потому что не мог вынести, когда ему было больно. Вы двое были братьями, даже не подозревая, что у вас общая кровь.

— Черт, Эв, — выдыхает он, и я обхватываю его лицо обеими руками, притягиваю его рот к своему и целую его со всей страстью, которую чувствую.

Потому что я влюблена в Купера и больше не борюсь с этим.

Переведено для группы: <https://vk.com/bookhours>

Глава сорок третья

КУПЕР

— Ты такая чертовски красивая.

Эверли улыбается мне сверху вниз, оседлав мою талию в нашей кровати. Мы вместе с той ночи, несколько месяцев назад, в ее квартире. Когда рассказал ей о том, что Лиам — мой брат, я знал, что могу либо погрязнуть в чувстве вины и гнева, либо, наконец, добиться того, чего хотел.

К счастью, Эв оказалась того же мнения.

Эверли поворачивается и смотрит в окно, ее волосы спадают на грудь. Она одета в мою рубашку, как обычно по вечерам.

— Идет снег. Ненавижу этот гребаный снег.

Я смеюсь.

— О, да ладно тебе. У нас есть и приятные воспоминания о снеге.

Эверли снова смотрит на меня, игриво сверкая глазами.

— Нет. Я ненавижу снег. — Она скатывается с меня и ложится рядом. Мой член, оживившись, когда Эв забралась на меня сверху, мгновенно сучает по ней. — Я предпочитаю трахаться в нашем теплом доме, и чтобы мне не нужно было согреваться огнем, а только термостатом.

Я усмехаюсь над этим. Мы переехали в этот съемный дом, примерно через месяц после того, как наконец-то решили быть вместе. Я больше не мог жить в доме, который делил с Лиамом, и мы были готовы к этому.

Как бы плохо все ни было раньше, сейчас все чертовски хорошо. Я переворачиваюсь так, что нависаю над ее телом, поддерживая свой вес на локтях.

— Мне это нравится. — Мои пальцы скользят по ее шраму от аварии, которая изменила нашу жизнь, а затем мои губы скользят вниз по гладкой коже ее шеи. — Но давай будем честными, я бы трахнул тебя где угодно.

— Так романтично. — Я чувствую, как она улыбается, уткнувшись лицом ей в шею, а когда опускаю руку вниз, задирая ее рубашку, тоже улыбаюсь, когда обнаруживаю, что она не надела трусики прошлой ночью.

— Я чертовски романтичен. — Я стягиваю боксеры со своей задницы и проскальзываю между ее ног, застонав, когда обнаруживаю, что она уже влажная для меня, прежде чем вонзаюсь в нее. Ее спина выгибается, когда она притягивает меня для поцелуя.

— Очень, — стонет Эверли, двигая бедрами вместе с моими, ее тело реагирует на наш ритм. Зубами покусывает мою челюсть, когда я двигаюсь в ней и выхожу из нее, ее тело принимает каждый карающий толчок. — Нам нужно поторопиться. Сегодня у меня выпускной экзамен.

Я ухмыляюсь, нащупывая большим пальцем ее клитор и вырывая у нее стон.

— Я могу это сделать. Ты можешь?

— Да, — выдыхает она, выгибая спину навстречу мне. — Вот так.

— Я не могу кончить, пока ты этого не сделаешь. Ты знаешь правило. — Она улыбается, когда я врываюсь в нее, поглаживая ее клитор. Мы стали довольно хороши в быстром сексе по утрам, прежде чем начинать наш день, и не проходит много времени, как она задыхается и хватается меня за волосы. Ее киска выжимает жизнь из моего члена, прежде чем я изливаюсь в нее.

Я падаю на ее маленькое тело, опираясь на одну руку, и улыбаюсь, глядя ей в глаза.

— Черт.

Она улыбается.

— Ага. А теперь мне придется окунуться в это мерзкое дерьмо.

Хихикаю. Она действительно чертовски ненавидит снег. Я скатываюсь с нее и хватаю свой телефон.

— Это твой последний экзамен?

Она кивает, встает и вытягивает руки над головой, отчего моя рубашка задирается на ее бедрах.

— Да.

— Хорошо. Хочешь уехать на рождественские каникулы?

Она наклоняет голову набок и смотрит на меня, как на сумасшедшего, когда снова садится на кровать.

— Ты что, блядь, с ума сошел?

Боже, я люблю эту женщину.

— Я думал о том, чтобы купить машину...

— Купер гребаный Кингстон, клянусь, я убью тебя.

Я ухмыляюсь и показываю ей фотографию на своем телефоне.

— Машину, чтобы отвезти нас в аэропорт, чтобы мы могли убраться к чертовой матери с холода. — Она смотрит на фотографию пляжного домика, который я снял на три недели. — Три недели. Солнце и песок. Тепло. Никаких шансов на метель.

Теперь Эверли широко улыбается.

— Когда мы уезжаем?

— Завтра утром.

— Да! — Она откидывается на кровать, утыкаясь головой мне в плечо. — Я готова. Это звучит потрясающе. — Она просматривает фотографии на моем телефоне. — Ух ты. Ты действительно хорошо меня знаешь, да?

Я улыбаюсь и целую ее в макушку.

— Ну, ты преподносишь сюрпризы. Я никогда не буду считать, что знаю о тебе все.

— Очень умно.

Она возвращает мне мой телефон, переворачиваясь на живот, чтобы посмотреть на меня.

— Спасибо.

— Для протокола, ты единственный человек, с которым я не против где-нибудь застрять. И делал бы это снова и снова, если бы пришлось.

Она нежно целует меня в губы.

— Я тоже, но мне бы это не понравилось.

Я смеюсь, но смех быстро утихает.

— Я вчера разговаривал с мамой Лиамы.

— И? — Она напрягается, но не отстраняется от меня.

— Я не стыжусь того, что мы вместе, Эв. И хочу, чтобы все знали, включая ее.

Она выглядит обеспокоенной, покусывая нижнюю губу.

— Что она сказала?

Я улыбаюсь и провожу рукой по ее волосам.

— То, что я и думал. Что она рада за нас. И что мы должны прийти к ним на рождественский ужин.

Она, кажется, испытывает облегчение, выдыхая воздух.

— Ты сказал ей, что увозишь меня?

— Да, и я думал, что у нее будет сердечный приступ, пока не заверил ее, что мы не едим на машине, а летим в теплые края.

— Я рада, что она знает. — Эверли снова целует меня. — Я тоже не стыжусь нас.

Наши друзья были на удивление спокойны, когда мы им рассказали. А Кортни и Калейб — наши частые двойные свидания.

Я игриво шлепаю ее по заднице.

— У тебя экзамен.

— Какого черта экзамен назначают на утро? А? — ворчит она. — Объясни мне это.

Старая добрая Эверли.

— Поднимай свою задницу. Пойду приготовлю завтрак, пока ты будешь в душе.

— Пирожные не считаются завтраком, — говорит она, направляясь в ванную.

— Черт возьми, уверен, что считаются, — кричу в ответ, когда иду на кухню готовить нам бекон, яйца и тосты.

У нее экзамен. Ей нужно немного белка.

Переведено для группы: <https://vk.com/bookhours>

Я все еще чувствую укол вины, иногда будучи таким чертовски счастливым, но я искренне верю, что Лиам хотел бы этого. В глубине души.

Я улыбаюсь, готовя завтрак.

И знаю, что даже если бы это было не так, ничто не удержало бы меня от Эверли теперь, когда она моя.

Глава сорок четвертая

ЭВЕРЛИ

— Идеально. — Купер одаривает меня этой понимающей улыбкой, протягивая мне чашку кофе, и мы смотрим на океан из спальни пляжного домика, который он арендовал.

Через год после самой большой трагедии в нашей жизни, мы действительно в отпуске. Сказать, что я нервничала из-за крушения самолета, было бы преуменьшением, но пока все шло хорошо.

Не думаю, что кто-то из нас не будет жить в страхе.

Иногда мы оба все еще испытываем чувство вины, но мы любим друг друга. Этого нельзя отрицать. Связало ли нас время, проведенное в том доме, вместе или нет, наша любовь реальна. И чувствую это глубоко в своем сердце каждую секунду, когда я с ним.

— Да, здесь прекрасно. Можем остаться здесь навсегда?

Его щека касается моей, когда он обнимает меня.

— У тебя остался еще один семестр.

Я ворчу, делая глоток кофе.

— А потом у тебя будет медицинская школа.

Я чувствую, как он улыбается, что теперь делает часто.

— Да, потом у меня будет медицинская школа. Но когда я стану богатым врачом, а твой цветочный магазин будет процветать, мы сможем остаться здесь.

Сейчас у него такие оптимистичные взгляды, и, полагаю, что теперь и у меня тоже. Я определенно ловлю себя на том, что чаще улыбаюсь.

— Я не могу ждать. И хватит уже о цветочном магазине.

— О, это должно произойти. — Он такой чертовски самоуверенный. Но думаю, что то, что я сказала ему, что хочу стать флористом, на самом деле говорило о том, как сильно я заботилась о нем. Как сильно ему доверяла. Жаль, что я была слишком убита горем и слепа, чтобы увидеть это раньше, но теперь мы вместе. — Я же говорил тебе, что с радостью профинансирую это.

— Доктору требуется много времени, чтобы начать зарабатывать большие деньги, понимаешь?

Я ставлю свой кофе на ближайший столик и поворачиваюсь в его объятиях так, чтобы оказаться лицом к нему. Обнимая меня за шею, он говорит:

— Хорошо, что твой доктор по совместительству также очень избалованный ребенок с трастовым фондом.

Я смеюсь над этим и качаю головой, наслаждаясь тем, насколько нам комфортно друг с другом. Нет ничего запретного. Мы обо всем говорим.

— Ты не можешь пойти к своему отцу и сказать: «Эй, папа, я собираюсь использовать свой трастовый фонд на маленький цветочный магазин моей девушки».

Его губы растягиваются в прекрасной, дьявольской улыбке, и мое сердце начинает так быстро колотиться в груди, что я с трудом перевожу дыхание.

— Я не это сказал. — Моя бровь выгибается, когда я смотрю на его руку, видя сверкающее кольцо с бриллиантом между его большим и указательным пальцами. — Я пошел к своему отцу и сказал, что хочу финансировать цветочный магазин моей будущей жены.

— Куп, — шокировано выдыхаю я. И это все, что я могу сказать.

Он убирает мою левую руку со своей шеи, не сводя с меня глаз.

— Эверли. Хотя думаю, что брак немного устарел, и это похоже на замашки пещерного человека, когда я заявляю права на тебя... — Он надевает кольцо мне на палец, умудряясь сделать это хотя моя рука дрожит. — Я хочу, чтобы ты была моей до конца нашей жизни.

Мои глаза встречаются с его, и я не могу сдержать улыбку на своем лице.

— Ты хочешь жениться на мне?

— Да, — отвечает он без колебаний.

— Ты ожидаешь, что я буду мириться с твоей неряшливой, дерзкой и упрямой задницей?

Он улыбается и держит мою руку с кольцом на месте и перед моим лицом.

— Навсегда.

— Думаю, что смогу это сделать. — Я снова обнимаю его за шею и целую. — И для протокола, я думаю, что получаю лучшую сделку. Тебе придется мириться с моей капризной, упрямой...

— Красивой.

— Задницей.

Он смеется и целует меня.

— Я, черт возьми, не могу дождаться.

— Я тоже не могу.

— А еще я сказал маме Лиамы, что мы придем к ним на новогодний ужин.

Мое сердце замирает, а тело напрягается.

— Она должно быть ненавидит меня.

— Никто не может ненавидеть тебя, Эв. — Он крепко обнимает меня, когда я качаю головой.

— Я встречалась с ее сыном и сразу после его смерти начала встречаться с его лучшим другом. — Теперь он приподнимает бровь, глядя на меня. — Ну, это упрощенная версия.

— Она последний человек, который будет осуждать. Ей просто хочется, чтобы мы были счастливы.

Мы подходим к кровати, и я ложусь, положив голову ему на плечо.

— Ты все еще чувствуешь себя виноватым?

— Часть меня сожалеет, но я не жалею о том, что был с тобой, и никогда не пожалею. — Он тихо смеется. — Хотя я бы хотел, чтобы он мог ударить меня. Только один раз.

— Тебе нужно немного физического насилия?

Он криво улыбается.

— Думаю, что было бы лучше, если бы я мог почувствовать его ярость и двинуться дальше. Но этому никогда не бывать.

— Знаю. Это нечестно. — Я прижимаюсь ближе. — Но если хочешь, я могу ударить тебя.

Он притягивает меня к себе. Я перекидываю волосы через плечо и сажусь, оседлав его бедра.

— Сделай так, чтобы было больно, Эв.

Я наклоняюсь и целую его с улыбкой на лице.

Мы перестали наказывать себя за то, над чем у нас никогда не было никакого контроля с самого начала. Потому что любовь абсолютно неконтролируема.

Глава сорок пятая

ЭВЕРЛИ

Не могу избавиться от чувства, что мать Лиама должна ненавидеть меня, но я также знаю, что не могу уклониться от этого ужина. Похоже, нам это нужно для завершения.

Мы собираемся пожениться.

И все, что я хочу чувствовать, — это радость.

Пальцы Купера переплетены с моими, пока мы ждем у входной двери холодной зимой в Канзасе, только что вернувшись из отпуска.

— Все будет хорошо.

Я улыбаюсь, любя и ненавидя одновременно за то, как хорошо он меня знает.

Мать Лиама открывает дверь с той же успокаивающей улыбкой, которую я помню, и обнимает нас.

— Я так счастлива, что ты здесь! — Она крепко обнимает нас обоих, и я неловко похлопываю ее по спине, когда она сжимает нас.

Куп смеется.

— Мы бы не пропустили это.

Она отпускает нас и впускает внутрь, где мы снимаем пальто и идем к обеденному столу, чтобы найти отца Лиама, сидящего там и окруженного едой, от которой у меня урчит в животе.

Я убираю волосы за ухо, и мать Лиама взволнованно хватается меня за руку.

— Она сказала «да»?

Она смотрит на Купера, и я прослеживаю за ее взглядом.

— Ты сказал ей?

Купер подмигивает.

— Конечно, сказал. Подумал, что это заставит нас обоих чувствовать себя лучше.

Черт бы его побрал. Я смущенно смотрю на мать Лиама.

— Я... эм... согласилась.

Она улыбается и проводит рукой по моим волосам, оставляя их на моем плече.

— Это замечательно. Как и сказала Куперу, я знаю, что это, наверное, немного странно, но я знаю, что Лиам смотрит, и он рад за тебя. — Я напрягаюсь еще больше, потому что не уверена, что он может быть счастлив.

— Надеюсь, он не смотрит все время, — шутит Куп, и мои глаза расширяются, когда я смотрю на него и в ужасе качаю головой.

Он просто смеется, и, что удивительно, родители Лиама тоже смеются.

Джим встает и жестом приглашает нас присоединиться к нему.

— Я умираю с голоду. Разве мы не можем поговорить об этом за ужином?

Я улыбаюсь ему и подхожу, чтобы тепло обнять, прежде чем мы все сядем и поедим вкусную еду. Странно быть здесь с родителями Лиама без него, но в то же время это не так. Я действительно чувствую его здесь. И Арию.

Я не думаю, что Лиам был бы слишком рад, если бы мы были вместе, но, может быть, он смог бы найти способ простить, как это сделали мы.

В конце концов, Куп и Лиам были братьями во всех смыслах этого слова. Купер — самый бескорыстный человек, которого я знаю, позволивший своему брату так долго быть со мной.

— Итак, когда свадьба? — спрашивает мать Лиама, когда мы начинаем ужинать.

Я отвечаю, потому что рот Купера набит едой.

— Летом. Хотим что-то маленькое.

Она улыбается.

— Это очень мило. Я рада за вас двоих.

И я верю ей.

Смотрю на Купера с улыбкой на лице, и я так чертовски счастлива, что перестала бороться с чувствами между нами.

Он — все, что мне нужно в этой жизни.

Переведено для группы: <https://vk.com/bookhours>

Глава сорок шестая

Восемь лет спустя

КУПЕР

— Ух ты! — Я поднимаю свою маленькую девочку в воздух в тот момент, когда она бежит в мои объятия. — Ты становишься огромной!

— Я знаю! Я большая девочка. — Я смеюсь и целую ее в макушку.

— Не слишком большая. Еще нет.

— Мне четыре. — Я улыбаюсь своей дочери, и мне нравится, что у нее глаза Эверли. Прямо сейчас они темного оттенка синего.

— Я знаю. — Ее брат неторопливо входит в мой кабинет, неся своего любимого медведя и улыбаясь. Я опускаюсь на колени, все еще обнимая одной рукой дочь, и заключаю сына в объятия. — Привет, приятель. Где мама?

— Я здесь. — Эв входит — хорошо, может быть, ковыляет вразвалку — в дверь на восьмом месяце беременности нашим третьим ребенком. — Они пытаются убить меня.

Я смеюсь и отпускаю своих детей, подхожу к своей прекрасной жене и хватаю ее за голову, прежде чем поцеловать в губы.

— Им лучше не делать этого. Мне придется последовать за тобой, и тогда они останутся сиротами.

Она усмехается на это и морщит нос.

— Так романтично.

— Всегда.

— Мы совершенно сумасшедшие, верно?

Мне не нужно спрашивать ее, о чем она говорит.

— Полностью.

Каждый год мы вылетаем из Канзаса на трехнедельную поездку в пляжный домик, который купили по действительно выгодной цене. Я — кардиолог. И забочусь о своих пациентах. Но моя семья — это мой приоритет номер один. И так будет всегда.

Это было обещание, которое я дал Эверли в нашу первую брачную ночь и сдержал его. И так будет всегда, потому что я совсем не похож на ее родителей, и мне нужно, чтобы она это знала.

Эверли медленно садится в кресло за моим столом.

— Фух.

— Мы можем пропустить это?

Она качает головой.

— Ни за что.

— Ну, я имею в виду, что мы могли бы отложить это до тех пор, пока малыш не появится.

Она снова качает головой, так же упрямо и вызывающе, как всегда, и мне это чертовски нравится, может быть, сейчас даже больше. Этот огонь в ней все еще заставляет меня стараться лучше, чтобы быть лучшим мужем и отцом, каким только я могу быть. Эв знает, чего она хочет, и получает это. И если я смогу это осуществить, то обязательно сделаю.

Совсем как с цветочным магазином. Тем, который, на самом деле, процветает, и я знал, что так и будет. Приятный штрих, то, что, я думаю, сделало его таким успешным, заключается в том, что Эверли настояла на том, чтобы это была также пекарня в память о моей матери, с которой она никогда не встречалась. Универсальный магазин приятных ощущений, и она управляет им.

Мой папа этого не говорит, но я знаю, что это много значит для него. И, что удивительно, он был ее лучшим клиентом и довольно приличным дедушкой. Может быть, мама Лиамы была права, и моя мать была любовью всей его жизни, и ее смерть сломила его.

Я все еще скучаю по Лиаме каждый гребанный день. И по Арии. Но если бы я потерял Эв... не думаю, что смог бы когда-нибудь справиться с этим.

Переведено для группы: <https://vk.com/bookhours>

Магазин остается открытым все три недели, пока нас нет, и Эв звонит, чтобы проверить своих сотрудников несколько раз в день. Но все же больше всего на свете я с нетерпением жду этих трех недель, чтобы запереться в уединенном пляжном домике с любовью всей моей жизни.

Я не хочу ничего другого. И всегда буду любить и защищать свою семью. Они все, что мне нужно.

С ними у меня есть все, о чем я когда-либо мог мечтать.

КОНЕЦ